

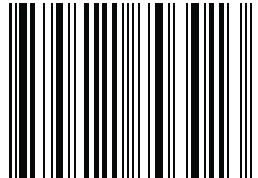
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ

*Сборник материалов
Всероссийской научной конференции*

Выпуск 1

ISBN 978-5-4217-0301-3

9 785421 703013

Курганский
государственный
университет

редакционно-издательский
центр
41-71-07

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Курганский государственный университет»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ

*Сборник материалов
Всероссийской научной конференции*

Курган 2015

УДК 80 (08)

ББК 80я43

А43

Актуальные проблемы филологии : сборник материалов Всероссийской научной конференции / **отв. ред. Е. Р. Ратушная**. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2015. – 235 с.

Сборник включает материалы Всероссийской конференции «Актуальные проблемы филологии». Представлены труды по фразеологии, словообразованию, исторической и когнитивной лингвистике, методике преподавания словесности. Освещены актуальные проблемы литературоведения и журналистики. Сборник предназначен для широкого круга филологов: преподавателей высшей и средней школы, аспирантов и студентов.

Рецензенты:

д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка, литературы и методики преподавания русского языка и литературы ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный педагогический университет» Г.А. Шиганова;
канд. пед. наук, доцент, зав. кафедрой гуманитарного и эстетического образования ГАОУ ДПО «Институт развития образования и социальных технологий» О.Г. Шаврина.

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, проф. Е.Р. Ратушная (отв. ред.); канд. филол. наук, доцент Б.В. Туркина; канд. филол. наук, доцент Н.В. Шведова; канд. филол. наук, доцент В.И. Кабыш; аспирант кафедры русского языка Т.П. Тимофеева; ст. лаборант кафедры русского языка Э.А. Орехова.

ISBN 978-5-4217-0301-3

© Курганский
государственный
университет, 2015
© Авторы, 2015

КОНЦЕПЦИЯ ДИАЛОГА КУЛЬТУР В ЖАНРЕ КАВКАЗСКОЙ ПОВЕСТИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Проблема диалога культур занимает значительное место в современном мире. С одной стороны, идет стремительный процесс глобализации, а с другой – все существующие нации стремятся не только сохранить свою культуру, но и расширить сферу собственного воздействия.

Русская литература XIX века способствовала формированию художественной концепции в изображении национального характера героев кавказской повести. Именно с началом XIX века связано преодоление барьера разделения духовной культуры народов, населяющих огромную и многонациональную Россию. Исторические события, связанные с присоединением Северного Кавказа к Российской империи, повлияли на единение русского и кавказского народов, начался так называемый диалог культур. Усилилось взаимодействие активной части горских народов и русской интеллигенции, которая пыталась утвердить идеалы Просвещения и антифеодализма.

Творчество таких величайших писателей, как Пушкин, Лермонтов, Толстой, утверждало принципы гуманизма и равноправия народов. Приобщение кавказцев к образованию и русской культуре способствовало зарождению в русском искусстве слова тематики, посвященной Северному Кавказу, его жителям, их интересам, обычаям и обрядам. Именно этим и обусловлен коренной перелом в общественном сознании горских народов и развитие его в новом ключе.

Исследователь Ю.М. Лотман писал: «Диалог должен обладать одним свойством: поскольку транслируемый текст и полученный на него ответ должны образовывать, с некоторой третьей точки зрения, единый текст, а при этом каждый из них, со своей точки зрения, не только представляет отдельный текст, но имеет тенденцию быть текстом на другом языке,

транслируемый текст должен, упреждая ответ, содержать в себе элементы перехода на чужой язык. Иначе диалог невозможен».

Концепция человека, образ горца обусловлены приобщением горского народа к гуманизму и идеалам Просвещения. Активным проводником диалога культур в новых исторических реалиях стал жанр кавказской повести. Кавказская повесть описывала жизнь горских народов, обращалась к особенностям их быта и традиций. То есть логично утверждать, что структурообразующим звеном является именно этнографическая составляющая повести.

Писатели первой трети XIX века по-иному осмыслили возникшие проблемы, которые были связаны с происходившими событиями на Северном Кавказе и с войной. С этим временем связано появление в русском искусстве слова нового героя, героя – представителя своего народа, в котором воплощен особенный национальный характер, на который повлияли и время, и обстоятельства. Такой особенный национальный характер, сформированный под влиянием времени и обстоятельств, лежит в основе повести Бестужева-Марлинского «Аммалат-бек». Такой национальный характер осмыслился сначала в традициях романтизма, а позже – реализма. С помощью русского искусства слова писатели показывали непростую судьбу человека из народа, его трагедию под влиянием несправедливо устроенного общества. А.С. Пушкин начал так называемый диалог культур в своей поэме (кстати, Пушкин обозначил это произведение не как поэму, а именно как повесть) «Кавказский пленник». Перед глазами русского читателя предстала вся неповторимая и экзотичная красота Кавказа, его величественных гор и синего неба.

Писатели подробно изображали одежду горцев, не упускали даже малейшей детали: «Он был одет в черную персидскую чуху, обложенную галунами; висячие рукава закидывались за плечи. Турецкая шаль обвивала под исподом надетый архалук из букетовой термоламы. Красные шальвары скрывались в верховые желтые сапоги с высокими каблуками. Ружье, кинжал и пистолет его блистали серебром и золотой насечкою. Ручка сабли осыпана была дорогими камнями».

Большим авторитетом среди горцев пользовались люди умные, обладающие красноречием. Слава о них распространялась далеко за пределами родного аула. Способность красиво отразить свое видение той или иной ситуации, охарактеризовать того или иного человека считалась у них одним из важнейших идеалов этики.

Зачастую, чтобы более наглядно и образно показать жизнь горцев, чтобы читатель впитал дух этой жизни, писатели обращались к фольклорным источникам. Ведь именно в фольклоре отражается жизнь народа, его история, его духовная сущность. Фольклор впитывает в себя характер народа, его мировосприятие, мировоззрение.

Кавказская культура консервативна, и большое количество памятников устного народного творчества дошло и до наших дней. При создании многих кавказских повестей авторы обращались к фольклору, что и обусловило взаимодействие и взаимодополнение фольклорных и литературных традиций. Впоследствии связь между литературой и фольклором стала непрерывной, крепкой и устойчивой. В кавказских повестях мы можем встретить и цитирование образцов устного народного творчества в переводной форме, и пересказ этих образцов (повесть «Хаджи-Мурат»). Использовали писатели фольклор и в сюжетно-композиционном устройстве произведений, в образах главных героев («Аммалат-бек», «Мулла-Нур»). То есть мы приходим к выводу, что имеет место сюжетно-смысловой и языково-поэтический уровень использования фольклорного материала.

Серьезно и глубоко исследовал Кавказ Лев Николаевич Толстой. Он не только жил на Кавказе, но и лично воевал против кавказцев, видел суровые военные будни. Жестокая реальность войны скоро отрезвили многих русских военных, приехавших в этот край в поисках славы и приключений. А вынужденно попавшие на Кавказ солдаты просто возненавидели эту бойню и резню. В кавказской повести «Набег» Толстой писал: «Неужели тесно жить людям на этом прекрасном свете, под этим неизмеримым звездным небом? Неужели может среди этой обаятельной природы удержаться в душе человека чувство злобы, мщениия и страсти истребления себе подобных?».

Цикл кавказских повестей Л.Н. Толстого включает в себя такие повести, как «Казачи», «Набег», «Рубка леса», «Кавказский пленник», «Хаджи-Мурат». Все эти произведения говорят о прекрасном знании писателем этого необыкновенного края.

Повесть Толстого «Хаджи-Мурат» – самая драматичная во всем его кавказском цикле. Писатель по-своему показывает несчастную судьбу молодого человека, Хаджи-Мурата, сподвижника Шамиля. Большую роль в этом произведении играют фольклорные источники и этнографический материал, которые помогают раскрыть тему. Лев Николаевич Толстой в своей повести «Хаджи-Мурат» использовал в основном дагестанский фольклор, который близок горским народным традициям.

В повести Толстой подробно описывает обычаи и традиции горцев. Интересен обычай примирения за убийство. Хенефи рассказал об убийстве дяди Хаджи-Мурата своим отцом. По обычаю кровной мести его тоже должны были убить, а если бы он сам умер своей смертью, то тогда кара бы обрушилась на любого другого родственника по мужской линии. И вот Хенефи решил попросить принять его братом. Он пришел к матери убитого, она приняла его, и так Хенефи стал его братом.

В повести великий писатель характеризует и мусульманский молитвенный обряд.

Интересна колыбельная матери главного героя. В ней говорится о событиях, которые случились, когда Хаджи-Мурат был еще младенцем. Ей приказали стать кормилицей сына хана, но она отказалась. Тогда ее ранили в грудь. Женщина прижала к ране своего мальчика, и все зажило, а сын стал джигитом. То есть эти события и легли в основу этой песни.

Еще в одной песне в повести говорится о мести. Ее исполняет Хенефи, кровник Хаджи-Мурата.

Также в этой кавказской повести Толстой излагает содержание другой горской песни – песни о Гамзате. Когда-то давно жил джигит по имени Гамзат. Однажды он угнал у русских табун отборных лошадей. Когда он пересек Терек, то был настигнут русским князем и его войском, но не сдался. Он бился до последнего патрона и последней капли крови. Судьба

Гамзата в какой-то мере предопределяет участь самого Хаджи-Мурата. И перед лицом смерти джигит вспоминает эту песню.

Мы видим, как тесно переплетается фольклор с жизнью этого человека.

Исходя из этого, мы можем сделать вывод, что именно фольклорные источники помогают великому писателю создать и раскрыть образы кавказцев, да и вообще сформировать композицию всей повести.

Фольклор придает повести неповторимую, особую, народную окраску. Органично врастают в авторскую речь и слова из местного народного лексикона. Иногда даже мы можем наблюдать и преобразование русского языка под влиянием кавказского.

Л.Н. Толстой отчетливо понимал, что именно фольклор выражает характер народа, его прошлое, раскрывает детали быта и общественной жизни. Поэтому мы можем говорить о том, что обращение к горскому фольклору великого писателя было закономерным и обуславливалось стремлением более реалистично воссоздать обстановку тех событий.

Языковое богатство кавказского народа помогло Льву Николаевичу отметить самое яркое и типичное, имеющееся в его произведении, и воссоздать изображаемые события и характеристику персонажей.

Толстой при создании своего произведения использовал и пословицы, и песни, и поговорки, и сказки. В отдельных случаях он углублял фольклорное содержание переводных источников и расширял его в духе кавказских традиций, приближаясь к фольклорным источникам.

Являясь великим мастером художественного слова, Толстой будто реконструировал историческую действительность, подвергал ее собственной обработке. Отсюда закономерно и обращение писателя к устному поэтическому творчеству кавказцев.

Некоторые исторические события в повести находят свое отражение в кавказском фольклоре, например, сцена гибели главного героя. То есть великий писатель настолько проникся горским фольклором, что и сам мог создавать чудесные песни, близкие кавказским.

Многие этнографические черты, введенные в повесть, писатель наблюдал сам и вносил в свои произведения. Отсюда и реалистичность

изображаемых событий. Интересно заметить, что индивидуальные черты персонажей в повести органично сливаются с чертами национальными, как представителей определенного этноса. И отдельные особенности героев совсем не случайны, а типичны для этого народа и вытекают из реалий общественного быта в изображаемой среде.

Дагестанский фольклор в «Хаджи-Мурате» использовался писателем как одно из средств создания и раскрытия образов горцев, развития сюжета и формирования композиции всей повести. Толстой сохраняет подлинно народное толкование образов горского фольклора, придавая этим своему произведению народный реалистический колорит. Язык Л.Н. Толстого обогащается элементами местной народной лексики не путем выделения их из общего повествовательного текста, а путем их органического вращивания в авторскую речь. При этом в отдельных случаях прослеживается и изменение русской литературной речи писателя под непосредственным влиянием на Толстого чужого национального языка. Вследствие этого многие изобразительные детали в языке Толстого выросли на фольклорной почве. В своей повести Толстой восстанавливает не только форму, но и содержание горских народных песен, пословиц, поговорок, речений, сказок и т.д., уточняя, углубляя и в отдельных случаях изменяя фольклорные тексты переводных печатных источников, приближая их к форме и содержанию кавказских фольклорных произведений на их подлинном языке. Толстой как великий мастер художественного слова в своем повествовании оживлял описываемые им факты исторической действительности, подвергая их авторской индивидуализирующей обработке. С этой целью Толстой в отдельных случаях обращался к поэтическим образам и средствам устной поэзии горцев: отсюда само художественное описание Толстым некоторых исторических событий в «Хаджи-Мурате» находит соответствие в горском фольклоре, как, например, описание подробностей смерти Хаджи-Мурата и др. Л.Н. Толстой глубоко проник в содержание устной горской поэзии, владел в совершенстве ее формами и сам создавал прекрасные образцы песен, очень близких к горским народным песням. Целый ряд введенных в повесть этнографических черт Толстой черпал непосредственно из собственных наблюдений.

В «Хаджи-Мурате» этнографический материал использовался с целью показа реальной обстановки, в которой разворачивается действие и с целью характеристики и раскрытия образов горцев. У Толстого в создании образов горцев наблюдается органическое слияние индивидуальных черт изображаемых им личностей с чертами национальными, присущими им как представителям определенной этнографической среды. Отдельные художественные черты, которые Толстой использует в своем описании жизни дагестанских горцев, являются не случайными, а типичными, вытекающими из особенностей всего общественного быта изображаемой им среды.

В использовании фольклорно-этнографического материала в «Хаджи-Мурате» у Толстого проявляется присущее ему «чувство меры» великого художника-реалиста. Обилие же сведений Толстого в области дагестанской народной словесности и этнографии горцев отнюдь не привело к перегруженности повести этим материалом, напротив, это дало Толстому возможность выбирать наиболее типичное, характерное и необходимое для его кавказского повествования. Несмотря на близость и точность в использовании Толстым в «Хаджи-Мурате» этнографических черт и фольклорных материалов, у писателя нигде не встречается их фотографирование. Несмотря на то, что повесть Толстого имеет большую связь с дагестанским фольклором, она отнюдь не является слепым подражанием горским фольклорным произведениям. В «Хаджи-Мурате» наблюдается органическая слитность фольклора с творческим замыслом автора, в результате этого внутри повести получается новое качественное преобразование фольклора, преломление его в литературном произведении, каковым и является «Хаджи-Мурат».

Художественное мастерство Л.Н. Толстого является связующей нитью в концепции диалога культур. А это особенно важно для современных писателей и поэтов любого региона России, стремящихся отобразить историю народа, его религию, национальный быт, культуру средствами устного народного творчества, фольклора, этнологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Губанукаева М.М. «Кавказский излом» в творчестве Льва Николаевича Толстого на примере произведений «Хаджи-Мурат», «Казачьи». *Международ-*

ная научно-практическая конференция «Россия и Кавказ в пространстве единой державы». М., 2013.

2. Дегоев В.В. Чеченская война прежде и теперь//Дружба народов//№1, 2000.

3. Игнатьева Е.Б. Жанр повести в русской литературе. Жанровое своеобразие русской литературы. – Курган, 2008.

4. Исрафилов Н.Р. Горцы и Л.Н.Толстой. – Махачкала, 2004.

5. Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. – М., 2003.

6. Казиев Ш.М., Карпеев И.В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. – М., 2003.

7. Лейдерман Н.Л. Русскоязычная литература – перекресток культур//Русская литература XIX-XX веков: Направления и течения.//№8, 2005.

8. Луков В.А. Россия и Европа: Диалог культур во взаимном отражении культур//Знание. Понимание. Умение.//№1, 2007.

9. Мухина В.М. Кавказский цикл произведений Л.Н.Толстого: структурно-тематический аспект//Современные проблемы литературоведения. – Махачкала, 2008.

О.Н. Андрюшина, Н.Н. Бочегова
Курган

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧНОЕ В СОДЕРЖАНИИ КОНЦЕПТА STREET/УЛИЦА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Изучение национально-культурных прототипов универсальных концептов является актуальной проблемой когнитивной лингвистики на современном этапе. Данная статья посвящена исследованию одного из универсальных концептов, относящегося к сфере повседневности – концепту *улица* на материале английского и русского языков.

Улицы соседствуют с нами, пожалуй, с тех самых пор, когда появились первые города. Каждый день, проходя по родным улицам, созерцая авеню и бульвары заграничных городов, мы редко задумываемся о самом слове. А ведь именно оно является основным репрезентантом этого универсального концепта.

Взяв за основу определение понятия «концепт», данное З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, а именно – «*дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету*»[1: 32], – обратимся сначала к истории понятия через анализ словарных статей.

Macmillan Dictionary даёт следующие определения понятию *street*:

1. used in the names of roads. She works on Oakwood Street.

2.a. outside in a city or town – on/in the streets: Additional police officers are being deployed on the streets.

b. [only before noun] relating to streets, or taking place on the streets in a city or town: a street map/sign, street crime, a street vendor/musician, a street corner (=the place where two streets meet) [2].

Другой словарь, Webster English Dictionary, так определяет слово *street*:

Street noun \strēt\: **a**: a thoroughfare especially in a city, town, or village that is wider than an alley or lane and that usually includes sidewalks; **b**: the part of a street reserved for vehicles; **c**: a thoroughfare with abutting property <lives on a fashionable *street*>;

2: the people occupying property on a street <the whole *street* knew about the accident>;

3: a promising line of development or a channeling of effort <a crafty politician working both sides of the *street*>;

4a: a district (as Wall Street or Fleet Street) identified with a particular profession;

b: the people who work in such a district <doing better than the *Street* expected>;

5: an environment (as in a depressed neighborhood or section of a city) of poverty, dereliction, or crime <grew up on the mean *streets*>.

Кроме того, словарь Webster также даёт и несколько наиболее частотных и известных устойчивых сочетаний с исследуемой лексической единицей: **On the street or in the street:**

1: idle, homeless, or out of a job; **2:** out of prison: at liberty;

Up one's street or down one's street - suited to one's abilities or taste.

Как видно из приведённых примеров, лексема *street* является неотъемлемой частью описания городских пространств, к тому же с развитием языка она получает и метафорические значения.

Происхождение слова, по данным словаря Webster, происходит от позднелатинского *strata*, обозначающего мощёную дорогу, в древнеанглийском – *stræt*, в среднеанглийском – *street*. Первое упоминание зафиксировано в период 12 века [Там же].

Обратимся к словарям русского языка. «Толковый словарь великорусского языка» В.И. Даля, одно из первых серьёзных творений отечественной лексикографии, даёт следующее развёрнутое определение:

Улица *ж.* (лицо домов) уличка; улка *сев.-вост.* улок или наулок, *влад.* улочка; *смол.* околица; – простор меж двух порядков домов; полоса, проезд, дорога, оставляемая промеж рядами домов; вообще простор полосой, меж двух рядов каких либо предметов, *напр.* просадь; народ, солдаты, стоящие улицей, откуда: пройтись по зеленой улице – пройти сквозь строй. Разгнаша людей, и створиша улицу, *стар.* [4]

У́лица *жен.* 1. Пространство между двумя рядами домов в населённых пунктах для проезда и прохода; два ряда домов с проездом, проходом между ними. «Все улицы полны народом». Жуковский. «В улицах уже было совсем темно». Л.Толстой. «Брожу ли я вдоль улиц шумных» Пушкин. 2. *перен., только ед.* В сочетании с предлогами употр. в знач., противоположном дому, жилому помещению. На улице мороз (то же, что на дворе). Одна дверь в сени, другая на улицу. 3. *перен., только ед.* Население домов, находящихся на данной улице [5].

Данная лексема в русском языке широко представлена в различных устойчивых сочетаниях: оказаться на улице (без жилья или работы); человек с улицы (случайный человек); будет и на нашей улице праздник (и для нас наступит радость); зелёная улица (вид армейского наказания, использовавшие-

гося в царской России; прогон наказуемого сквозь строй солдат со шпирцрутенами); улица с односторонним движением (отсутствие взаимопонимания).

Как видно из вышеприведённых примеров, в обоих языках улица – это часть любого города, представляющая собой проход между рядами домов. Этот ряд домов имеет название (*Baker street/улица Максима Горького*), которое связано с именем известного человека, события, а также с некоторой особенностью улицы (у. Ипподромная в городе Курган находится на месте старого ипподрома, а *Canal S.* в Нью-Йорке – это засыпанный канал). На улицах всегда есть дома, а также в обоих языках это место для пешеходов и машин. Кроме того, данное понятие противопоставляется «дому», «помещению».

Что же касается переносных значений, то здесь ситуация во многом идентична: метонимическое преобразование, когда под словом *street/улица* понимаются её жители, характерно как для русского, так и для английского языков. Бездомных и безработных также называют оказавшимися *at (in) the street/на улице*. Специфическими значениями для английского языка являются «путь развития» (значение 3 по Вебстеру) и *up (down) one's street* – нечто, соответствующее чьим-либо взглядам или вкусам. Для русского языка – зелёная улица (реалия дореволюционной России), а также «улица с односторонним движением» как обозначение непонимания.

Пожалуй, одним из самых известных концептов, актуализированных лексемой *street/улица*, является концепт *Main Street/главная улица*. Так названы улицы в Санкт-Петербурге, Москве, Казани и других городах Российской Федерации. Существуют фирмы с одноимённым названием (агентство недвижимости в Тюмени). В Москве есть также группа под названием “*Main Street*”, которая организует музыкальное сопровождение для праздников. Из литературных произведений стоит вспомнить поэму Демьяна Бедного «*Главная улица*» – своеобразный гимн революции, певцом и верным служителем которой являлся поэт. На крупнейших русскоязычных литературных порталах (www.proza.ru и www.stihi.ru) то и дело появляются произведения, содержащие в заголовках данное словосочетание. Нельзя не упомянуть и советский художественный фильм Петра Го-

доровского «По главной улице с оркестром», повествующий о вечных проблемах «физиков» и «лириков», прагматиков и поэтов, отцов и детей.

В английском языке концепт “Main Street” представлен в топонимах (названия улиц, станций и др.), а также в произведениях искусства. Было создано огромное количество песен, стихотворений и прозаических произведений, содержащих в себе это название. Например, песни таких американских исполнителей, как группа Van Halen, а также певцов Игги Попа и Гарта Брукса. В период с 1972 по 1996 гг. в Диснейленде существовало популярное шоу – Main Street Electrical Parade – большой парад по главной улице парка с костюмированным шествием, выступлениями на специальных тематически украшенных платформах и игрой света.

Сложно переоценить и значение романа С. Льюиса “Main Street” для американской культуры. Он первым принёс в США Нобелевскую премию по литературе. Позднее по произведению был снят немой фильм. В 2010 году вышел новый одноимённый фильм с Орландо Блумом в главной роли, но к роману отношения он не имеет. Даже не читая произведение, можно сказать одно: главная улица небольшого города в США часто называется не иначе, как Main Street и присутствует почти во всех некрупных городах этой страны. Стоит отметить, что в родном городе С. Льюиса, Сок-Центре, Главная улица теперь носит имя писателя, прославившего её.

По сути, Главная улица в данном романе является и главным отрицательным персонажем. Это объясняется авторским замыслом – С. Льюис хотел показать консервативность и закостенелость жителей города, которые довлели над молодой и ищущей главной героиней и, в конце концов, сделали её такой же типичной “main streetite”.

В рамках исследования нами был проведён лингвистический эксперимент для выявления периферийных значений и изучения функционирования концепта *Main Street* в английском языке и *улица* – в русском. Для решения этой задачи было опрошено 40 человек-носителей английского языка в возрасте от 25 до 70 лет, имеющих разный род занятий и проживающих в разных штатах. Среди носителей русского языка – 50 человек от 19 до 65 лет, проживающих в России и Беларуси.

При опросе был использован бихевиористический подход. Респондентам давался вопрос-стимул: «Ваши ассоциации со словосочетанием *main street (главная улица)*», на который следовали реакции.

По результатам эксперимента, самыми частотными среди англоговорящих респондентов оказались следующие ответы:

Down town (6), primary street going through the middle of a city or town (6), small town (4), home (2), Parade (Walt Disney World) (2), main drag (2), quaint (2), commerce, new or old (2), ice cream (2), Café (2).

Остальные ответы можно разделить на несколько групп:

1) Абстрактные понятия, основанные на индивидуальном опыте носителей языка: *hospitality, popular choice or idea*;

2) Понятия, связанные с торговлей и коммерцией: *Wall street, investments, market, finances, shopping, shopping bags*;

3) Учреждения, здания и предметы, расположенные на Главных улицах городов США: *light posts, white paned windows, barber shops*;

4) Характеристики улицы (прилагательные и причастия): *quiet, rather slow area, old-fashioned, ritzy, accessible, thriving or dying, dirty*;

5) Понятия, связанные с городом и ролью главной улицы в нём: *City, small town center, where the activity is, the center of everything, cruising, social center, a thoroughfare*;

6) Понятия, обозначающие людей: *the upper half of a society, pedestrians. laughing children, cheerleaders*;

7) Понятия, связанные с праздниками: *flags, buntings, parades, ice cream, cheerleaders*.

Русскоговорящие участники отличались краткими ответами, что говорит отнюдь не об интеллектуальном развитии опрошенных, а об отсутствии у концепта *главная улица* яркой культурной специфичности. Улица для носителей русской лингвокультуры – понятие обыденное, не связанное с особыми событиями, не отражение определённого менталитета. Многие затруднялись назвать в своём городе одну главную улицу (за исключением жителей Санкт-Петербурга, которые в 100% случаев отмечали Невский проспект).

Типы ассоциаций:

1) объекты городского пространства: дорога (20), дома (45), фонарь (3), аптека, деревья (10), машины (40), тротуар, поребрик (2), светофор (2), скамейки, классики, фасады, лужи (5), магазины (2), раскопы, пакеты, центр, наружная реклама (19);

2) геометрический формы: прямая линия (2), полоса с квадратиками;

3) материалы: асфальт (8), воздух (3), плитка;

4) занятия: прогулка, высунуться в окно;

5) цитаты из известных произведений: Ночь. Улица. Фонарь. Аптека (А.А. Блок); Мимо пролетают дорогие лимузины (В.Б. Петкун). Уличная магия (видео с харизматичным мужчиной на youtube.com) [7];

6) абстрактные понятия: порядок, грязь, единство стиля, единая композиция, запахи, бедность, детство, приключения, неизведанное, победы, разочарования;

7) люди: люди (15), пешеходы (5), гопники, знакомые (5);

8) характеристики улицы: нарядная, проходимая, широкая (10), узкая (12), длинная, пустая, центральная, зелёная (8), тихая, нечто неопрятное (уличный кот);

9) время и явления природы: лето, лужи (5), атмосферные осадки, шумовое загрязнение, ветер, ямы.

Некоторые ответы респондентов носили образный характер, например, «полоска из 2гиса с квадратиками по обочинам», и представляли собой развёрнутые ответы: «Улица – это протяжённость домов и зданий, их логичное расположение. Они имеют нумерацию, единство стиля построения, должны дружно сочетаться в единую композицию. Я представляю себе длинную улицу из большого числа высотных многоэтажных зданий. Они построены из белого кирпича, ровные, стройные, стоят в два ряда и еще с красными крышами. Обязательно в промежутках между ними посажены зеленые кусты, деревья. Асфальт ровный, без выбоин. Машин мало, в основном только пешеходы. Воздух чистый, как в деревне».

Проведённый анализ показывает, что в языках существуют лексические единицы, которые характеризуются эквивалентностью на лексическом уровне, но за которыми в разных лингвокультурах стоят отличаю-

щиеся по объёму и «конфигурации» концепты. Изучение национально-культурных прототипов универсальных концептов является важной задачей этнолингвокультурологии, поскольку позволяет прояснить, с одной стороны, особенности ментальности этноса, язык которого является предметом изучения, а, с другой стороны, предоставляет возможность объяснить когнитивные механизмы формирования лексических значений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. — с. 32.

2. Macmillan Dictionary. [Электронный ресурс] URL: <http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/street> (дата обращения: 18.12.2014).

3. Merriam-Webster Dictionary. [Электронный ресурс] URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/street> (дата обращения: 18.12.2014).

4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка.

[Электронный ресурс] URL: <https://slovari.yandex.ru/~%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8/%D0%A2%D0%BE%D0%BB%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B9%20%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C%20%D0%94%D0%B0%D0%BB%D1%8F/%D0%A3%D0%9B%D0%98%D0%A6%D0%90/> (дата обращения: 18.12.2014).

5. Ушаков Д.Н. Толковый словарь Ушакова. 1935-1940. [Электронный ресурс] URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1066678#%D0%A3%D0%9B%D0%98%D0%A6%D0%90> (дата обращения: 19.12.2014).

6. Lewis S. *Main Street*. – New York: A Signet Classic, 1998.

7. *Street magic*. Part 2. [Электронный ресурс] URL: <http://www.youtube.com/watch?v=wTqsV3q7rRU> (дата обращения: 19.12.2014).

О.М. Батраева

Владивосток

НАУЧНОЕ ОБЩЕНИЕ НА УРОКАХ РКИ

Начало XXI века знаменуется усилением функционирования русского языка в мире. Активное участие России в международной жизни (политика, экономика, образование, туризм и др.) привело к тому, что русский

язык становится популярным. Русский язык как иностранный (РКИ) в качестве специальной дисциплины (язык специальности) представляет собой активно развивающееся направление. Роль русского языка в вузе высока. Прежде всего, потому, что он является основным средством получения профессиональных знаний [6, с. 14]. Русский язык выступает не только как средство общения, но и как средство овладения будущей специальностью.

Свободное владение иностранным языком начинается с овладения коммуникативной деятельностью, т.е. с умения осознавать изучаемые устные и письменные тексты, уметь извлекать из прочитанного как главные, так и второстепенные заложенные смыслы, создавать собственные тексты, выражать одну и ту же мысль различными способами, адекватно реагируя на ситуацию общения [7, с. 34]. Коммуникативная компетенция в учебно-профессиональной сфере общения формируется у иностранных студентов на специальных занятиях по научному стилю речи. Предполагается, что студенты-иностранцы способны приступить к изучению специальных дисциплин, например, «Профессиональный иностранный язык III (научная речь)». Однако большинство иностранных студентов отмечают, что сталкиваются с определенными трудностями. Одной из главных причин является недостаточная подготовка для общения в учебно-профессиональной сфере [1, с. 78]. Это приводит к тому, что научный стиль воспринимается иностранными студентами в отрыве от системы русского языка, и грамматические навыки, приобретенные на занятиях на ранних этапах обучения, не переносятся в область учебно-профессионального общения.

Особое место в обучении иностранных студентов в технических вузах отводится речевой подготовке, так как преподавание специальных дисциплин ведется на русском языке. Это связано с тем, что на первых курсах она является базовой дисциплиной, и от успешного преодоления «языкового барьера» в овладении устной и письменной русской речью, особенно учебно-научного и собственно научного стиля, зависит эффективность, интенсивность и результативность формирования как речевой, так и общей профессионально-коммуникативной компетенции обучаемых. Проблема изучения иностранными учащимися языка специальности в техническом вузе всегда находилась в поле зрения лингвистов. Как показывает практи-

ка, в последние годы она разрабатывалась учеными, методистами, преподавателями в нашей стране и за рубежом. Разработаны учебные пособия для экономистов, инженеров, специалистов нефтяной и газовой отраслей. Исследованием условий развития и формирования профессионально-коммуникативных компетенций при изучении языка специальности в процессе интеграции учебных дисциплин в вузе занимаются О. И. Бычкова, И. И. Гайдуков, Е. О. Галицких, И. И. Кириченко, В. А. Крючков и многие другие ученые.

Основная цель научного стиля – сообщить адресату новое знание о действительности и доказать его истинность. В связи с тем, что проблема обучения научному стилю речи является важной в процессе обучения иностранных учащихся, кафедрой РКИ Международного института ФГБОУ ВПО «Дальрыбвтуз» созданы учебные и методические пособия, позволяющие активизировать работу по изучению текстов научного стиля. Примером могут служить учебные пособия, изданные коллективом кафедры русского языка, например, «Профессиональный иностранный язык I», «Профессиональный иностранный язык II», «Профессиональный иностранный язык III», направленные на формирование функционально-смысловой работы над текстами [2, с. 3].

Изучение научного стиля иностранными студентами рекомендовано вводить после того, как они овладевают навыками чтения, письма, аудирования и репродуктивной устной речью в учебно-бытовой сфере общения. Следует отметить, что освоение терминологии не имеет смысла в отрыве от текста. Поэтому учебными материалами являются тексты для чтения и пересказа. Например, в материалах методических и учебных пособий к дисциплине «Профессиональный иностранный язык I (язык делового общения)» вводятся небольшие по объему учебно-научные тексты с минимальным количеством терминов [3, с. 16]. В дисциплине «Профессиональный иностранный язык II» каждый текст сопровождается системой предтекстовых заданий, направленных на усвоение языковых особенностей научного стиля. На данном этапе происходит формирование навыков коммуникации в учебно-профессиональной сфере в соответствии с профилем проектируемой специальности в техническом вузе. Мы предлагаем студен-

там для работы над текстом фрагменты научных статей ученых университета (по направлению подготовки будущих специальностей), формируя, таким образом, базу для последующей работы в дисциплине «Профессиональный иностранный язык III».

При обучении иностранных студентов русскому языку научного общения огромную роль играют сами тексты. Язык специальности – это область будущего профессионального общения иностранных учащихся.

Основными компонентами обучения языку специальности в техническом вузе являются: языковой (лексический и грамматический) материал; речевой материал (беседа, монолог, ролевая / деловая игра, проектная методика), тексты по специальности; знания, навыки и умения, входящие в состав профессионально-коммуникативной компетенции иностранных студентов и определяющие уровень ее сформированности. В современной методике РКИ много внимания уделено текстам художественного стиля, текстам рекламы, текстам культурологии и страноведения. Но остается неизученной специфика текстов профессиональной тематики. Обучение иностранных студентов языку специальности обусловлено целым рядом особенностей, которые зависят от некоторых факторов: ориентированность на профессию, довольно низкий базовый уровень знаний, низкая мотивация к изучению языка, недостаточная разработанность методов обучения и организации учебного процесса, недостаточное количество времени, отведенного на изучение дисциплины. Связано это с прагматикой обучения специальности на русском языке, с учетом всего комплекса возникающих у обучающихся сложностей (реализация профессионально-коммуникативной мотивации, преодоление трудностей усвоения русского языка, социально-общественной и языковой интерференции иностранных студентов в новой сфере и среде общения и др.).

Интеграция между учебными предметами является одним из возможных путей совершенствования учебного процесса, она направлена на углубление взаимосвязей и взаимозависимостей между предметами. Наиболее распространенной является интеграция русского языка как иностранного с историей, экологией, биологией, техническими дисциплинами. Рассмотрим основные подходы в работе с текстами научного стиля.

Во-первых, особую роль в работе над научным текстом играет словарная работа. Она может предварять текст или проводиться после него.

Во-вторых, научный текст должен быть адаптирован, при первом прочтении должно восприниматься до 70 % смысла текста.

В-третьих, грамматический материал к научному тексту необходимо анализировать с точки зрения частей речи, разбора синтаксических конструкций, анализа простых и сложных предложений – все это нужно проводить с опорой на текст [4, с. 33].

При обучении иностранных студентов технической направленности мы используем тексты профессиональной тематики, т.е. промышленного рыболовства, водных биоресурсов, технологии продуктов питания, международной экономики.

На первом этапе знакомства с текстами будущей профессии мы используем тексты, в которых доминируют термины естественных наук (экология, биология, география). При знакомстве учащихся с дисциплинами «Профессиональный иностранный язык II» и «Профессиональный иностранный язык III» включаем тексты, отражающие специфику профессии будущих инженеров технического вуза. Работа эта направлена на формирование навыков по реферированию, подготовке курсовой и дипломной работы. Процесс чтения текстов с установкой на последующее реферирование, предусматривающее смысловую и языковую компрессию текста, можно разделить на два этапа [5, с. 340]:

- этап ориентирования в первоисточнике,
- этап свертывания обобщенной информации до уровня реферата.

Целенаправленная работа над текстами научного стиля речи играет важную роль в дальнейшей профессиональной подготовке иностранных учащихся. Прежде всего, в подготовке заданий по языку специальности. В широком спектре их коммуникации именно научные тексты занимают первое место.

В настоящее время трудно представить качественную и эффективную организацию образовательного процесса без привлечения компьютерных технологий. Относится это и к работе над текстами научного общения. В мультимедийных презентациях, представленных преподавателем, предъяв-

лен языковой материал и предтекстовые задания научного текста. На практических занятиях по языку специальности используются видеоматериалы профессиональной подготовки, которые позволяют увидеть содержание урока. Это очень важно с точки зрения формирования навыков аудирования. Как правило, аудирование выполняет не только коммуникативную функцию, но и другие важные функции, в частности, является средством формирования речевых навыков. Парадигма современного образования заключается в инновационных подходах к изучению каждой дисциплины на всех этапах образовательного процесса.

Таким образом, все этапы работы над текстами научного общения (профессиональной тематики) отвечают всем требованиям подхода к языку специальности: знакомят с терминами, помогают в изучении грамматики русского языка, дают новую и полезную информацию профессиональной направленности.

Повысить уровень языковой подготовки специалиста – это значит вооружить его знаниями, практическими умениями и навыками, которые позволят ему использовать русский язык как средство информационной деятельности, систематического пополнения своих профессиональных знаний, профессионального общения. Обучение специальности через язык, обучение языку через специальность – одна из важнейших проблем профессиональной подготовки специалиста в техническом вузе. В связи с этим актуальным остается поиск путей повышения эффективности формирования профессионально-коммуникативной компетенции иностранных студентов технического вуза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батраева О. М. *Профессиональный иностранный язык II: Тексты по специальности: учеб. пособие* / О. М. Батраева. – Владивосток: Дальрыбвтуз, 2013. – 237 с.
2. Батраева О. М. *Профессиональный иностранный язык III: Научная речь. Методическое пособие для иностранных студентов.* – Владивосток: Дальрыбвтуз, 2014. – 30 с.
3. Бимурзина И. В. *Профессиональный иностранный язык II: Русский язык как иностранный в профессиональном аспекте: учеб. пособие* / И. В. Бимурзина. – Владивосток: Дальрыбвтуз, 2014. – 147 с.

4. Кулик С. С., Карасева В. Х. Реферирование как средство подготовки иностранных студентов к самостоятельной работе с научной литературой. Материалы научно-практической конференции «Русистика в Китае: традиции и новации». СПб.: Златоуст, 2013. – 448 с.

5. Соколова А. А. Тексты профессиональной тематики как основа обучения русскому языку военных инженеров. Материалы международной научно-практической конференции. АТАПРЯЛ, Владивосток, 2013. – 253 с.

6. Трусова И. С. К вопросу о месте русского языка как учебной дисциплины в техническом вузе. Материалы международной научно-практической конференции «Русский язык и русская культура как образовательная и духовная основа подготовки специалистов технического профиля». 14-16 ноября 2013 г. – С. 14-17.

7. Чуваева К. М. Учебно-методический комплекс по научному стилю речи для иностранных абитуриентов технического вуза. Материалы международной научно-практической конференции. АТАПРЯЛ, Владивосток, 2013. – 253 с.

Н.Г. Важенина
Курган

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ УМК ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ XXI ВЕКА

УМК по русскому языку XXI века должны быть ориентированы на выполнение главной задачи ФГОС: создание социально-педагогической среды, способствующей формированию и развитию человеческого потенциала России. Поэтому одной из основных задач современных учебников является формирование базовых компетенций человека: информационной (умение искать, анализировать, преобразовывать, применять информацию для решения проблем); коммуникативной (умение эффективно сотрудничать с другими людьми); самоорганизации (умение ставить цели, планировать, ответственно относиться к здоровью, полноценно использовать личностные ресурсы); самообразования (готовность конструировать и осуществлять собственную образовательную траекторию на протяжении всей жизни, обеспечивая успешность и конкурентоспособность).

В соответствии со стандартами второго поколения содержание материала учебников должно обеспечивать реализацию на уроках системно-деятельностного подхода, и в первую очередь – формирование готовности к саморазвитию и непрерывному образованию обучающихся и по-

строение образовательного процесса с учетом их индивидуальных возрастных, психологических и физиологических особенностей.

В УМК также должны быть реализованы и другие идеи ФГОС: интеграция знаниевого и компетентностного подходов к представлению учебного материала, простота и лаконизм изложения теории, ориентация на личностные, метапредметные и предметные результаты обучения и активную познавательную деятельность учащихся, направленность на индивидуализацию и дифференциацию обучения, актуализация междисциплинарных и межпредметных связей; создание широкого культурно-исторического контекста изучения родного языка, направленность на взаимосвязанное развитие мышления, познавательных способностей и коммуникативных умений учащихся во всех видах речевой деятельности в разных ситуациях общения.

Все это в полной мере представлено в УМК Л.М. Рыбченковой, О.М. Александровой «Русский язык» (5-9 классы), который состоит из рабочей программы, учебников, рабочих тетрадей, поурочных разработок, мультимедийных приложений к учебникам, а также сборников «Русский язык. Готовимся к ГИА. Тесты, творческие работы, проекты» для 5, 6, 7, 8 и 9 классов.

Авторы УМК отмечают, что «отличительной особенностью каждого учебника является его нацеленность на дидактическую адаптацию современных достижений лингвистики», и все разделы разработаны с учетом современного состояния науки о языке.

В учебниках осуществляется «направленность обучения на взаимосвязанное овладение языковой, коммуникативной и информационной компетентностями», чему в полной мере способствует структура расположения материала. Продумана структура параграфа как способа организации познавательной деятельности учащихся. Каждый параграф состоит из орфографического практикума, языкового материала для наблюдения, теоретических сведений, системы тренировочных упражнений языковой и коммуникативной направленности, а также текста и заданий к нему, в том числе дифференцированных, творческих.

Материал в учебниках дается в соответствии со структурно-семантическим направлением в лингвистике. Все языковые единицы рассматриваются с трех сторон: форма, значение, использование в речи, что дает возможность учащимся увидеть взаимосвязь лингвистических фактов и явлений. Уже УМК для 5 класса закладывает основы формирования у учащихся умения самостоятельно анализировать факты языка, делать выводы и обобщения. При этом учитывается и то обстоятельство, что для наблюдения и самостоятельных выводов берется доступный материал, представленный наглядно в сопровождении вопросов и заданий, направляющих познавательную деятельность учащихся. Изучение орфографических правил основывается на осознании понятия «орфограмма»; части речи рассматриваются как лексико-грамматические классы слов и выделяются на основе трех признаков: общего грамматического значения, морфологических признаков, синтаксической функции. Это свидетельствует о том, что трактовка и описание фактов языка в школьных учебниках соответствуют данным современной лингвистической науки.

Центральной единицей системы обучения, представленной в УМК, становится текст, формирующий рецептивные виды речевой деятельности (умения слушать, читать и адекватно понимать тексты разных стилей и жанров), являющийся для учащихся объектом языкового и речеведческого анализа и образцом или мотивом для создания собственного речевого произведения. Возможность более эффективного изучения языкового и речевого материала создает метатекстовый способ представления материала, который повышает информационную насыщенность параграфа, позволяет активизировать познавательную деятельность учащегося и связать лингвистический материал с фактами других наук (истории, этнографии, культурологии и др.).

Содержание учебника направлено на овладение учащимися систематическими знаниями по лингвистике на основе эвристического метода, когда ученики сначала наблюдают, анализируют языковой материал, делают выводы, и после этого им предлагается ознакомиться с теоретическими сведениями. Часто используется индуктивно-дедуктивный способ введения новых знаний: сначала выполняется ряд упражнений и заданий

для первоначального ознакомления с изучаемым явлением (в основе анализа - его структурные особенности); затем следует дедуктивное изложение, в процессе которого обобщаются сделанные школьниками наблюдения и вводятся новые факты, характеризующие изучаемую единицу. Выбор такого способа подачи нового материала обусловлен целым рядом факторов: сложностью, многоаспектностью изучаемых единиц, разнообразием форм их проявления в языке и речи.

Языковой материал для наблюдения в этом УМК представлен несколькими способами: 1) предметные и сюжетные рисунки и тексты к ним, которые позволяют развивать у учащихся языковые и речевые умения на практической основе; 2) упражнения, посвященные работе над определенным языковым или речевым явлением, содержащие текст об этом явлении и задания к нему; 3) подстановочные таблицы; 4) алгоритмы и др. Все это дает возможность уйти от сухого изложения пространного теоретического материала и сделать изучение русского языка более понятным и интересным для учащихся.

Привлекательными для учащихся делает учебники наличие рубрик в виде «всплывающих окон» на развороте листа. К ним относятся «Советы помощника», «Школа чтения», «Это интересно», «Из истории языка», «Лингвистическая задачка», «Памятка», «Советы помощника». «Памятка» – это своеобразная система последовательных действий, освоение которых позволит учащимся выработать навыки самоорганизации. Рубрики «Это интересно», «Из истории языка», «Лингвистическая задачка» создают насыщенное интеллектуальное пространство, осуществляют межпредметные связи, развивают логическое мышление, углубляют знания учащихся о системе языка и речи и повышают мотивацию к изучению русского языка.

Немаловажное значение в содержании учебника отводится работе со структурированной информацией. Здесь представлены разные графические решения схем и таблиц, алгоритмы решений лингвистических задач. Представляют новизну задания на перевод графического материала в словесную форму и наоборот.

Страницы УМК «Русский язык» (5-9 классы) предоставляют учащимся возможность овладеть разнообразными видами учебной деятельности, предметными и метапредметными умениями, умениями самостоятельной деятельности, умениями работы в группе, в паре и т. д.

Таким образом, материалы учебно-методического комплекта «Русский язык» (5-9 классы) Л.М.Рыбченковой, О.М.Александровой и др. направлены на достижение результатов освоения курса русского языка не только на предметном, но и на личностном и метапредметном уровнях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лобанова, Е.В. *Характерные черты современного образования, фундаментализирующие его основу // Мир образования – образование в мире. – 2014. – № 1. – С.71-82.*
2. Логвинова, И.М. *Методическая компетентность педагогов в процессе реализации ФГОС // Справочник заместителя директора школы. – 2013. – № 3. – С.5-10.*
3. Караваева, Е.А. *Педагогический процесс в условиях введения ФГОС Сов // Школьные технологии. – 2013. – № 5. – С.93-100.*
4. Кудрявцева, Н.Т. *Системно-деятельностный подход как механизм реализации стандартов нового поколения // Сельская школа. – 2012. – № 2. – С.3-12.*
5. Помазков, В.В. *Проектирование современного урока с учетом требований ФГОС // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. – 2013. – № 1. – С.3-6.*
6. Рыбченкова, Л.М. *Русский язык. Рабочие программы. 5-9 классы. // Л.М.Рыбченкова, О.М.Александрова. – М.: Просвещение, 2011.*
7. Терентьева, С.Т. *Эффективный урок в условиях реализации ФГОС НОО // Школа управления ОУ. – 2012. – № 10. – С.37-48.*
8. Якушина, Е.В. *Технология конструирования урока в условиях новых ФГОС // Педагогическая диагностика. – 2012. – № 5. – С.51-62.*
9. Якушина, Е.В. *Учитель готовится к уроку: что изменили новые стандарты // Народное образование. – 2012. – № 7. – С.177-180.*

ПАРАДИГМА ЛИЧНЫХ ФОРМ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СУБКТЕГОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Выделение внутри семантико-грамматического класса процессуальных фразеологизмов трех субкатегорий (деятельности, состояния и отношения) позволяет стратифицировать все исследуемые фразеологические единицы по степени яркости категориального процессуального значения [1, 105].

Степень проявления процессуальности во фразеологизмах разных субкатегорий зависит от активности процесса, обозначаемого фразеологическими единицами. Активность процесса определяется активным характером субъекта.

Максимальную степень процессуальности проявляют фразеологизмы субкатегории деятельности, например: *брать/взять за рога, биться насмерть, воротить гору/горы, грести под себя, делать/сделать дело, играть ва-банк, класть/положить на чаши весов* и др. «Субъектом описываемых фразеологизмов всегда является человек, который активно, осознанно, целенаправленно, прилагая волю, совершает какие-либо действия» [3, 7]. Следовательно, процесс деятельности не возникает спонтанно, он подчинен воле субъекта, поэтому характеризуется высокой степенью интенсивности, динамичности.

Специфика субкатегориального значения деятельности определяет особенности внешней формы исследуемых фразеологизмов.

Грамматические категории процессуальных фразеологизмов субкатегории деятельности выражены системой предикативных и непредикативных форм.

Парадигма предикативных и непредикативных форм, формируясь под влиянием семантических свойств субкатегории деятельности, имеет ряд особенностей в построении и функционировании, отличающих ее от

грамматических форм глаголов и процессуальных фразеологизмов других субкатегорий.

Предикативные и непредикативные формы изучаемых фразеологизмов представляют собой систему морфологических модификаций, выражающих значения грамматических категорий лица, числа, времени, наклонения, вида и залога.

Система предикативных и непредикативных форм у процессуальных фразеологизмов субкатегории деятельности, как и у всех процессуальных фразеологизмов, создается глагольным компонентом, который является грамматическим центром исследуемых фразеологических единиц.

Предикативные формы представляют собой центр полной парадигмы исследуемых фразеологизмов. Они подразделяются на парадигматические (формы лица, наклонения, времени (рода), вида (частично), залога (частично) и классификационные (формы вида и залога).

Парадигматические формы образуют парадигмы, т. е. объединения форм, не нарушающих тождества фразеологизма.

Рассмотрим категорию лица процессуальных фразеологизмов субкатегории деятельности. Парадигматическая категория лица выражает субъектно-объектные отношения. Эта категория у исследуемых фразеологизмов представлена парадигмой лично-числовых форм.

Наибольшей частотой употребления отмечена форма 3 лица настоящего и прошедшего времени:

Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки. *В. Ленин. Т. 35, с.11.*

Высокая употребительность в форме 3 лица характерна для всех процессуальных фразеологизмов. «Эта форма наиболее естественно и органично сочетается с фразеологическим значением, в котором чрезвычайно сильны элементы оценочности, отрицательной экспрессивности и эмоциональности. Эти элементы делают неэтичным употребление фразеологизма в формах 1-го и 2-го лица изъявительного наклонения, 2-го лица единственного и множественного числа повелительного наклонения...» [2, 46].

Употребительность процессуальных фразеологизмов субкатегории деятельности в форме 1 лица превышает количество употреблений в форме 2 лица, что обусловлено возрастанием в форме 1 лица активности субъекта:

Не стану час за часом следить за своими воспоминаниями, но брошу быстрый взгляд на главнейшие из них. *Л. Толстой. Отрочество.*

Я вел тогда дело о крупных хищениях на трикотажной фабрике, директором ее был бывший инструктор админотдела обкома партии. *Г. Глазов. Новый поворот запрещен.*

Когда окончательно кладу надуманное на бумагу, бывает уже поздно; поправить, выпрямить не удастся: поправить лень, да и жар простыл. *П. Вяземский. Автобиографическое введение.*

Вот и пришел начальник цеха спросить, посоветоваться: не получится ли так, что вместе с водой вдруг выплеснем и ребенка? Не лучше ли сначала взвесить все «за» и «против»? *А. Золин. Не взял под козырек.*

Категория лица приспособлена для выражения деятельности – процессуальные фразеологизмы субкатегории деятельности, имеющие полную парадигму, обладают возможностью выразить деятельность субъекта формой 1, 2, 3 лица:

Мы делаем свой журнал «Скептикал инквайерер», который весьма уважаем в обществе, среди ученых, интеллигенции, словом, мы делаем нужное дело, и люди прислушиваются к нам, пытаюсь понять то или иное явление. *Наука и жизнь, №12, 2001.*

Вы Федру-то облагодетельствовали, родная моя! Это доброе дело вы сделали, друг мой; это вы очень хорошо сделали. *Ф. Достоевский. Бедные люди.*

Вы думаете, они дело делают, либо богу молятся? Нет, сударь. Не от воров они запираются, а чтоб люди не видали, как они своих домашних едят поедом да семью тиранят. *А. Островский. Гроза.*

Необходимо отметить, что почти все процессуальные фразеологизмы исследуемой субкатегории имеют полную парадигму личных форм. Это связано с тем, что субкатегориальное значение деятельности выражает

действия активного субъекта-лица, которым может быть говорящий, слушающий, а также лицо, не участвующее в речевом общении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лебединская В.А., Усачева Н.Б. Семантика процессуальных фразеологизмов: Учебное пособие. – Курган: Изд-во Курганского госуниверситета, 1999. – 186 с.

2. Лебединская В.А. Процессуальные фразеологизмы современного русского языка. – Челябинск: ЧГПИ, 1987. – 80 с.

3. Шведова Н.В. Фразеологизмы с компонентами «бог» и «черт»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Тюмень, 2004. – 21 с.

Е. В. Гаева
Курган

О ПОДАЧЕ ИНФОРМАЦИИ В СЛОВАРНЫХ КОММЕНТАРИЯХ

Работая с примечаниями к художественным текстам Н. С. Лескова, мы заметили, что там отсутствует единообразие в способах подачи информации. По этой причине мы решили попытаться унифицировать систему словарных комментариев.

1. Толкования в пределах одного произведения не должны повторяться. Нарушение данного принципа мы видим, например, в издающемся полном собрании сочинений: применительно к тексту хроники «Соборяне» (2012) лексическая единица *благочинный* поясняется на 620 и 626 страницах; *казакин* – на 630 и 669 страницах [Кузьмичёва 2012]; применительно к тексту романа «На ножах» в примечаниях можно найти объяснение слова *помпа* на 817 и 888 страницах; *приход* – на 817 и 834 страницах; *сугубый* – на 847 и 883 страницах [Старыгина 2004].

2. Если лексема (устойчивое выражение) несколько раз встречается в пределах одного тома, но в разных художественных произведениях, помещенных там, и ее толкование занимает не более одной строки, то лексему необходимо пояснять применительно к каждому новому художе-

ственному тексту, поскольку обычно читатель берет в руки книгу, чтобы ознакомиться с одним произведением, а не со всеми, которые находятся под одной обложкой. В данном случае необходимости в отсылке мы не видим, поскольку во-первых, читателя обычно раздражает необходимость переходить далее по ссылке, во-вторых, дополнительная отсылка удлиняет процесс получения нужной информации (поскольку тратится дополнительное время), в-третьих, с типографской точки зрения, что в первом, что во втором случаях мы имеем дело с одним и тем же объемом – одной строкой. Проиллюстрируем данное положение. В пятом томе 1989 года имеется рассказ «Воительница», в тексте которого встречается лексема *карамболь*. При обращении к комментариям к этому рассказу получаем отсылку на примечания к повести «Смех и горе»: «*Карамболь* – см. прим. к стр. 82» [Столярова 1989, с. 494]. Примечания «к стр. 82» нашлись на последней трети страницы 485 этого же тома, но объем комментария – менее строчки: «*Карамболь* – здесь: скандал» [Любимова 1989, т. 5, с. 485]. Читатель быстрее прочитал бы эти три слова в примечаниях к «Воительнице» по сравнению с поиском толкования нужной ему лексемы по отсылке.

3. Недопустимы комментарии к комментарию. В частности, в примечаниях Л. Аннинского в шеститомном «Собрании сочинений» Н. Лескова встречается следующая формулировка: «Стр. 296. «*Тропарники*», *поморцы*, *пилипоны* (филипповцы) – *согласия* старообрядческой церкви. “Согласие” – раскольнический толк, секта (В. Даль)» [Аннинский 1993, с. 533-534]. В данном случае комментатор вместо того чтобы пояснить, чем секты «тропарников», поморцев и пилипонов отличаются друг от друга, вводит сначала понятие *согласие*, которое тут же поясняет, т. е. фактически производит смысловую подмену в предоставляемой информации.

4. Недопустимы неинформативные примечания: «Стр. 220. *Девясил*, *пиония*, *майран* – лечебные травы» [Там же, с. 530]. Понять, что речь идет о лечебных травах, можно и без обращения к комментариям:

Вот этот-то патриарх и ехал на открытие «в большом составе», – сам, да жена, да дочь, которая страдала «болезнью меланхолии» и подлежала исцелению. Испытаны были над нею все известные средства

народной поэзии и творчества: ее поили бодрящим девясилом, обсыпали пиониею, которая унимает надхождениестени, давали нюхать майран, что в голове мозг поправляет [...] [Лесков 1889, с. 158].

К тому же подробную информацию, в чем именно заключаются лечебные свойства данных трав, можно найти в более раннем издании – в одиннадцатитомном «Собрании сочинений» Н. С. Лескова 1956–1958 гг. [Рейсер 1957, с. 661].

5. Отсылки в пределах одного произведения не должно быть. В частности, в первой части второго тома издания 1993 года находится только роман «На ножах», можно встретить следующие отсылки: «С. 325. *Дон Цезарь де Базан* – см. комм. к с. 121» [Ранчин 1993, с. 535]; «С. 436. *Иверская часовня* – см. комм. к с. 332» [Там же, с. 538]; «... *не они раскуют мечи на орала!* – см. комм. к с. 324» [Там же, с. 541].

6. Отсылки допустимы в пределах одного тома, если слова находятся в комментариях к разным художественным произведениям и занимают несколько строк, например: в седьмом томе в примечаниях к циклу рассказов «Заметки неизвестного» встречается отсылка «...*волшебница самого Самуила из гроба вызвала и Саулу тень пророка показывала...* – см. прим. к стр. 16» [Бухштаб 1958, с. 553]; основной же текст находим в этом же томе в примечаниях к рассказу «Белый орел»: «Стр. 16. *Картины представляют “Саула у волшебницы андорской”*. – Саул – согласно Библии, первый царь Израиля, помазанный на царство пророком Самуилом. Когда, после смерти Самуила, на страну напали филистимляне, Саул разыскал в Аэндоре волшебницу и тайно ночью, переодетый в простое платье, пришел к ней. По его просьбе она вызвала тень Самуила, перед которой Саул пал ниц и просил о помощи. Но Самуил ему отказал, так как Бог отступился от Саула» [Там же, с. 497].

7. Нежелательны отсылки на другие тома: если в руках у читателя только один том из собрания сочинений и доступа к другим томам просто нет, что делать такому любознательному читателю?

С такой проблемой сталкиваются читатели, например, девятого тома в одиннадцатитомнике: «...*у меня был родственник... обруселый англичанин*. – Шкотт (см. наст. изд., т. VI, стр. 627)» [Груздев 1958, с. 619] или пя-

того тома двенадцатитомника: «Горчаков А. М. (1798–1883) – см. «Соборяне» т. 1, прим. к с. 194» [Любимова 1989, т. 5, с. 490], «Гроденаплевая – см. «Соборяне» т. 1, прим. к с. 88» [Там же, с. 494].

Хотя в отдельных случаях отсылки на другие тома (издания) надо признать необходимыми. Это допустимо в двух случаях:

а) в силу большого объема примечаний, например, «Стр. 129–149. Примечания к главам 2–5 второй части «Соборян» см. в т. 3 наст. изд., стр. 603» [Серман 1957, с. 534];

б) в силу специфики информации (комментатор не дает толкования непонятному выражению, новому имени и т. п., а просто предоставляет читателю дополнительную информацию, которой в зависимости от желания можно как воспользоваться, так и не воспользоваться), например, в седьмом томе (1958) в примечаниях к рассказу «Путешествие с нигилистом» просто даются сведения о наличии аналогичного эпизода в романе Н. С. Лескова «Некуда»: «...посадили его в подводную тюрьму, а он из-под воды ушел. – Ср. “Некуда”, кн. II, гл. 20 (наст. изд., т. 2, стр. 426–427)» [Бухштаб 1958, с. 520].

8. Недопустимы отсылки на отсылки, например: «...примера “старца Погодина”, как он скорбел и плакал о некоем блуждавшем на чужбине соотчиче... – речь идет о Герцене, см. ниже на стр. 652» [Рейсер 1957, с. 649].

На странице 652 снова попадаем на отсылку: «...“старец Погодин” и его просветительные паломничества в Европу с благородною целью просветить и наставить на истинный путь Искандера... – см. след. примечание. Искандер – псевдоним А. И. Герцена» [Там же, с. 652].

И только в следующем примечании читаем искомое: «“Простая речь о мудрых вещах”. – В книге известного историка, журналиста и публициста М. П. Погодина (1800–1875) “Простая речь о мудреных вещах” (1873 и изд. 2-е – 1874) приведены строки из его письма к Герцену, содержавшие попытку обратить его на “истинный путь”. Отзыв Погодина о Герцене лицемерно теплый: он уверяет, что чувствовал в Герцене “звуки теплой любви к отечеству и доказательства ума, таланта сильного” (см. назв. книгу, изд. 2-е, стр. 21–24)» [Там же].

9. Недопустим некорректный «адрес» отсылки. Таковыми можно признать следующие формулировки:

а) «см. прим<ечание> на с. ...». В данном случае читателю предлагается просмотреть все примечания на отсылочной странице, что не может не вызвать раздражение, особенно если такого плана отсылки часто повторяются: «*Бурнушишко* – см. примеч. на с. 713 наст. тома» [Звежинская 1998, с. 715], «*Всенощная* – см. примеч. на с. 695» [Там же], «*Обедня* – см. примеч. на с. 695 наст. тома» [Там же], «*Паперть* – см. примеч. на с. 695» [Там же];

б) «см. стр. ...», например: «*Иннокентий Борисов* – см. стр. 672» [Рейсер 1957, с. 634]; «*Арсений* – см. стр. 674» [Там же, с. 673]. Здесь читателю снова предлагается прочитать всю страницу в поисках нужной информации;

в) «см. примечания к рассказу (повести)...», например: «Тевтобургский лес – [...] (см. примечания к рассказу “Пугало”» [Батюто 1958, с. 617]; «Стр. 164. ...*больничку в губы продернули*. – См. рассказ «Зверь» и прим. к нему в 7 т. наст. изд.» [Любимова 1989, т. 5, с. 492].

Некорректностью особенно поражают следующие примечания:

«...*два чучела*... – Этот эпизод из детства Лескова (см. т. 6, «Мелочи архиерейской жизни») [Там же, с. 491]. Поскольку «Мелочи архиерейской жизни» в шестом томе (1989) занимают 128 страниц, комментатор предлагает своему потенциальному читателю проштудировать их все в поисках указанного эпизода;

«Стр. 133. *Ботвиновский* – О нем см. в примечаниях к «Печерским антикам», наст. издание, т. 7» [Рейсер 1957, с. 634]. В данном случае ученый предлагает читателю в поисках нужной информации изучить 14 страниц комментария к «Печерским антикам» в собрании сочинений 1956–1958 годов.

Приемлемыми формулировками отсылок можно считать следующие:

- «см. прим. к с<тр>. [номер страницы]»;
- «см. с<тр>. [номер страницы] [номер тома] тома»;
- «см. «[Название произведения]», <т. [номер тома]>, с<тр>. [номер страницы]».

С учетом этих замечаний образцовыми можно признать отсылки: «...то, что не снилось мудрецам – цитата из «Гамлета» (см. выше, прим. к стр. 5)» [Бухштаб 1958, с. 497] или: «...напоминал известную киевлянам фигуру златоустовского дьячка “Котина”... – См. “Печерские антики” Лескова и примечания к ним (наст. изд., т. 7, стр. 204, 535)» [Батюто 1958, с. 622].

10. Недопустимы «глухие» отсылки на иные источники информации, например: «Притча о сыновьях вертоградяра – Евангелие от Матфея (XXI, 28–31)» [Любимова 1989, т. 1, с. 459]. Такие отсылки выглядят очень странно, когда на этой же странице в аналогичных ситуациях наблюдаются развернутые описания: «...непочтительным Хамом... – По библейскому преданию Хам, увидев, что отец его Ной спит обнаженным, не прикрыл его одеждой и рассказал об этом братьям (Бытие, IX, 21–22)» [Там же]; «...и сам господь наш не имел где главы восклонить... – “лисицы имеют норы и птицы небесные гнезда, а Сын человеческий [Христос] не имеет, где приклонить голову” (Евангелие от Матфея, VIII, 20)» [Там же].

11. Делая отсылки, комментатор должен отслеживать корректность информации. В частности, в восьмом томе 1958 года и в седьмом томе 1989 года в примечаниях к рассказу «Умершее сословие» предлагают перечитать десятую главу «Мелочей архиерейской жизни»: «...много раз описанной непримиримой “войны” между ним и покойным орловским архиепископом Смарагдом Крыжановским... – Смарагд (Крыжановский, 1796–1863) был архиепископом в Орле с 1844 по 1858 год. Колоритные описания его “войны” с П. И. Трубецким см. в главе десятой “Мелочей архиерейской жизни” (наст. изд., т. 6)» [Батюто 1958, с. 620; аналогично: 1989, с. 462]. Обращение к десятой главе «Мелочей» ничего не дало – там нет описания «войны» Смарагда Крижановского с губернатором Петром Ивановичем Трубецким. «Колоритные описания» нашлись не в десятой, а в первой (!) главе «картинок с натуры».

Надеемся, что с учетом данных рекомендаций комментаторы, с одной стороны, не будут непродуманно увеличивать объем комментария, а с другой – сделают чтение примечаний максимально комфортным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аннинский, Л. Примечания [Текст] / Л. Аннинский // Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. – М.: АО «Экран», 1993. – С. 519–542.
2. Батюто, А. Примечания («Пугало», «Фигура», «Интересные мужчины», «Умершее сословие») [Текст] / А. Батюто // Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 7. – М.: Правда, 1989. – С. 450–451, 455–457, 461–463.
3. Батюто, А. И. Примечания [Текст] / А. И. Батюто // Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 11 т. Т. 8. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. – С. 565–633.
4. Бухштаб, Б. Я. Примечания [Текст] / Б. Я. Бухштаб // Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 11 т. Т. 7. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. – С. 493–568.
5. Груздев, А. И. Примечания [Текст] / А. И. Груздев, С. И. Груздева // Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 11 т. Т. 9. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. – С. 595–651.
6. Звездинская, Е. Ю. Примечания («Леди Макбет Мценского уезда», «Воительница») [Текст] / Е. Ю. Звездинская, И. В. Столярова // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 5. – М.: ТЕРРА, 1998. – С. 691–696, 713–719.
7. Кузьмичёва, Т. А. Примечания («Соборяне») [Текст] / Т. А. Кузьмичёва (Ильяшенко), Е. В. Михайлов-Длугопольский, А. Б. Румянцев // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 11. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2012. – С. 615–680.
8. Лесков, Н. С. Несмертельный Голован [Текст]: из рассказов о трех праведниках / Н. С. Лесков // Лесков, Н. С. Собрание сочинений: в 10 тт. Т. 2. – СПб.: Типография А. С. Суворина, 1889. – С. 126–180.
9. Любимова, Е. Примечания («Смех и горе») [Текст] / Е. Любимова // Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 5. – М.: Правда, 1989. – С. 481–494.
10. Любимова, Е. Примечания [Текст] / Е. Любимова // Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 1. – М.: Правда, 1989. – С. 457–479.
11. Ранчин, А. Примечания [Текст] / А. Ранчин // Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2(1). – М.: АО «Экран», 1993.
12. Рейсер, С. А. Примечания [Текст] / С. А. Рейсер // Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 11 т. Т. 6. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. – С. 625–684.
13. Серман, И. З. Примечания [Текст] / И. З. Серман // Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 11 т. Т. 4. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957.

14. Старыгина, Н. Н. Примечания [Текст] / Н. Н. Старыгина, Е. Н. Любимова, А. А. Макаров, А. М. Ранчин, Т. А. Ильяшенко, Е. В. Михайлов-Другопольский // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 9. – М.: ТЕРРА, 2004. – С. 795–903.

15. Столярова, И. Примечания («Воительница». «Леди Макбет Мценского уезда») [Текст] / И. Столярова // Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 5. – М.: Правда, 1989. – С. 494–496.

Н.А. Гатаулина, С.В. Киселева
Санкт-Петербург

АНАЛИЗ СЛОВА *CONSIDERATION* С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОГНИТИВНО-СЕМЕНТИЧЕСКОГО ПОДХОДА И НЕЙРОЛОГИЧЕСКИХ УРОВНЕЙ БЕЙТСОНА-ДИЛТСА

В настоящий момент актуальность исследований в области терминологии с целью прояснения значений англоязычных терминов, глубокого понимания их значения неоспорима. Процессы глобализации коснулись всех сфер человеческой деятельности: бизнеса, науки, культуры, повседневной жизни, активно идет интеграция стран в единое глобальное сообщество. В рамках каждой профессиональной сферы происходит размывание границ, разделяющих представителей разных стран. Английский юридический язык объединяет мировое сообщество профессионалов правовой сферы для обмена идеями, концепциями, доктринами, для взаимообогащения, обсуждения конфликтных точек зрения и нахождения решений.

Для упрощения взаимодействия деловых и юридических сообществ стран, правовые документы (законы, подзаконные акты, пр.) должны существовать в лингвистическом пространстве на английском языке, языке международного общения. Так как каждое профессиональное общение имеет своей основой терминологическую базу, перед законодателями, переводчиками, исследователями юридической проблематики, бизнес-профессионалами неанглоязычных стран встает задача глубокого осмысления юридической терминологии, понятийной базы термина, его многозначности. Именно поэтому становится актуальным проведение сравни-

тельного анализа с привлечением новых аналитических инструментов, комплексного их использования для разъяснения особенностей англоязычной юридической терминологии и ее функционирования в каждой конкретной стране, в каждом конкретном местном англоязычном пространстве. Остро стоит задача разрешения противоречий в понимании терминов и терминосистем.

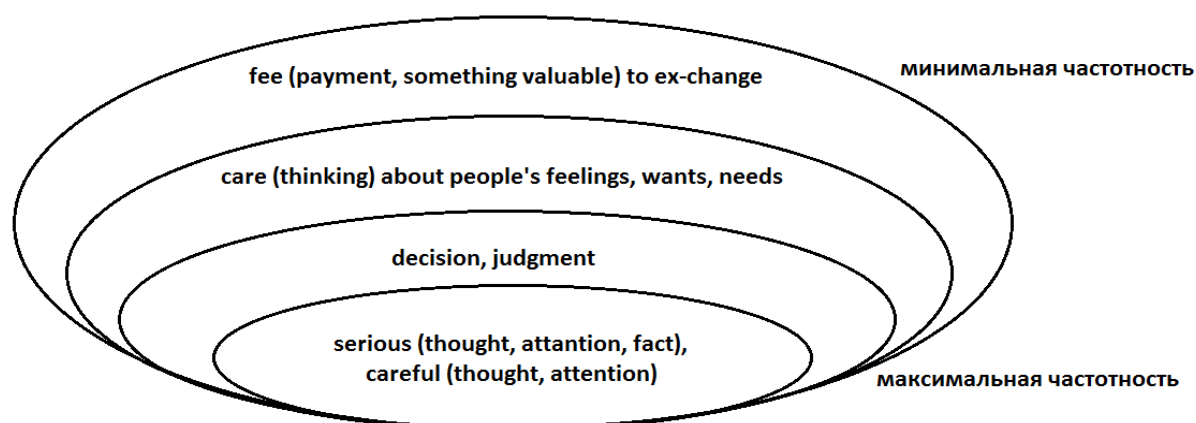
Статья представляет результаты исследования одного из наиболее обсуждаемых и противоречивых юридических терминов, **consideration**. Термин **consideration** выбран для анализа не случайно: с одной стороны, он является одним из ключевых юридических терминов, рассматривается как фундаментальное необходимое предварительное условие английского контрактного права; с другой стороны, этот термин совпадает в плане выражения с общелитературным словом **consideration**, которое было терминологизировано и приобрело более узкое, специальное юридическое значение. В настоящей работе предпринята попытка анализа термина **consideration** с применением двух методик: когнитивно-семантического анализа, в частности, методики нахождения содержательного ядра слова [Никитин, 2007], [Киселева, 2010], и системного подхода, в частности, нейрологических уровней Бейтсона-Дилтса [О'Коннор, Макдермотт, 2011], [Гриндер, Бостик-Сен Клер, 2005]. Методика выявления содержательного ядра предполагает нахождение доминирующего, ключевого значения лексической единицы, вызывающего однозначный образ в сознании слушающего, читающего. Нейрологические уровни Бейтсона-Дилтса рассматривают иерархию взаимодействия сознания человека с окружающим миром. Модель нейрологических уровней Бейтсона-Дилтса, которая является одной из моделей системного подхода [Блауберг, Садовский, Юдин, 1970, 1978], в основном используется в нейролингвистике для совершенствования способности к обучению и проведения различных изменений. В настоящий момент не найдено использование данного инструмента в комплексе с моделями когнитивно-семантическими подхода, что дает основания считать комплексный подход данной статьи новым.

В данном исследовании в качестве ресурсов использованы англоязычные британские и американские общеанглийские [LDCE, 2003],

[LDAE, 2009], [WNWC, 2010], прочие общеязыковые словари, юридические словари [WEAL, 2008], книги, диссертации ученых, занимающихся когнитивно-семантической проблематикой [Кубрякова, 2004], [Беляевская, 1990], книги, объясняющие юридическую терминологию [Nolfi, 2009], [Mcleod, 2010], а также публикации ученых, рассматривающих юридическую проблематику, статьи исследователей терминологии [Чирнова, 2009], [Зуева, 2011], [Видерман, 2011], другие книги по проблематике использования и развития системного подхода в научных исследованиях, профессиональные интернет-ресурсы.

Лексико-семантические варианты толкования с использованием общеязыковых и юридических англоязычных словарей выявили многозначность слова **consideration**, причем варианты общеязыкового и юридического толкования существенно отличаются. Когнитивный образ слова **consideration**, выявленный по общеязыковым словарям, может быть представлен в виде иерархически-многослойной модели, ядром которой является самое частотное, первое, номинативно-непроизводное значение. Вокруг ядра располагаются три слоя значений. Чем дальше слой значения от ядра, тем реже значение встречается в словарных статьях. (Диаграмма 1). Для построения диаграммы использованы словари [LDCE, 2003], [LDAE, 2009], [WNWCD, 2010].

Диаграмма 1. Иерархически-многослойная модель слова-термина consideration.

Методом сплошной выборки частотных значений было выявлено первичное, номинативно-непроизводное ЛЕ: **careful (serious) thought or attention** (*серьезное, внимательное рассмотрение чего-либо*), в некоторых случаях сопровождаемое дополнительным пояснением **deliberation** (*взвешенное, неспешное размышление*). Вторым по частотности идет значение **serious fact** (*важный факт*), которое можно объединить с первым в единый слой на основании элемента **serious** (см. Диаграмму 1). Третье значение – **decision** (с вариантами **judgment** и **opinion**), четвертое – **the quality of thinking about other peoples' feelings** (*качество взаимодействия с другим человеком, участником коммуникации, забота о его чувствах*). Пятым по частотности является значение **fee (payment, something valuable) to exchange** (*плата, нечто ценное в качестве обмена*), **compensation** (*компенсация*).

Когнитивный образ слова составляют компоненты «серьезность», «внимательность» в ситуации «принятия решения», «вынесения суждения», с возможной целью «не обидеть», «не вызвать негативные чувства», «забота» о «чувствах» участников коммуникации, желание сохранить с ними хорошие отношения, контакт, «право на вознаграждение» за затраченные усилия, «компенсацию», в том числе, на нематериальное вознаграждение. В когнитивном образе присутствуют элементы «покупка», «делка».

На основании анализа дефиниций общеязыковых словарей, суммарное первичное этимологическое значение слова **consideration** с учетом существенных, необходимых и достаточных признаков характеристик приводит нас к двум формулировкам содержательного ядра: **careful attention to a matter in decision making** и **serious attention to the right for valuable compensation**.

По результатам исследования определений и толкований с привлечением юридических словарей и публикаций по проблематике доктрины **consideration** британских и американских специалистов в области права, в качестве основных компонентов когнитивного образа термина **consideration** присутствуют: **bargain** (*делка*), **payment** (*плата*) которая может воплощаться в **money** (*деньгах*), или **benefit** (*не денежной выгоде, преимуществу*).

ществах), причем часто это именно **bargained benefit** (выгода, возникающая в процессе переговоров по сделке); **value** (ценность), причем важно, что это должна быть **objectively determined value** (объективно определяемая ценность), **promise** (обещание, договорное обязательство, обязанность), **act, performance (doing an act)** - действие), или **forbearance (not doing an act** – отказ от действия), **enforceable** (имеющий исковую силу), **binding (legally binding** – юридически связывающий), **quid pro quo** ("не-что за нечто", компенсация). Часто цитируемое высказывание, имплицитно определяющее взаимодействие понятий внутри концепции **consideration** принадлежит Лорду Дунедину (Lord Dunedin) [Lord Dunedin, in *Dunlop Pneumatic Tyre Co Ltd v Selfridge & Co Ltd*]: “An act or forbearance of one party, or the promise thereof, is the price for which the promise of the other is bought, and the promise thus given for value is enforceable.” – «Действие или отказ от действия одной из сторон (договора), либо таковое обещание – это цена, за которую другая сторона договора покупает данное обещание и, таким образом, делает это обещание имеющим исковую силу.»

Таким образом, содержательное ядро юридического термина **consideration** может быть сформулировано так: ***enforceable bargained compensation for objectively determined value.***

В связи с задачами исследования, в особенности, с задачей сопоставления значений слова с нейробиологическими уровнями, стоит обратить внимание на суффикс **-tion** в составе слова, который может добавлять следующие оттенки значения: действие или процесс, состояние или качество, факт, конкретный результат.

Действие или процесс:

- **consideration** - «serious thought and attention: take smth into consideration со значением to think something when making a decision» [LDCE: 331] – здесь очевиден смысловой акцент «действие», «мыслительный процесс», «процесс обдумывания», возможно «состояние» в ситуации принятия важного решения или вынесения суждения;

- **consideration** – «generally, the exchange of something of value for something of value. From what for what, a quid pro quo is something for some-

thing or a this for that.»[Edward A. Nolfi: 146] – акцент «*действие*», «*процесс*» или «*факт*» обмена.

- «Consideration ... must be a bargain in which each party 'buys' the contractual obligation of the other party.» [Ian Mcleod: 49] – добавочное значение можно рассматривать как «*процесс*» или «*результат*» сделки;

Состояние или качество:

- consideration – the quality of thinking and caring about other people's feelings, wants, or needs: The murdered woman's name has not been released, out of consideration of her parents. / They have no consideration for others./ Show some consideration! [LDCE: 331] – здесь присутствует дополнительный оттенок - «*качество*» мышления, направления мысли, основанное на ценностях, внимании к людям, взаимном уважении.

- consideration – a fact that you think about when you are making a decision: Political rather than economic consideration influenced the location of the new factory. [LDCE: 331] – «*факт качественного выбора*» угла зрения при рассмотрении ситуации;

Конкретный результат, факт:

- consideration – a payment for something, especially a service: I might be able to help you for a small consideration / a payment in consideration of (=as payment for) their services [LDCE: 331] – «*результат*», овеществление ценностных отношений в конкретное проявление.

Все три оттенка значения проявляются в разных контекстах функционирования данной лексической единицы. Фактически, можно говорить о многоплановом представлении в одном слове трех стадий рассмотрения какого-либо дела: первоначальное внимание к объекту, вопросу, за которым следует мыслительный процесс, обдумывание, качественный выбор угла рассмотрения, качество самого процесса размышления, основанного на определенных ценностях, ценностных фильтрах восприятия ситуации и объекта внимания, результат рассмотрения и осмысления (общезыковые значения слова **consideration**), его вещественное проявление или поступок – обмен вещественными ценностями, принятие на себя определенных обязательств или отказ от них (смысловое наполнение юридического термина **consideration**), и далее факт обмена ценностями. Смысловая основа,

общая для обыденного и юридического употребления слова **consideration**, имеет два ясно выраженных компонента: *принятие решения на основании серьезного рассмотрения вопроса* и *право на получение вознаграждения, компенсации за предоставление чего-то ценного*. Это право реализуется на основе взаимного уважения, выражаемого в определенной степени ритуальном поведении по отношению к собеседнику – участнику коммуникации или в конкретном результате - вознаграждении.

Таким образом, суммарное первичное этимологическое значение ЛЕ **consideration** (общелитературный язык) с учетом существенных, необходимых и достаточных признаков характеристик приводит нас к двум формулировкам содержательного ядра по общелитературного языка: *careful attention to a matter in decision making* и *serious attention to the right for valuable compensation*, и одной формулировке содержательного термина: *enforceable bargained compensation for objectively determined value*. Первые два распознаются в ситуациях обыденного и делового общения, третье – в основном, в юридическом контексте.

Проанализируем полученные результаты с точки зрения системы нейрологических уровней Бейтсона-Дилтса (Neurological Levels of Bateson&Dilts).

Р. Дилтс рассматривает систему нейрологических уровней (часто называемых логическими уровнями) как иерархическую модель взаимодействия нашего сознания с окружающим миром. Модель доказала свою эффективность как практический инструмент и состоятельность как теоретический инструмент для анализа различных процессов. Данная система состоит из 6 уровней (**Диаграмма 2**):

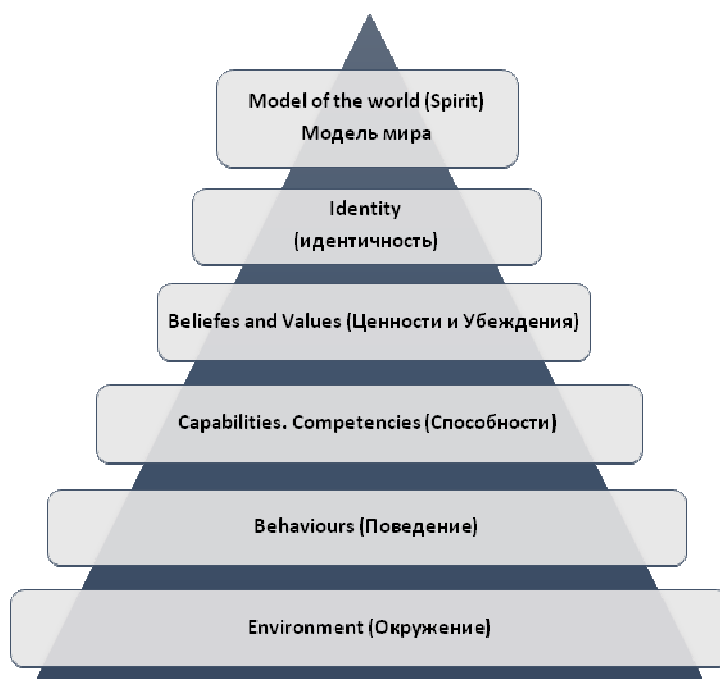
- **Окружение:** что и кто, факт наличия чего-либо или кого-либо в контексте;
- **Поведение:** что происходит, какие действия выполняют участники коммуникации;
- **Способности:** что умеют, что могут, на что способны участники коммуникации;

- **Убеждения и ценности:** какие ценности и убеждения стоят за выбором окружения, действиями участников коммуникации; в чем причины их поступков;

- **Идентичность:** личностное своеобразие каждого из участников коммуникации, их ключевые отличия от других участников;

- **Модель мира:** восприятие себя как части большей системы мира, ответ на вопрос о своем предназначении (этот уровень часто называют «духовность»).

Диаграмма 2. Общепринятое пирамидальное представление системы нейробиологических уровней Бейтсона-Дилтса.

В настоящем исследовании мы начинаем анализ значений слова **consideration** с самого нижнего логического уровня «окружение» и заканчиваем самым верхним уровнем – «модель мира», располагая выявленные ключевые значения слова и содержательные ядра ЛЕ в соответствии с логическими уровнями. Очевидно, что значения слова **consideration – fee (payment, something valuable) to exchange** и содержательное ядро юридического термина *enforceable bargained compensation for objectively determined value* (СЯ 3) соответствуют двум самым низким логическим уровням Бейстона-Дилтса – «окружение» и «поведение», с дополнительным

значением «конкретный результат», «факт», «действие»; они отражают вещественное, материальное содержание взаимодействия, контракта.

Значение **decision, judgment** можно рассматривать на уровне «ценности и убеждения». Безусловно, на процесс принятия решения и вынесения суждения серьезное влияние оказывают более высокие уровни («модель мира» и «идентичность»), а уровень «ценности и убеждения», в свою очередь, оказывает влияние на уровень способностей; в зависимости от суждения о ситуации и своей роли в коммуникации, понимания своих целей, человек способен или не способен на определенные действия и поступки.

Забота о чувствах и нуждах (**care (thinking) about people's feelings, wants, needs**) сторон взаимодействия лежит на стыке двух уровней: «способности» и «ценности и убеждения». Именно на этих уровнях находится способность понять и учесть ценности противоположной стороны.

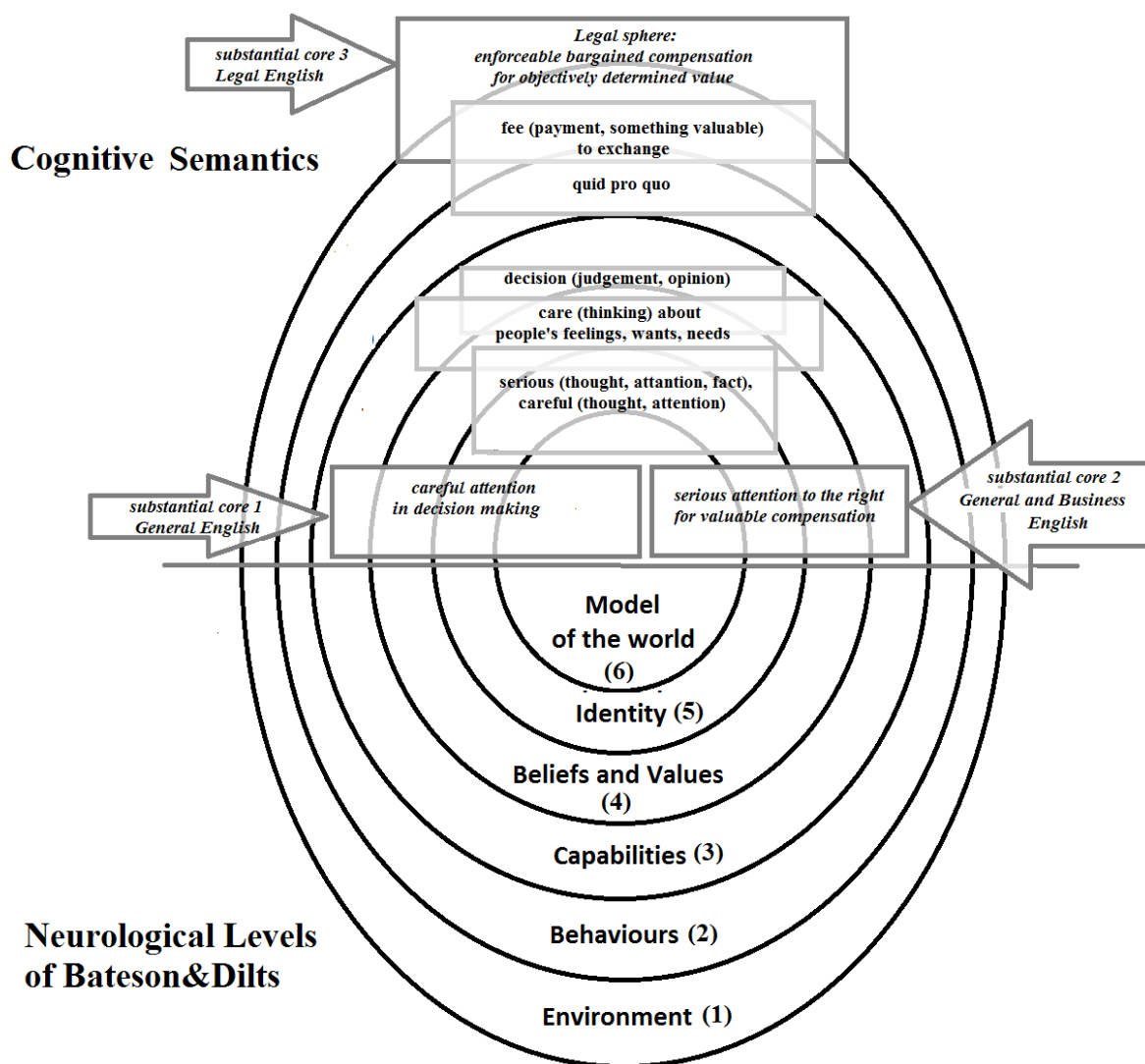
Значения ЛЕ – **serious (thought, attention, fact)** и **careful (thought, attention)** можно рассматривать на трех самых высоких логических уровнях: «модель мира», «идентификация», «ценности и убеждения»: в процессе обдумывания человеком серьезных вопросов именно эти уровни являются главными фильтрами для выбора качественного угла рассмотрения ситуации, внимания к деталям на уровне окружения, качественной оценке и выбору ресурсов, определенным действиям.

Оба варианта содержательного ядра слова: *careful attention in decision making* (СЯ 1) и *serious attention to the right for valuable compensation* (СЯ 2), распознаваемые, в основном, в контексте обыденного и делового общения, можно рассматривать на трех самых высоких логических уровнях: «модель мира», «идентификация», «ценности и убеждения», так как именно эти уровни предполагают высокий уровень обобщения, соответствующий данным формулировкам.

Основываясь на данных рассуждениях, целесообразно представить систему логических уровней в виде иерархически-многослойной модели, аналогичной **Диаграмме 1**. Возьмем в качестве ядра самый высокий уровень («модель мира», **Диаграмма 2**), который вследствие иерархии оказывает влияние на более низкие уровни (даже если субъект коммуникации

этого не осознает), расположим более низкие логические уровни слоями, расходящимися от центра к периферии. Совместив иерархически-многослойную модель значений ЛЕ **consideration** и аналогичную модель логических уровней, мы получим удобную смешанную модель, которая позволяет по-новому взглянуть на СЯ рассматриваемого слова (**Диаграмма 3**).

Диаграмма 3. Смешанная модель: нейрологические уровни Бейтсона-Дилтса - значения ЛЕ – содержательные ядра.

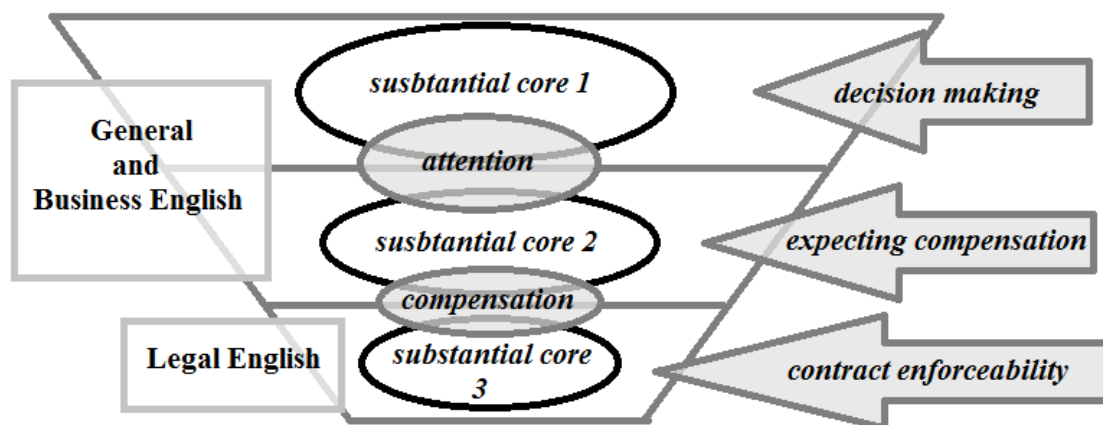
Использование модели логических уровней и построенная с их помощью смешанная модель иерархии значений и содержательных ядер лексической единицы **consideration** дает ясное понимание, что все значе-

ния ЛЕ и ее содержательные ядра являются частями единой, целостной системы, равномерно распределенными по логическим уровням. СЯ 3 данного слова соответствует двум низким логическим уровням (первому и второму), что естественно, так как в юридическом поле данная ЛЕ является термином, и, вследствие этого, СЯ должно быть максимально конкретным. Значения ЛЕ **consideration** и СЯ (1, 2), находящиеся на более высоких логических уровнях (с третьего по шестой) и проявляющие себя в общезыковом и деловом контекстах, имеют более высокий уровень обобщения, что характерно для высоких нейробиологических уровней Бейтсона-Дилтса.

Очевидно, что содержательные ядра ЛЕ **consideration** связаны эксплицитно и имплицитно. Эксплицитная связь ядер – общие лексемы: ядро 1, *careful attention in decision making*, связано с ядром 2, *serious attention to the right for valuable compensation* лексемой **attention**; ядро 2 связано с ядром 3, *enforceable bargained compensation for objectively determined value*, лексемой **compensation**. Кроме того, мы можем говорить об иерархичности системы содержательных ядер данной лексической единицы не только вследствие соответствия последних нейробиологическим уровням, но и с точки зрения широты класса ситуаций, в которых они проявляются. Кроме эксплицитной связи, в системе содержательных ядер присутствует имплицитная иерархия: первое СЯ, *careful attention in decision making*, охватывает все поле ситуаций принятия серьезных решений; второе СЯ, *serious attention to the right for valuable compensation*, проявляется в ситуациях, когда ценностью является именно право на компенсацию, осознаваемое как естественное право и часто не формулируемое конкретно (вид и размер компенсации часто отдается на усмотрение другой стороне, конкретный размер компенсации может не конкретизироваться). Третье СЯ, *enforceable bargained compensation for objectively determined value*, ядро термина, проявляет себя в ситуации контракта, правовая сила которого зависит от максимальной конкретности формулировки пунктов контракта-документа. Этот класс уже двух вышеописанных. Тем не менее, класс ситуаций СЯ 3 может быть подклассом ситуаций СЯ 2, а он, в свою очередь, может быть подклассом СЯ 1. Такое рассмотрение системы содержатель-

ных ядер ЛЕ **consideration** позволяет нам визуализировать ее в виде иерархической уровневой диаграммы (Диаграмма 4).

Диаграмма 4. Иерархическая модель системы содержательных ядер ЛЕ *consideration*.

Заметим здесь, что более высокий уровень СЯ в **Диаграмме 4** коррелирует с более высоким расположением СЯ в смешанной модели (**Диаграмма 3**). Так как более высокие логические уровни характеризуются высокой степенью смыслового обобщения и оказывают влияние на более низкие логические уровни, именно эта имплицитность влияния в иерархии системы содержательных ядер, возможно, ведет к возникновению конфликтующих точек зрения на доктрину **consideration**. Следует вспомнить, что «пользователи» ЛЕ обладают своими уникальными фильтрами восприятия – уровнями взаимодействия с действительностью. Более высокие уровни восприятия информации, управляющие более низкими, формируются в определенной культурной среде. Это естественным образом ведет к различным, часто конфликтующим трактовкам лексической единицы представителями разных культур. Соответственно, наличие конфликтующих точек зрения на доктрину **consideration** – неизбежно.

Таким образом, применение двух описанных выше аналитических инструментов в анализе лексической единицы **consideration** позволило не только выявить ее содержательные ядра, но и представить полученные результаты в виде двух иерархических моделей: иерархически-

многослойная смешанная модель «нейрологические уровни» - «значения ЛЕ» – «содержательные ядра» (Диаграмма 3), и иерархической модели системы содержательных ядер ЛЕ **consideration** (Диаграмма 4). Это позволяет по-новому представить систему многозначного термина, уточнить ценностно-смысловое наполнение каждого из его значений, подтвердить предположение о целостности системы содержательных ядер ЛЕ и иерархии ее компонентов. Данная комбинация подходов и разработанные модели могут быть полезны в объяснении причин конфликтующих точек зрения в трактовке юридических терминов и терминосистем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беляевская Е.Г. Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах (когнитивные основания семантической структуры слова): Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1991.*
2. *Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Системный подход в современной науке//Проблемы методологии системных исследований. М.: Мысль, 1970, с. 7-48. (3, 4)*
3. *Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Философский принцип системности и системный подход. - Вопросы философии, 1978, № 8, с. 39-52. (3, 4)*
4. *Видерман М.Е. К вопросу о типологии англоязычных терминов контрактного права. - Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2011. - Вып. 42. - 144 с.*
5. *Гриндер Д., Бостик-Сен Клер К. Шёпот на ветру. Новый код в НЛП, — М.: Прайм-Евроснак, 2005.*
6. *Зуева И.В.. Лингвокультурные факторы перевода английской юридической терминологии. Университетские чтения – 2011. Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. – Часть VII. – Пятигорск: ПГЛУ, 2011. – 85 с.*
7. *Киселева С.В. Формирование содержательного ядра полисемантического глагола отношения // Ното Loquens: актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: сборник научных статей. Вып. 2 / под ред. И. Ю. Щемелевой. — СПб.: Изд-во «Ютас», 2010. — С 82-92.*
8. *Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. Академия наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.*
9. *Никитин М.В. Курс лингвистической семантики: Учебное пособие. – 2-е изд., доп. и испр. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. – 819с.*

10. О'Коннор Джозеф, Макдермотт Иан. Искусство системного мышления: Необходимые знания о системах и творческом подходе к решению проблем = *The Art of Systems Thinking: Essential Skills for Creativity and Problem Solving* // «Альпина Паблишер». — М., 2011.

11. Чиронова И. И.. *Англо-русский толковый юридический словарь (гражданское право)*, 2009. — 402 с.

12. Dilts Robert B. *A Brief History of Logical Levels*: <http://www.nlpu.com/Articles/Levels>

13. *Lords Dunedin, Dunlop Pneumatic Tyre Co. Ltd. v Selfridge & Co. Ltd., [1915] AC 847/United Kingdom, Court: House of Lords, Judges: Viscount Haldane LC and Lords Dunedin, Atkinson, Parker of Waddington, Sumner, and Parmoor.*

14. Mcleod I. *Key concepts of Law. 2nd edition, Palgrave MacMillan, England 2010, p. 49.*

15. Nolfi Edward A. *Legal terminology explained. McGraw-Hill Higher Education. The USA, 2009, p. 146.*

16. *Основные использованные словари*

17. [LDCE]-*Longman Dictionary of Contemporary English. Pearson Education Limited. Seventh edition, 2003.*

18. [LDAE]-*Longman Dictionary of American English, Pearson Education Limited/Edinburgh Gate. Harlow. England. 2009.*

19. [WNWCD]-*Webster's New World College Dictionary. 2010 by Wiley Publishing, Inc., Cleveland, Ohio.*

20. [WEAL]-*West's Encyclopedia of American Law, edition 2. Copyright 2008. The Gale Group, Inc.*

Е.Н. Ермакова

Тобольск

ОТФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ КАК ИННОВАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Неологизация – абсолютно закономерное явление для любого языка, в том числе и для русского. Процессы неологизации и сами неологизмы рассматриваются лингвистами в самых разных аспектах, но проблема языковых инноваций всегда будет насущной и вряд ли когда-нибудь найдет свое окончательное решение. Это обусловлено тем, язык – это си-

стема, подвергающаяся постоянному изменению, так как в основе коммуникации лежит отражение действительности, а сама действительность находится в бесконечном движении. Появление инноваций приводит к стремительному обновлению лексического состава русского языка. Помимо лексических неологизмов, входящих в состав языка в статусе узуальных, лингвистов интересуют и окказиональные слова, а вместе с этим появляются вопросы, связанные с их изучением: словообразовательная структура, семантические особенности, статус и степень фиксации в современных словарях, анализ причин появления, механизм формирования значений, функционирование и т.д. Динамическое состояние языка обусловлено функционированием и взаимодействием в нем нормированных, узуальных и окказиональных знаков [5, с. 286].

Быстрое и интенсивное развитие современного общества приводит к возникновению всевозможных новых отношений, для выражения которых человек использует как новообразования, так и языковые средства, уже имеющиеся в его распоряжении, но наполненные новым содержанием. Такой базой для образования окказиональных новообразований служат фразеологизмы русского языка: многие из них, благодаря специфической организации семантики и структуры фразеологизма, а именно – цельности фразеологического значения и единства формы и содержания, при опущении одного или нескольких компонентов фокусируют все значение бывшего фразеологизма в одном «осколочном» компоненте. Этот оставшийся компонент можно квалифицировать как отфразеологическую лексему: *точить балясы* - «вести пустые разговоры» → *балясы* – «пустые разговоры»; *сыр-бор разгорелся* – «завязалась перебранка, склока» → *сыр-бор* – «перебранка, склока»; *закладывать за воротник* «иметь пристрастие к употреблению спиртных напитков, выпивать» → *закладывать* с тем же значением; *тянуть лямку* – «заниматься тяжелым, неприятным, чаще однообразным делом» – *лямка* «о долгой, однообразной работе»; *нести окоlesiцу* – «говорить вздор, бессмыслицу» – *окоlesiца* – «вздор, бессмыслица»; *кондрашка хватила* – «кто-либо внезапно разбит параличом, кто-либо скоропостижно скончался» – *кондрашка* – «об апоплексическом ударе» и др.

В последнее время отмечается все большая активность таких производных лексем, которые на этапе появления рассматриваются как окказионализмы. В лингвистической литературе эти инновации имеют следующие наименования: потенциальные слова, индивидуальные слова, индивидуально-авторские слова, слова-однодневки, слова-экспромты, слова-метеоры, эгологизмы, стилистические неологизмы, одноразовые неологизмы, авторские неологизмы, сегменты фразеологизма, отфраземные слова и другие. Процесс, в результате которого происходит образование отфраземной лексемы, квалифицируют как вычленение, сегментацию, лексическую отфразеологическую деривацию.

На наш взгляд, наиболее корректным, отражающим специфику «рождения» слов на базе фразеологизма, можно признать термин «отфразеологическая деривация», а производные единицы, которые образовались на базе фразеологизма – «отфразеологические лексемы». Под отфразеологической деривацией понимаем процесс образования вторичной единицы на базе исходной, в данном случае – образование лексемы на базе фразеологизма. Следствие отфразеологической деривации – превращение фразеологической единицы в своеобразный «фразеологический осколок», фразеологизм «сжимается» и приближается к пределу словосочетания – слову. Производное слово теряет фразеологическое значение, которое было свойственно фразеологизму, на базе которого образовалось слово, а приобретает новое – лексическое. Но формирование этого значения – процесс не обычного формирования лексического значения, а процесс сложный, имеющий глубокие корни: производное слово – предельный результат импликации, оно вбирает в себя весь запас фразеологической информации [4, с. 208]. Образующиеся в результате межуровневого взаимодействия производные слова находятся в отношениях формально-структурной и семантической соотносительности с производящими фразеологизмами.

Способ «вычленения» лексемы из фразеологизма рассматривали и рассматривают в своих работах М.А.Алексеев, Н.Ф.Алефиренко, Т.П.Белоусова, А.М.Бушуй, А.М.Мелерович, В.М.Мокиенко, А.В.Петров, Р.Н.Попов, Г.А.Селиванов, Е.В.Сенько, М.Б.Ташлыкова, И.Ю.Третьякова, Л.А.Чиненова, Н.М.Шанский, В.К.Янцен и др. Механизм наделения одно-

го компонента значением всего фразеологизма в целом описала О.С. Ахманова: «...у слов, входящих в состав фразеологических единиц возникают новые значения, сперва «потенциальные», как бы «поглощенные» суммарным значением сложного номинативного целого, но способные актуализироваться, выделиться, приобрести способность отдельного воспроизведения [2, с.170]: *плакать в жилетку* – «жаловаться кому-либо на что-либо» → *жилетка* – «человек, которому можно пожаловаться на жизнь, поплакаться»; *изобретать велосипед* – «говорить что-либо давно всем известное» → *велосипед* «никому не нужное, лишнее открытие, изобретение».

Возможность/невозможность семантического сжатия ФЕ (отфразеологической деривации) определяется особенностями лексико-грамматической структуры устойчивого сочетания, а также потенциальными лексико-семантическими способностями слова-компонента, вбирающего в себя значение всей ФЕ [6, с. 261]. К примеру, от фразеологизма *ей-Богу* образуется глагол *божиться* со значением «клясться именем Бога в подтверждение истинности, правильности своих слов». Наиболее подходящим компонентом, который мог бы вобрать в себя значение всего фразеологизма, является компонент *Богу*, так как второй компонент труден для осмысления как внутри фразеологической единицы, так и за ее пределами. Значение фразеологизма несет в себе оттенок процессуальности, что и было выражено в производном слове глагольными формантами *-ть-* и *-ся-*. Таким образом, перед нами слово (которое уже не является частью фразеологизма), способное к самостоятельному употреблению, но передающее смысл производящего фразеологизма.

Отфразеологическая лексема несет дополнительный эмоционально-экспрессивный заряд. Процессуальный фразеологизм *влипнуть в историю* имеет значение «оказываться замешанным в каком-либо предсудительном деле, быть причастным к какому-либо неприятному происшествию». Образованная на его базе отфразеологическая лексема *влипнуть* (*влип*) сохраняет значение производящего фразеологизма, но это значение получает дополнительную коннотацию. Герой произведения с помощью этой лексемы не только характеризует свое положение, но и выражает

эмоции. Сравним: *Чудик обладал одной особенностью: с ним постоянно что-нибудь случалось. Он не хотел этого, страдал, но то и дело **влипал** в какие-нибудь **истории** – мелкие, впрочем, но досадные (В.Шукшин. Чудик). – [Колька] пытался воздействовать на нее [жадную жену], но получил железный отпор. – У нас в деревне и то бабы не такие железные... – Заткнись со своей деревней, – посоветовала Валя. – Ехай туда, кому ты здесь нужен! «Ну и **влип**...» – терзался изумленный Колька. – Как **влип**! (В.Шукшин. Жена мужа в Париж провожала).*

Анализ 109 фразеологизмов и их производных показал, что в качестве производящих чаще всего выступают процессуальные фразеологизмы, реже предметные и качественно-обстоятельственные, редко модальные и количественные. Призначные фразеологизмы практически не выполняют роль производящих единиц.

На основе процессуальных ФЕ образуются глаголы, существительные, прилагательные: *витать в облаках → витать, мутить воду → мутить, ободрать до нитки → ободрать, драть глотку → глотник, петь аллилуйю → аллилуйный, крепкий орешек → орешек, снимать пенки → пенки, олух царя небесного → олух, лить воду → вода, втирать очки → втирать. Большинство глаголов «вычленились» из фразеологизма без какого-либо «осложнения»: валить валом → валить, закладывать за воротник → закладывать. Этот способ – вычленение одного из компонентов со значением, свойственным всей фразеологической единице, является весьма продуктивным. Не менее продуктивен и второй способ: вычленение в сочетании с суффиксацией или префиксацией. «Непременное «участие» суффиксации и префиксации как раз и отличает этот способ образования новых слов от первого способа, ...» (сущность которого заключалась в «простом» вычленении одного из компонентов фразеологизма): *вздыбиться ← встать на дыбы; баклушничать ← бить баклуши; балясничать ← точить балясы; подспудный, подспудно ← держать под спудом; канителить (-ся) ← тянуть канитель. Этот способ многие исследователи характеризуют как лексико-морфологический способ. По определению Е.В.Сенько, лексико-морфологический способ – «наиболее последовательное и эффективное средство устранения фразеологического про-**

творечия раздельнооформленность – семантическая целостность» [9, с. 219].

При отфразеологической деривации активно используется формант – *ся*: *сматывать удочки – сматываться; морщить лоб – морщиться*. В таких случаях глагольный компонент как бы вбирает в себя значение всего сочетания [3, с. 64]. Характерно, что такое «вбирание» происходит строго в одних и тех же конструкциях: глагол + существительное в винительном падеже единственного числа: *скалить зубы → скалиться; таращить глаза → таращиться; потупить голову → потупиться; зажмурить глаза → зажмуриться; нахохлить перья → нахохлиться* и др. При подобном словообразовании суффикс выполняет свою исконную функцию – заменяет имя, т.е. опущенный компонент.

Вычленяться из фразеологизма может имя существительное. Такое вычленение осуществляется на базе процессуальных и предметных фразеологизмов: *тянуть лямку – «заниматься тяжелым, однообразным делом» → лямка – «о долгой, однообразной работе»; накатать телегу – «направить в официальное учреждение письмо, очерняющее кого-либо, что-либо» → телега – «письмо, направленное в официальное учреждение с намерением очернить кого-либо, что-либо»; нести ахинею – «говорить вздор, бессмыслицу» → ахинея – «вздор, бессмыслица»; играть в бирюльки – «заниматься пустяками» → бирюльки – «пустяки». В результате такого словообразования категориальное значение процессуальности в производной лексеме утрачивается, формируется индивидуальное значение, связанное с предметностью. Проиллюстрируем функционирование отфразеологических лексем: *Вся его жизнь была лямкой добросовестного морского служаки, который даже и в прежние суровые времена отличался добротой* (Станюкович. Два моряка). *Да и напевай ей на ухо **турусы** сладкие* (Н.В.Гоголь. Женитьба). *Балакин времени не терял. Он сочинил и прислал в горьком «телегу». Самыми черными красками обрисовал хулиганское поведение ... Легошиной.* (Е.Воробьев. Крыша над головой).*

При вычленении из состава фразеологизма глагольного компонента наблюдается полное категориальное соответствие между производящим фразеологизмом и производной лексемой: процессуальный фразеологизм

становится базой для производного глагола. При этом все же необходимо отметить, что не всегда можно с уверенностью утверждать о направлении производности: глагол образован от фразеологизма или, наоборот, глагол послужил толчком для образования фразеологизма. В этом случае и словари не всегда дают ответ.

Предметные фразеологизмы служат основой для образования существительных и прилагательных. В ряде случаев это «чистая» импликация: *дубина стоеросовая* → *дубина*, *жареные факты* → *жареное*, в других – импликация в сочетании с суффиксацией: *верное дело* → *верн-як*, *недобрый глаз* → *глаз-лив-ый*. Анализ производящих и производных единиц позволяет утверждать, что в результате отфразеологической деривации возможно как категориальное соответствие, так несоответствие производящего фразеологизма и производной лексемы.

Процессы создания окказиональных единиц «имеют ярко выраженную прагматическую направленность, главным условием, вызывающим трансформацию фразеологизма, является желание говорящего использовать имеющуюся в языке единицу в «обновленном виде», тем самым усилить оценочность, экспрессию высказывания» [5, с. 293].

Появляются отфразеологические лексемы в основном на уровне речи, окказиональные производные чаще имеют разговорную окраску. «Рождение» неологизма происходит в определенной коммуникативной ситуации. Отфразеологические окказиональные слова выступают ярким и образным средством отражения действительности. Судьба отфразеологических лексем различна: одни новообразования не повторятся в других ситуациях, другими авторами и т.п., вторые – окажутся недолговечными и не закрепятся в языке, третьи – приобретут статус узуальных, общеупотребительных. Но в любом случае анализ таких новообразований важен и интересен, поскольку каждое языковое явление заслуживает самого пристального внимания лингвистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеенко М.А. *Словарь отфразеологической лексики современного русского языка* / М.А.Алексеенко, Т.П.Белюсова, О.И.Литвинникова. – М.: Азбуковник, 2003. – 395 с.

2. Ахманова О.С. *Очерки по общей и русской лексикологии*. – М., 1957.
3. Гвоздарев Ю.А. *Процессы образования фразеологических единиц в русском языке / Проблемы русского фразеобразования*. – Тула, 1973. – С. 44-63.
4. Ермакова Е. Н. *Отфразеологическое словообразование в современном русском языке: причины, условия, механизм // Вестник ЧГПУ*. – 2012. – № 2. – С. 206-214.
5. Ермакова Е.Н. *Преобразовательные возможности современного русского языка: окказиональные и потенциальные слова и фразеологизмы // Вестник ЧГПУ*. – 2012. – № 3. – С. 286-293.
6. Петров А.В. *Отфразеологическая деривация сквозь призму базовых понятий словообразования / Восточноукраинский лингвистический сборник. Выпуск десятый*. – Донецк, 2004. – С. 242-263.
7. Сенько Е.В. *Неологизация в современном русском языке конца XX века: межкуровневый аспект: автореф. дис. ... докт. филол. наук*. – Волгоград, 2000.

Е.Н. Ермакова, Н.А. Божко
Тобольск

КОНТАМИНАЦИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Одним из самых ярких способов индивидуально-авторских преобразований является контаминация. По данным энциклопедии «Русский язык», контаминация (от лат. *contaminatio* – соприкосновение, смешение) – взаимодействие, скрещивание, объединение языковых единиц или их частей на основе их структурной, функциональной или ассоциативной близости, приводящее к их семантическому или формальному изменению, а также к образованию новой языковой единицы [Русский язык. Энциклопедия 1998: 197].

В научной литературе до сих пор нет однозначного определения этому языковому явлению: Н.А. Янко-Триницкая, В.М. Костюков говорят о «междусловном наложении», Р.Ю. Намитокова и Е.А. Земская изучают «тмезис», В.П. Изотов пишет о «графическом словообразовании». Термин «контаминация» используют А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, Р.Ю. Намитокова, Е.А. Земская.

Междусловное наложение, как отмечает Н.А. Янко-Триницкая, «состоит в том, что конец основы одного слова накладывается на омонимичное начало другого слова. Таким образом возникает сложное слово особого типа, включающее в свое значение семантику обоих объединившихся слов, а в свою основу – основы обоих объединившихся слов, причем в качестве определяемого выступает второе слово, а в качестве определяющего – первое» [Янко-Триницкая 2001: 471]. Е.Н. Ермакова добавляет, что такое «совмещение может сопровождаться усечением финала первого или/и начала второго слова, например, *Архимандрей – архимандрит + Андрей*» [Ермакова 2009: 217].

Своеобразную гибридизацию, при которой одно слово вставляется внутрь другого, называют тмезисом. Графическое словообразование, описанное В.П. Изотовым, несколько похоже на тмезис: одно слово также является частью другого, но при этом эта часть на письме выделяется графически. Происходит своего рода каламбур – языковая игра: *Главная сложность заключалась в том, как убедить вражеского потребителя купить наш телевизор. В отдельных случаях приходилось маскировать «Рубины» под «Сони» и «Шарпы». «ОбЩАРПанный» таким образом враг не знал, что и думать.* (Пример из газеты «Комсомольская правда», 05.10.2001). Контаминированные единицы Р.Ю. Намитокова характеризует как «речевые новообразования, впервые встреченные на страницах письменного текста – художественного или научного – и не отмеченные в словарях национального языка, соответствующего данному автору времени, живущие только в тексте и поэтому обладающие признаком необычности, новизны, но могущие превратиться «в факты языка при благоприятных условиях» [Намитокова 1986: 22].

Как стилистический прием в современном русском языке, контаминация детально описана в работах Р.Р. Гельгардта [1967], О.А. Лаптевой [2007], В.В. Лопатина [1973], Д.Э. Розенталя [1985], Б.С. Шварцкопфа [1968], Н.Ю. Шведовой [1966] и др.

Ученые отмечают, что большую роль контаминация как языковое явление играет в эволюции того или иного языка, в истории изменения звукового облика слов, в преобразовании грамматики и синтаксиса. Нель-

зя не согласиться с теми учеными, которые утверждают, что контаминация, во всех ее видах и разновидностях, представляет собой прежде всего факт языка, объективный процесс структурного развития лексико-фразеологической системы [Ермакова 2009: 218].

Особый интерес для нас представляет контаминация на фразеологическом уровне, так как в результате контаминации из-под пера мастеров художественного слова выходят контаминированные единицы, отличающиеся особой выразительностью и особой экспрессией, имеющие ярко выраженную прагматическую направленность. Е.Н. Ермакова под фразеологической контаминацией понимает «скрещивание двух фразеологизмов на основе их структурной, функциональной или ассоциативной близости, приводящее либо к семантическому или формальному изменению производной единицы, либо к образованию нового фразеологизма». По ее словам, фразеологизмы, образовавшиеся в результате скрещивания, можно квалифицировать как контаминированные [Ермакова 2009: 104]. Появление единиц, в которых наблюдается отклонение от нормы, объясняется рядом причин: во-первых, фразеологические единицы в процессе своего функционирования в речи в довольно значительной части случаев подвергаются индивидуально-авторской обработке различного рода в тех или иных целях; во-вторых, отдельные носители языка недостаточно владеют нормами; и, наконец, различного рода сами нормы достаточно подвижны в современном русском языке [Ермакова 2008: 27].

Контаминацию во фразеологии рассматривали И.А. Абрамец [1969], О.С. Ахманова [1957], А.М. Бабкин [1964], Ю.А. Гвоздарев [1973, 1977], Е.Н. Ермакова [2008, 2009], С.А. Межжерина [1971], А.М. Мелерович [2005], В.М. Мокиенко [2005], А.И. Молотков [1977], И.Ф. Печерица [1973], Р.Н. Попов [1974], Л.И. Ройзензон [1969, 1970], Г.А. Селиванов [1971], И.Ю. Третьякова [2011], Н.Ю. Шведова [1966] и др.

И.Ю. Третьякова, анализируя структурные и семантические изменения ФЕ при контаминации, пишет: «При контаминации происходит преобразование грамматической структуры фразеологических единиц. Новый, окказиональный фразеологизм может сохранить синтаксическую модель языковых прототипов (при условии их структурной тождественно-

сти), но при этом изменить формальный состав компонентов; компонентный состав ингредиентов контаминации – языковых ФЕ – может остаться в ОФ без изменения (представлен полностью), но при этом образуется фразеологизм иной синтаксической модели [Третьякова 2011: 88-89]. По ее наблюдениям, следствием контаминации может стать преобразование элементов коннотации ФЕ: экспрессивности, оценочности, стилистической маркированности. <...> может давать сильный стилистический эффект и являться целью окказионального преобразования фразеологизмов.

Анализируя структурные преобразования и полученные результаты, ученые приходят к выводу, что контаминация – это система, которая имеет свои механизмы и условия. А.М. Бабкин выделяет три разновидности контаминации: 1) соединение частей двух ФЕ, которые не совпадают по лексическому составу, но схожи по синтаксической структуре или функции; 2) соединение двух ФЕ, начинающихся одним и тем же словом; 3) часть ФЕ заменяется самостоятельной фразеологической единицей.

И.Ю. Третьякова берет за основу классификацию А.М. Бабкина, но интерпретирует типы контаминации по-своему: 1) контаминация частей фразеологизма (контаминация-перекрещивание): *молоть чепуху* – «говорить глупости, вздор» + *нести околесицу* – «говорить, писать глупости» = *молоть околесицу* – «говорить глупости, вздор»; 2) контаминация целого фразеологизма и части фразеологизма (контаминация-наложение): *сбить с пути* – «воздействовать на кого-либо, заставить изменить свое поведение, совершить какой-либо поступок, чаще всего неблагоприятный» + *сбить с панталыку* – «привести кого-либо в замешательство» = *сбить с пути и с панталыку* – «привести человека в замешательство и заставить совершать предосудительные поступки»; 3) контаминация целых ФЕ (контаминация-объединение): *навострить лыжи* – «намереваться, собраться уйти, уехать куда-либо» + *куда Макар телят не гонял* – «очень далеко, в самые отдаленные места» = *навострить лыжи куда Макар телят не гонял*. Семантика формируется в результате суммирования сем, репрезентированных компонентами языковых фразеологических единиц.

Несмотря на то, что И.Ю. Третьякова также выделяют три способа, в ее оценке механизмов контаминации, по сравнению с классификацией

А.М.Бабкина, видны расхождения: два способа, выделенных Бабкиным (соединение частей двух ФЕ и соединение двух ФЕ, начинающихся одним и тем же словом), она квалифицирует как контаминацию-наложение, но при этом выделяет еще один способ – контаминацию-объединение.

По утверждению Е.Н. Ермаковой, процесс контаминации является одним из показателей развития фразеологического состава языка. Сближение двух фразеологических единиц, имеющих одинаковое значение, но разный лексический состав и разную внутреннюю форму, приводит к разрушению имеющейся в языке единицы [Ермакова 2009: 222]. Анализируя способы контаминации, Е.Н. Ермакова говорит не только о семантических сдвигах в контаминированных единицах, но и о том, что в результате контаминации может появиться совершенно новая ФЕ, «и в этом случае можно утверждать, что мы имеем дело с фразообразовательным процессом» [Там же: 105]. Это утверждение является существенным дополнением в характеристике способов контаминации, так как в том случае, если контаминация приводит к фразообразованию, мы можем говорить о пополнении фразообразовательного фонда русского языка в целом (этот вывод находит подтверждение тогда, когда фразеологизм из разряда окказиональных перейдет в разряд узуальных). Отметим, что это утверждение продолжает полемику известных фразеологов: А.И. Молотков утверждал, что контаминация не приводит к образованию новой единицы, а А.М. Бабкин, наоборот, отмечал, что объединение частей фразеологизмов приводит к образованию новых единиц.

Виктория Токарева использует контаминацию разных типов: контаминацию, приводящую к появлению новой единицы, и контаминацию, не приводящую к фразообразовательному процессу.

Рассмотрим одну из разновидностей контаминации – контаминацию-наложение и функционирование контаминированных единиц в художественном тексте (при анализе используем терминологию И.Ю. Третьяковой).

В рассказе «Уик-энд»: *И она выживала. Буквально **вытаскивала себя за волосы из болота**, как барон Мюнхгаузен* – в окказиональном фразеологизме *вытаскивала себя за волосы из болота* контаминируются узуальные фразеологизмы *вытаскивать из болота* («избавлять от опасности,

от проблем») и *вытаскивать за волосы* («спасать из последних сил, используя крайние средства»), которые начинаются одним и тем же словом *вытаскивать*.

Механизм контаминации заключается в следующем: А – общий компонент двух узуальных фразеологизмов – *вытаскивать*, Б – компонент первого фразеологизма *из болота*, В – компонент второго фразеологизма *за волосы*. Представим механизм в виде формулы: $АБ + АВ = АБВ$. В результате контаминации появляется окказиональная единица *вытаскивать себя за волосы из болота* со значением «избавлять от опасности, проблем, используя крайние средства». В данном случае не следует говорить о появлении новой единицы, а следовательно, здесь не наблюдается процесса фразеобразования, так как значение окказионального фразеологизма формируется за счет наложения общей семы двух фразеологизмов и соединения сем двух фразеологизмов в значении одного фразеологизма. Но отметим, что использование контаминированного фразеологизма приводит к усилению экспрессии, кроме того, автор подчеркивает, что герою приходится спасать себя самому. Этому способствует и расширение фразеологизма компонентом *себя*. В данном случае не меняется природа фразеологизма: оба узуальных фразеологизма обозначают процесс. Происходит наложение грамматически главного компонента *вытаскивать*, который и является фразеобразующим. В контаминированном фразеологизме фразеобразующим остается этот же компонент, следовательно, и фразеологизм остается процессуальным.

В этом же рассказе В. Токарева предлагает читателю следующий микротекст: *Говорят, у нее золотые мозги и душа тоже вполне золотая*. Автор контаминирует предметные узуальные фразеологизмы *золотая голова* со значением «о чем-либо светлом, ясном уме» и *золотая душа* со значением «о добром, мягком характере; об отзывчивом, добром человеке». Механизм контаминации можно описать следующим образом: $АБ + АВ = АБВ$. На наш взгляд, экспрессия контаминированного фразеологизма усиливается еще и тем, что автор использует компонентное варьирование: вместо привычного компонента *голова* автор предлагает контекстуальный синоним *мозги*. Дистантное расположение

компонентов – (*душа*) *тоже вполне (золотая)* – играет немаловажную роль в формировании коннотативного содержания всего высказывания. Все эти преобразования наиболее точно передают характеристику положительных черт персонажа: героиня – умный, добрый, отзывчивый человек.

Описывая разновидность такого вида контаминации, И.В. Дубинский отмечает, что «эта разновидность контаминации не влечет за собой языкового искажения или порчи и может рассматриваться как допустимый вариант стилистического преобразования» [Дубинский 1973: 21].

Еще пример контаминации-наложения приведем из рассказа «Полосатый надувной матрас»: «*Плачет*», – *догадалась Люся. Они дружили сорок лет, и Люся научилась слышать родную душу на расстоянии.* Анализ функционирования контаминированного фразеологизма позволяет раскрыть суть другой разновидности наложения: казалось бы, происходит наложение одного компонента *душа* на этот же компонент другого фразеологизма. Но это не совсем так: механизм контаминации представлен следующей формулой: $AB + BB = ABB$. Особенность проявляется в том, что в процессуальном фразеологизме *слышать душой* со значением «чувствовать, предчувствовать что-либо» компонент *душой* является грамматически зависимым, а в предметном фразеологизме *родная душа* со значением «близкий человек» компонент *душа* является грамматически главным. Окказиональный фразеологизм *слышать родную душу* приобретает значение процессуальности – «чувствовать близкого человека». Использование фразеологизма в таком виде позволяет автору наиболее точно и тонко подчеркнуть эмоциональную привязанность подруг.

В рассказе «Длинный день» контаминируются процессуальный фразеологизм *рвать душу* со значением «приносить терзания, страдать, мучить» и качественно-обстоятельный *и душой и телом* со значением «всем существом; целиком, полностью» ($AB + BB = ABB$): *Пускаться в роман с женатым человеком – значило рвать душу и тело.* В контексте объединяются фразеологизмы, различающиеся и структурно, и семантически. Автору нужно указать на процесс, на действие, поэтому доминирует фразеологизм со значением процессуальности: «рождается» окказио-

нальный фразеологизм *рвать душу и тело* со значением «приносить терзания всему существу человека». Таким образом, читатель глубже и полнее воспринимает страдания персонажа.

Ученые отмечают, что случаи контаминации могут являться результатом «ошибочного употребления, <...> но в основном контаминация предпринимается в семантических и стилистических целях, которые обусловлены целями и задачами речевой ситуации» [Ермакова 2009: 216].

Следствием контаминации могут быть разные результаты: если в процессе преобразований появляется новая единица, то это можно квалифицировать как фразообразование, если новая единица не появляется, следует судить лишь о семантических сдвигах. Контаминация противостоит нормированному употреблению и связана с нарушением языковых стандартов, это явление характерно для художественной речи и служит средством выражения особой экспрессии; используется как характерологическое средство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабкин, А.М. *Русская фразеология, ее развитие и источники*. – Л., 1970. – 262 с.
2. Дубинский, И.В. *Уточнение фразеологического компонента как стилистический прием // Вопросы стилистики*. – Вып.6. – Саратов, 1973. – С. 3-22.
3. Ермакова Е.Н. *Фразо- и словообразование в сфере фразеологии: автореф. дис. ...д-ра филол. наук*. – Тюмень, 2008. – 41 с.
4. Ермакова, Е.Н. *Фразо- и словообразование в сфере фразеологии современного русского языка: монография*. – Тюмень: «Вектор Бук», 2009. – 416 с.
5. Намитокова, Р.Ю. *Авторские неологизмы: словообразовательный аспект*. – Изд-во Ростовского ун-та, 1986. – 160 с.
6. *Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов*. – М.: Дрофа, 1998. – 703 с.
7. Третьякова, И.Ю. *Окказиональная фразеология: монография / под науч. ред. А.М. Мелерович*. – Кострома, 2011. – 290 с.
8. Янко-Триницкая, Н.А. *Словообразование в современном русском языке*. – М., 2001.

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ОТГЛАГОЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Словообразовательный строй языка в основном устойчив, как и грамматический строй, но, как и грамматический строй, он претерпевает изменения на протяжении истории развития языка, подчиняясь внутренним законам этого развития.

Имя существительное, как и всякая часть речи, характеризуется не только семантическими признаками, но, прежде всего, признаками грамматическими. Существительному присущи грамматические категории рода, числа и падежа. Словообразовательная форма, по мнению М.Д. Степановой, представляет собой сопутствующий лексико-морфологический признак существительного [Степанова 1953: 94]. По мнению многих лингвистов, наиболее характерными словообразовательными признаками имени существительного являются суффиксы, поскольку они оформляют его морфологически как часть речи. Исключением не являются и отглагольные существительные. В нашей работе отглагольным существительным номинируется имя существительное, образованное от глагола, обозначающее относительное событие (действие, процесс) как предмет и являющееся носителем отвлеченного процессуального признака.

За последние десятилетия изучение русского словообразования значительно активизировалось, появилось большое количество монографий, посвященных проблемам дериватологии (Н.М. Шанский, Е.А. Земская, М.Н. Янцеевская, О.П. Ермакова, А.Н. Тихонов, Т.Ф. Ефремова, И.С. Улуханов).

В современном русском языке достаточно четко определены способы словообразования. Вслед за авторами академических грамматик, под *способом словообразования* мы будем понимать более крупную, чем словообразовательный тип, единицу классификации, объединяющую ряд типов, характеризующихся одним и тем же видом форманта (например, префикс, суффикс, постфикс), в отвлечении от конкретных материальных воплоще-

ний этого форманта в разных типах [Русская грамматика 1980: 138].

Первую классификацию способов русского словообразования представил В.В. Виноградов в работах начала 50-х годов. Он выделил следующие способы морфологического словообразования: 1) фонетико-морфологический, бессуффиксальный способ, 2) суффиксальный, 3) префиксальный, 4) смешанный, суффиксально-префиксальный, а также синтаксические способы: морфолого-синтаксический, лексико-синтаксический, лексико-семантический [Виноградов 1975].

В 1980-х годах складывается традиционная классификация способов словообразования в русском языке, которая представлена в «Русской грамматике» 1980 года и признана большинством дериватологов.

I. Способы образования слов, имеющих одну мотивирующую основу: суффиксация, префиксация, постфиксация, префиксально-суффиксальный способ, префиксально-постфиксальный способ, суффиксально-постфиксальный способ и субстантивация (прилагательных и причастий).

II. Способы образования слов, имеющих более чем одну мотивирующую основу: сложение, смешанный способ словообразования – суффиксально-сложный, сращение, аббревиация.

Имена существительные русского языка образуются следующими способами: суффиксацией, префиксацией, субстантивацией, сложением, аббревиацией, а также смешанными способами: префиксально-суффиксальным и суффиксально-сложным, сращением в сочетании с суффиксацией.

Отглагольные существительные в русском языке образуются двумя способами: суффиксальным (включая нулевую суффиксацию) и префиксально-суффиксальным.

Суффиксальное словообразование создает новое слово путем прибавления к производящей основе того или иного суффикса (материально выраженного). Русский язык обладает богатым арсеналом суффиксов, которые соединяются с разными частями речи. Этим способом образуются существительные со значением лица, действия, состояния или конкретных предметов [Ермакова 2008: 32].

Способом нулевой суффиксации создаются имена существительные

от основ глагола без добавления аффиксов, при этом деривационное значение мотивированного слова выражается с помощью нулевого аффикса. К нулевым аффиксам, вслед за Е.С. Кубряковой и Ю.Г. Панкрац, мы относим аффикс, «представленный значащим отсутствием элемента <...>. Нулевой аффикс выделяют лишь там, где в параллельных формах той же парадигмы или других ее формах наблюдается материально выраженная флексия» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 60].

Главными способами словообразования в немецком языке считаются аффиксальное словопроизводство (аффиксация), словосложение и имплицитное словопроизводство, под понятие которого подводятся достаточно разнообразные типы словообразования, несводимые к аффиксации или же словосложению, но всегда связанные с отнесением производящей и производной основ к разным частям речи [Зеленецкий 2003: 227-228].

Образование отглагольных существительных в немецком языке осуществляется следующими способами: имплицитным (конверсией и субстантивацией) и аффиксацией. Под имплицитным словопроизводством понимается довольно разнородная совокупность способов словообразования [Зеленецкий 2003: 257]. Все виды имплицитного словопроизводства имеют одну характерную черту – они всегда связаны с изменением частеречной принадлежности основы. Более сложным является вопрос об отношении имплицитного словопроизводства к аффиксации, так как, например, с точки зрения классического дескриптивистского языкознания, сопровождающие имена артикли представляют собой такие же морфемы, как словообразовательные аффиксы.

В немецком языке выделяют следующие подтипы имплицитного словопроизводства: конверсия, например: *der Fall* (случай), *der Gang* (ход), *der Hieb* (удар), *der Flug* (полет), *der Wurf* (бросок) и субстантивация: *das Leben* (жизнь), *das Schaffen* (творчество), *das Sein* (бытие).

Очень часто два эти типа не разграничивают, однако, несмотря на то, что субстантивированный инфинитив и находящееся в отношении конверсии с глаголом имя сопровождаются артиклем, это является лишь внешним сходством. При конверсии речь идет об основах, которые не имеют четкой частеречной отнесенности, тогда как при субстантивации

имеется в виду то, что одна из глагольных форм превращается в существительное, отрываясь от глагольной парадигмы. Всякий инфинитив в немецком языке может быть субстантивирован. В то же время, например, И.Г. Ольшанский не согласен с этим мнением и утверждает, что субстантивация – это вид конверсии [Ольшанский 2005: 107]. Г. Хельбиг и М.Д. Степанова говорят о том, что имплицитный способ словопроизводства имеет разные названия: конверсия и трансфигурация, транспозиция частей речи, имплицитное словопроизводство, словопроизводство с «нулевым суффиксом» и др.; при этом в большинстве исследований явно прослеживается процессуальный подход, стремление отличить производящую основу от основы производной. Такой подход характерен для теории словообразования русского языка. Что же касается словопроизводства с «нулевым аффиксом», то ведутся поиски чисто семантической зависимости одной лексемы от другой: *пуск – пускать, раскол – раскалывать* и т.д. [Степанова, Хельбиг 1978: 124].

Наиболее широко представленным и продуктивным в именах существительных немецкого языка является суффиксальный способ образования. Именно благодаря наличию системы суффиксов немецкий язык сохраняет характерную особенность флективного строя – способность к трансформации частей речи морфологическими средствами. От глаголов могут быть образованы имена существительные, от имен существительных – глаголы и прилагательные и т.д.

Итак, класс существительных представляет собой класс слов, бурно развивающийся и постоянно пополняемый на протяжении всей истории развития языка. В русском и немецком языках наблюдается тождество двух способов словообразования: имплицитного способа и суффиксального (при использовании в качестве словообразовательного форманта нулевого суффикса). Для немецкого языка, как способ образования отглагольных существительных, характерна субстантивация. При этом в русском языке субстантивированы могут быть только имена прилагательные и причастия, в немецком же языке может быть субстантивирован любой инфинитив, это является наиболее простым и продуктивным способом словопроизводства абстрактных имен, обеспечивающим широкие возможности для выражения и его компактность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов, В.В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии/ В.В. Виноградов // Исследования по русской грамматике. – М., 1975. – 371 с.
2. Ермакова, Е.Н. Фразо- и словообразование в сфере фразеологии современного русского языка: монография / Е.Н. Ермакова. – Тюмень: «Вектор Бук», 2008. – 416 с.
3. Зеленецкий, А.Л. Теория немецкого языкознания: учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин.яз. высш. пед. учеб. заведений/ А.Л. Зеленецкий, О.В. Новожилова. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – С. 226-260.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / главн. ред. В.Н.Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990.
5. Ольшанский, И.Г. Лексикология: Современный немецкий язык = *Lexikologie: Die deutsche Gegenwartssprache*: учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений / И.Г. Ольшанский, А.Е. Гусева. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 416 с.
6. Русская грамматика: в 2-х т./ Н.Ю. Шведова, Н.Д. Арутюнова, А.В. Бондарко, В.В. Иванов, В.В. Лопатин, И.С. Улуханов, Ф.П. Филин/ гл. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980.
7. Степанова, М.Д. Словообразование современного немецкого языка/ М.Д.Степанова. – М: Издательство литературы на иностранных языках, 1953. – 375 с.
8. Степанова, М.Д. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке/ М.Д. Степанова, Г. Хельбиг. – М.: Высшая школа, 1978. – С. 121-131.

В.И. Кабыш
Курган

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. МАКАНИНА

По данным нашей картотеки, в произведениях В. Маканина используется 152 процессуальные фразеологические единицы: *бить на жалость, брать/взять на свой счет, не повести бровью, бросать*

направо и налево, быть накоротке, быть начеку, бьет дрожь, валять Ваньку, взвалить на себя и др. Например:

Пусть бы я сам просчитался, ошибся, *дал маху*. Было б не обидно.
На первом дыхании.

Он повернулся и *захлопал глазами*. **На первом дыхании.**

Когда Шурочка говорила: «*Вправьте же ему мозги*», – друзья ее не понимали. **Антилидер.**

Процессуальные фразеологизмы в прозе В. Маканина чаще всего содержат в семантической структуре сему деятельности (67 ФЕ) и состояния (63ФЕ), реже – сему отношения (22 ФЕ).

Субкатегория деятельности объединяет процессуальные фразеологизмы, обозначающие разнообразную деятельность субъекта-человека (*не отрывать взгляда, держать слово, ломать голову, молотить языком, иметь в виду, как в воду глядеть, ловить на мушку, придержать шаг, качать права, бросать направо и налево, гнуть свое, унять голод* и др.) Субъектом процессуальных фразеологизмов субкатегории деятельности всегда является человек, который активно, осознанно, целенаправленно, прилагая волю, производит какие-либо действия, которые могут быть направлены на какой-либо объект:

И он тут же начал *валять ваньку*: «Я, батя, хочу быть таким же романтиком, как ты». **Гражданин убегающий.**

Когда вернулись в комнату, Томилин *закатил* вдруг *истерику*, он увидел опустевшее место Комова. **Гражданин убегающий.**

- Разницы нет. Не *ломайте* себе слишком *голову*, - сказал Павел Алексеевич начальнику, великодушно снимая тяжесть вчужих плеч: мол, пусть подает на алименты, я ведь не отпираюсь. **Гражданин убегающий.**

Во фразеологизмах субкатегории со значением деятельности выделяется 5 групп.

Первую группу (50 единиц) образуют фразеологизмы, обозначающие поведение человека как деятельность: *валять ваньку, гнуть свое, бросать направо и налево, держать слово, качать права* и др.

Он ощупывал запасные обоймы. Но мысль о бое (как и всякая мысль в момент опасности) тоже отступила в сторону (бросила его), не желая *взвалить на себя* ответ. **Кавказский пленный.**

И зачем-то решил его даже разуть. Люблю, когда держат слово. **На первом дыхании.**

Шурочка давно уже *закрыла глаза* на поздние возвращения мужа. **Антилидер.**

Шурочка специально припугнула его незнакомым словом, чтобы он *следил за собой*. **Антилидер.**

Во вторую группу входят фразеологизмы, обозначающие мыслительно-речевую деятельность. По данным нашей картотеки, таких фразеологизмов 10: *как в воду глядеть, ломать голову, иметь в виду, молоть языком, молотить языком, толкать речь, взять слово* и др.

- Эй, трепло, чего *языком молотишь*? **Антилидер.**

Едва начинавшему сесть, молодцеватому майору Гурову она отдала все..., что могла. Все, и даже больше, подумал он (*имея в виду* ключи от огромного холодильника номер два, их районного мясокомбината, где складировали свежеекопченное мясо). **Кавказский пленный.**

К третьей группе относятся фразеологизмы со значением конкретной физической деятельности (5): *не отрывать взгляда, не спускать глаз, унять голод* и др.

Шурочка *не спускала* с Куренкова *глаз*. **Антилидер.**

Вернувшись, я *подбил бабки*. Попросту говоря, сосчитал деньги и понял, что их мало. **На первом дыхании.**

Рубахин *не отрывал взгляда* от красивого лица юноши. **Кавказский пленный.**

В четвертую группу входит 1 фразеологизм со значением военной деятельности – *ловить на мушку*.

Вовк, дай курнуть! (И что за удовольствие *ловить на мушку*?) – Сейчас! – Вовка знай целил и целил, уже в азарте забавы, – он вел перекрестье по силуэту скалы: по кромке камня... по горному кустарнику... по сволу дерева... **Кавказский пленный.**

К пятой группе со значением движения, перемещения в пространстве относится 1 фразеологизм *придержаться шаг*.

Сначала они *придержались шаг*, а потом попятнулись, а потом с некоторым уже гневом вскинули на водителя глаза и ... рассмеялись. **Антилидер.**

Процессуальные фразеологизмы субкатегории состояния отличаются одним общим признаком – пассивностью субъекта процесса. Ядром анализируемой субкатегории являются процессуальные фразеологизмы психического состояния (33), затем следуют процессуальные фразеологизмы социального состояния (20) и на периферии располагаются процессуальные фразеологизмы физического состояния (10).

Семантика психического состояния создает группу, в которой объединены фразеологизмы со значением психического состояния субъекта-лица: *добреть душой, выйти из транса, бояться до смерти, выйти из себя, душа болит* и др.:

- О-о-о, обиделся. Чай пьем – *душой добреем*. **Кавказский пленный.**

Она примчалась к нему как на крыльях, она уже на пороге была в слезах: «*Душа болит...*» **Антилидер.**

К тому же и *нервы стали сдавать*: дошло до того что он не мог слышать взрывов, не мог видеть, как взлетает елка – небольшая, молоденькая, подброшенная взрывной волной. **Гражданин убегающий.**

Вторая группа объединяет фразеологизмы, которые обозначают социальное состояние субъекта – живого существа (20): *добиваться положения, вырасти в глазах, знать себе цену, засидеться в девках, жизнь так повернулась, набирать обороты* и др.:

Кто не умеет *добиваться положения* или хотя бы денег... тот уж этому не научится. **На первом дыхании.**

Так и надо – красиво солгать. Я прямо-таки *вырос в его глазах*. **На первом дыхании.**

Держался просто потрясающе. *Знал себе цену*. Я чуть не свихнулся, глядя на них. **На первом дыхании.**

Третья семантическая группа процессуальных фразеологизмов обозначает физическое состояние одушевленного лица или неодушевленного

предмета. Эта группа является самой малочисленной и включает 10 фразеологизмов: *время вышло, бьет дрожь, давать дуба, кидает в сон* и др.:

- Ладно, только не торопите... Может, ещё кто подвалится – *время не вышло*. **Гражданин убегающий.**

Но на привалах его тотчас *кидало в сон*. **Кавказский пленный.**

Я вошел. Непросыхавший сидел на стуле – свесил голову и пускал пузыри. *Лыка он не вязал*. Я подхватил его и поволок на этаж выше – домой. **На первом дыхании.**

Поэтому я просто сидел возле нее, и мы болтали. Как в поезде. *Коротали время*. **На первом дыхании.**

Субкатегориальная сема отношения характерна в меньшей степени для процессуальных фразеологизмов в прозе В. Маканина. Субъект-лицо этих фразеологизмов менее активен по сравнению с процессуальными фразеологизмами субкатегории деятельности; в роли объекта выступает также лицо, потому что описываемые фразеологизмы обозначают отношения между лицами. Объект процессуальных фразеологизмов субкатегории отношения является членом отношения: он не подвергается целенаправленному воздействию со стороны активного субъекта-лица.

К первой группе единиц субкатегории отношения относятся фразеологизмы со значением социальных отношений (18): *идти навстречу, взять сторону, выжать все соки, быть накоротке, бить на жалость* и др.:

И надо же: поладили! Удивительно, как сразу эта молодуха *идет навстречу* – словно бы только и ждала солдата, который ласково заговорит с ней. **Кавказский пленный.**

За какой-то лишь месяц повариха Эльза *выжала* из Томилина *все соки*. **Гражданин убегающий.**

Я заметил это местечко, еще когда рассказывал Зине о своих бедах. Когда *бил на жалость*. **На первом дыхании.**

Во вторую группу включены фразеологизмы со значением вербально-коммуникативных отношений (4): *поговорить по душам, поговорить по-мужски, спросить в лоб*:

Матушка была счастлива. Оттого, что я хоть раз поладил с дядей. *Поговорил с ним по душам. На первом дыхании.*

- А если кто на меня зуб точит – давайте начистоту. *Поговорим по-мужски. Антилидер.*

И когда я сел, он *спросил* меня в лоб: «Ну и кто вы есть?» **На первом дыхании.**

Фразеологизмы являются одним из ярчайших средств, формирующих идиостиль писателя. Они способны сделать повествование более красочным и образным.

По характеру использования процессуальных фразеологизмов можно судить о языковой картине мира автора, так как система этих единиц позволяет получить более полное представление о фразеологическом мире в прозе В. Маканина.

Характеристика семантики процессуальных фразеологизмов, принятая в настоящей работе, позволила выявить в произведениях В. Маканина сферы деятельности, состояния и отношений героев.

Автор наиболее часто использует процессуальные фразеологизмы для характеристики поведения персонажей:

Горестно и надрывно Томилин ругал его сынов, ругал (одно к одному) тайгу, высосавшую соки, и вообще такую-сякую жизнь, он твердил, что не хочет бросить и *не бросит* Павла Алексеевича *в беде*, - что там ни говори, а ведь они как братья. **Гражданин убегающий.**

После активной говорливости (от полутора до двух месяцев) Якушкин *рта* как бы и *не закрывал* и после длительного, яростного врачеванья был в силах сразу же идти к остановке, втискиваться и ехать. **Предтеча.**

Второй по продуктивности в прозе В. Маканина является группа процессуальных фразеологизмов со значением психического состояния. Автору важно отразить в художественных образах состояние своих героев:

Я уже совсем *потерял голову*. И к тому же стемнело. Но Галька вырвалась из моих рук. **На первом дыхании.**

Ярость душила меня. Я даже оглох, плохо слышал. **На первом дыхании.**

Павла Алексеевича просьбы не трогали: очень возможно, что Комов был больной и не мог время от времени *с собой справиться*. **Гражданин убегающий.**

Процессуальные фразеологизмы в прозе В. Маканина имеют разную стилистическую окраску. Они делятся на три группы: межстилевые, разговорно-просторечные и книжные.

Межстилевые процессуальные фразеологизмы преобладают в произведениях В. Маканина. Они формируются на основе общеупотребительной лексики, а также путем нейтрализации фразеологических единиц книжной и разговорной окраски (*взгляд задержался, дать слово, держать слово, добиваться положения, закрывать глаза, знать меру, иметь в виду, отдать под суд, отдать душу, отвести взгляд, поговорить по душам* и др.)

В произведениях автора они употребляются как средство наименований процессов реальной действительности, хотя и в этом случае оживляют текст:

Люблю, когда *держат слово*. **На первом дыхании.**

Громышев на крыльце. Вышел. Но *делает вид*, что вышел не ради блудного сына, а по какому-то другому делу. **На первом дыхании.**

Время от времени они все жаловались друг дружке на своих мужей – жены и есть жены, но в жалобе надо *знать меру*. **Антилидер.**

Разговорно-просторечные процессуальные фразеологизмы активно используются в прозе В. Маканина. Они отличаются богатством эмоционально-экспрессивных оттенков: *крутить роман, лизать зад, бить на жалость, валять ваньку, взять за жабры, вправлять мозги, выскочить замуж, высовывать нос, глаза на лоб полезли, гнуть свое, дать дуба, задурить голову, засидеться в девках, молоть языком, захлопать глазами* и др.

Подобными фразеологическими единицами, обладающими сниженной стилистической окраской, писатель придает произведениям шуточный тон, непринужденность:

Непросыхавший сидел на стуле – свесил голову и пускал пузыри. *Лыка он не вязал*. **На первом дыхании.**

Он умел и сказать правду, и *задурить голову*. **Ключарев и Алимушкин.**

И он тут же начал *валять ваньку*: «Я, батя, хочу быть таким же романтиком, как и ты». **Гражданин убегающий.**

В. Маканин использует разговорно-просторечные фразеологизмы с целью индивидуализации или типизации речи персонажей:

- Да мы его сейчас *за жабры возьмем*, - распинался Георгий, - как это он таких красоток не примет? **Гражданин убегающий.**

- Вы мне пели о трудной судьбе, а она в это время *замуж выскочила*. **Антилидер.**

- Не завидую я, просто смотреть противно, как вы ему *зад лижете*. **Антилидер.**

- А если мы его вынесем, а он там даст дуба? – А если он в доме даст дуба? **На первом дыхании.**

Основное назначение фразеологизмов с книжной стилистической окраской в художественном тексте – придать ему высокое, торжественное звучание. Подобные фразеологические единицы встречаются в прозе В. Маканина крайне редко:

Красота места поразила, и Рубахин – памятью – не отпускает (и все больше *вбирает в себя*) склон, где уснул Боярков, тот бугор, золотую листву кустов, а с ними еще один опыт выживания, который ничем не заменим. **Кавказский пленный.**

Понимает: *выбор пал* на него. **Лаз.**

Процессуальные фразеологизмы в прозе В. Маканина используются как заменители слов, обладающих низкой степенью коннотации, отчего усиливается экспрессивность речи героев или автора, речь становится живой, красочной и эмоциональной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лебединская В.А. *Процессуальные фразеологизмы современного русского языка*. – Челябинск: ЧГПИ, 1987. – 80 с.

2. Лебединская В.А., Усачева Н.Б. *Семантика процессуальных фразеологизмов: Учебное пособие*. – Курган: Изд-во Курганского госуниверситета, 1999. – 186 с.

3. Чепасова А.М., Казачук И.Г. *Русский глагол: Учебно-практическое пособие для студентов филологических факультетов.* – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2000. –183 с.

И.Г. Казачук

Челябинск

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ДЕЕПРИЧАСТНЫХ ФОРМ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Процессуальные фразеологизмы обладают той же, что и глаголы, системой форм, включающей в себя личные, инфинитивные, причастные и деепричастные формы, т.е. «парадигмой предикативных и непредикативных форм [1, с.49]. Само по себе наличие деепричастия в составе фразеологизма еще не свидетельствует о процессуальной семантике последнего. Во фразеологическом фонде русского языка единицы с названным компонентом могут принадлежать к разным семантико-грамматическим классам: качественно-обстоятельственным, модальным, релятивным. Так, например, фразеологизмы *засучив рукава, очертя голову, скрепя сердце, судя по, начиная с, не говоря о, собственно говоря, короче говоря, мягко выражаясь, благодаря тому что* и многие другие не являются процессуальными, хотя их грамматическим центром является глагольная лексема. Непроцессуальные фразеологизмы с компонентом-деепричастием не имеют процессуального значения, характерной для этого типа единиц парадигмы форм, морфологических и синтаксических свойств.

В данной статье речь пойдет о синтаксических свойствах деепричастных форм процессуальных фразеологизмов.

Процессуальные фразеологизмы в деепричастной форме характеризуются различными синтаксическими свойствами и функциями, которые заключаются, во-первых, в способности этой формы подчинять себе другие слова и, во-вторых, в ее способности подчиняться другим словам, формам и фразеологизмам.

Типичными для процессуальных единиц русского языка, глаголов и фразеологизмов, являются такие виды подчинительной связи, как управ-

ление и примыкание. Термин «управление» мы посчитали возможным использовать и при описании способности деепричастных форм процессуальных фразеологизмов подчинять себе имя или имена в косвенных падежах. По данным нашей картотеки, большинство деепричастных форм процессуальных фразеологизмов обладает одиночным управлением. Грамматически главные компоненты указанных единиц в деепричастной форме, носители процессуальности и форм морфологических категорий (вида, залога), в синтаксическом отношении также могут играть определенную роль. Она проявляется в том, что деепричастные формы процессуальных фразеологизмов сохраняют управление, характерное для других форм – личных, инфинитивных и т.д. – относительно формы объекта, а в ряде случаев и управление, характерное для глагола в свободном, нефразеологическом употреблении (**брать/взять что-либо – брать/взять на карандаш что-либо, берет на карандаш что-либо, взяли на карандаш что-либо, берущий на карандаш что-либо, взявший на карандаш что-либо, беря на карандаш что-либо, взяв на карандаш что-либо**). По продуктивности в одиночном управлении деепричастных форм процессуальных фразеологизмов первое место занимает винительный падеж (60%): Позвольте, зачем же он убежал? – недоумевал генерал, **обводя всех глазами** [Д. Мамин-Сибиряк. Верный раб]. И в тот же день он с отчаянием в сердце узнал, что Муза с ребенком и мужем только что недавно уехала в Киев, **бросив свой дом и свои дела на произвол судьбы** [М. Зощенко. 20 лет спустя]. До этой поры он не жил, а лишь существовал, правда, очень недурно, но все же **возлагая надежды на будущее** [И. Бунин. Господин из Сан-Франциско]. Двадцать процентов единиц управляет именем в дательном падеже: **Положив начало резне**, Сулла не прекращал ее и наполнил город убийствами без счета и конца [Г. Гулиа. Сулла]. Толмач, тот и другой, **засматривая в рот хану**, переводили слово в слово (Д. Балашов. Бремя власти). До войны они проработали вместе почти 20 лет и совместно внесли серьезнейший вклад в ядерную физику и квантовую механику, **проложив путь и к новейшим технологиям** [Р. Колчанов, Атомный секрет рейха]. Следующим по продуктивности оказался родительный падеж (13%): Нестеров переступил борт глиссера, **не отрывая глаз от Вари**

[Н. Асанов. Волшебный камень]. Федя качнулся и, *глядя в рот Гонцова*, заревел: – Ура! Полная колефтизация [И. Коробейников. Голубая елань]. Менее остальных представлены в одиночном управлении деепричастных форм процессуальных фразеологизмов творительный и предложный падежи (соответственно 4 и 3%): Не скрою, уходил из «Спартака с обидой, так и не *найдя общего языка с руководством* [Сов. спорт]. Упорным получился финальный матч за первое место среди хоккейных команд. Сборная Москвы, *одержав победу в финале над хоккеистами Башкирии*, получила золотые награды [Правда]. А ведь это – Анюткины шутки! Это она, ехидная, натравила тебя! – произнес он, сам, впрочем, *не отдавая себе много отчета в том*, что говорит [М. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы]. К одиночному управлению мы относим также факты управления однородным рядом, так как замещается одна, определенная, синтаксическая валентность единицы: *Принимая во внимание волнение, новизну обстановки, освоение акустики и прочее*, спектакль прошел в общем удовлетворительно [В.Петелин. Восхождение].

Как показал материал, деепричастные формы процессуальных фразеологизмов могут иметь два управляемых имени: Возможно ль! первую любовь Такою горечью облить; *Притворством волновав мне кровь*, Хотеть насмешкой остудить? [М. Лермонтов. Ночь]. Валентность процессуального фразеологизма позволяет ему употребляться с двумя управляемыми именами, а форма последних предопределяется действием нескольких факторов, как семантических, так и формально-конструктивных.

Деепричастные формы процессуальных фразеологизмов способны подчинять себе другие слова по типу примыкания. Наиболее частотно примыкают к названным формам наречия, в основном определительные качественные: Штольц, не отвечая, продолжал смотреть на него, *глубоко заглядывая ему в душу* [И. Гончаров. Обломов]. Гости гонялись друг за другом, *бесцеремонно поддавая* один другому коленом *киселя* [В. Шишков. Е. Пугачев]. Лев Шкуняев, *незримо*, но *цепко прибирая к рукам* областные рычаги, становился буквально незаменимой фигурой во всех сферах [А. Злобин. Демонтаж]. Наблюдаются случаи употребления в качестве примыкающих компонентов наречий в формах степеней сравнения:

Начальник Главного штаба писал длинные реляции о транзитной торговле и учреждении нефтяных промыслов в Баку, а также о ходе мероприятий по усмирению Абхазской области, **почтительнейше ставя в известность** его высокопревосходительство о дальнейших видах правительства [Ю. Тынянов. Кюхля]. Обращает на себя внимание тот факт, что в абсолютном большинстве употреблений наречия находятся в препозиции к главному компоненту конструкции – процессуальному фразеологизму в исследуемой форме. Наконец, примыкающим к деепричастной форме может быть инфинитив: В военной миссии русского посольства я нарочно ни с кем не общался, а граф Игнатъев тоже не афишировал мою причастность к секретной Кухте, умышленно **не давая поводов** посторонним **знать** обо мне больше того, что можно знать [В. Пикуль. Честь имею].

Анализируя синтаксические свойства деепричастных форм процессуальных фразеологизмов, а именно их способность подчинять себе другие слова и словоформы, находим подтверждение тому, что данные формы не представляют самостоятельного образования в системе частей речи русского языка и семантико-грамматических классов фразеологических единиц, а занимают свое место в ряду неспрягаемых (непредикативных) форм процессуальных единиц, а именно процессуальных фразеологизмов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лебединская, В.А. *Процессуальные фразеологизмы современного русского языка. Учебное пособие по спецкурсу [Текст] / В.А. Лебединская.* – Челябинск: ЧГПИ, 1987. – 80 с.
2. *Структурно-грамматические свойства русских фразеологизмов: Коллективная монография [Текст] / Науч. рук. А.М. Чепасова.* – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2002. – 263 с.
3. Чепасова, А.М. *Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов: учеб. пособие [Текст] / А.М. Чепасова.* – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2006. – 144 с.

О СТАТУСЕ *COMME* ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В силу своей частотности проблема сравнений не теряет своей актуальности в современном языкознании, напротив, она приобретает новые направления исследования, связанные с изучением вопросов взаимосвязи языка и мышления, языковой картины мира, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и др.

Несмотря на то, что сравнения являются языковыми универсалиями, они тем не менее имеют специфические формы реализации в каждом языке. Во французском языке структура сравнительной конструкции включает три компонента: объект сравнения (то, что сравнивается), основание (то, с чем сравнивается) и инструмент сравнения. Наиболее частотным инструментом сравнения во французском языке является *comme*, синонимами которого выступают *pareil à*, *aussi que*, *ainsi que* и др.

Но в этой статье хотелось бы остановиться не на исследовании сравнительных конструкций с компонентом *comme*, а на рассмотрении вопросов, связанных непосредственно с самим компонентом, который обозначают как инструмент сравнения, т.к. статус этой лексемы во французском языке однозначно не определен. Проблемные вопросы связаны, в частности, с тем, что же такое *comme*, к какой части речи относится? Идет ли речь об омонимии или полисемии?

Прежде всего следовало бы обратить внимание на то, что *comme* встречается в самых разнообразных синтаксических конструкциях, в том числе в простых и сложных предложениях:

Comme il a grandi! Comme il me semblait beau! (La Fontaine, Le Corbeau et le Renard).

Si tu savais comme je t'aimais sans te le dire! Tu me quittais le soir, tu t'en allais. (M. Van der Meersch, *L'Empreinte du dieu*, 1936, p. 14); *Vous voyez, dit l'instituteur, comme le gouvernement nous traite* (Flaubert, *Bouvard et Pécuchet*, t. 2, 1880, p. 39).

Часть предложения, вводимая при помощи *comme*, может относиться к:

- глаголу: *Et bien, quoi? Servez le champagne, dit-elle. Qu'avez-vous à me regarder **comme** une oie?* (Zola, *Nana*, 1880, p. 1367).
- существительному: *Croire qu'une fleur **comme** toi a une trompe! C'est un pistil!* (Giraudoux, *L'Apollon de Bellac*, 1944, p. 31).
- прилагательному: *Elle était bavarde **comme** une pie.*

Семантические значения вводимых при помощи *comme* частей предложения также отличаются многообразием. Так, например, *comme* используется:

- в восклицательных предложениях: ***Comme** c'est gentil !*
- для передачи косвенного вопроса: *Je ne sais plus **comme** il me soigna.*

(Duhamel).

Comme может передавать отношения образа действия (*Il mange **comme** un cochon*), времени (*Le soleil se leva **comme** elle causait encore*, Maupassant), причины (***Comme** il faisait beau, il décida de se promener*), аппроксимации (*Il entendit **comme** un bruit*), определения (*Nous venons ici **comme** témoins*, Mérimée).

Остановимся на анализе словарей и учебных пособий по французскому языку.

Во французских словарях *comme* относят к различным частям речи. В словаре Larousse приводится 8 случаев употребления *comme* в качестве союза и только в одном случае *comme* рассматривается как наречие восклицания или интенсивности.

Словарь Littré, напротив, приводит 5 случаев, в которых *comme* выступает как наречие и в 3 случаях описывается функционирование *comme* в качестве союза.

Третья точка зрения представлена на сайте Национального центра лингвистических исследований, где *comme* рассматривается, главным образом, как наречие восклицания (***Comme** c'est bien!*) или интенсивности (*Tu ne sauras jamais **comme** j'ai été malheureuse* (Maupassant, *Une Vie*, 1883, p. 242)). Однако в большинстве случаев речь не идет об отнесении *comme* к конкретной части речи: вместо этого используется термин *морфема*, что еще раз подчеркивает спорный и неопределенный характер данной лексемы.

С другой стороны, возникает еще один вопрос: насколько правомерно употреблять данный термин по отношению к *compte*, если считать, что в русском языке морфема – это «мельчайшая значимая единица языка, выделяемая в составе слова (то есть несамостоятельная) и выполняющая функции словообразования и формообразования (словоизменения)» [<http://ru.wikipedia.org>]. То есть в русском языке данное понятие связано непосредственно со словообразованием.

Во французском языке термин *морфема*, помимо общего значения как минимального грамматического знака, рассматривается также как «часть слова или синтагмы». В подтверждение последнего приводятся примеры двух типов морфем: связанные морфемы (аффиксы, окончания) и несвязанные (артикли, предлоги, союзы) [<http://cnrtl.fr/definition/morpheme>]. Таким образом, во французском языке появляется возможность говорить о союзе или предлоге как о морфеме.

Как же рассматривается *compte* в учебных пособиях отечественных авторов? Н.М. Штейнберг квалифицирует *compte* как наречие: «*Compte* и *que* не только восклицательные наречия интенсивности, *compte* может быть наречием, указывающим на приблизительность, на сравнение, *compte* ставится перед прилагательными или существительными (словно, как бы, нечто вроде)» [Штейнберг, 1972, С.261]. В грамматике Н.М. Васильевой и Л.П. Пицковой [Васильева, Пицкова, 1991] *compte* однозначно относится к союзам: *compte* рассматривается как компонент сложного предложения, и остается без внимания его функционирование в других конструкциях.

Интерес вызывает работа Эстель Молин и Нелли Фло «Constructions en *compte*: homonymie ou polysémie?», в которой авторы обобщают работы других исследователей. Так, они указывают, что такие лингвисты, как Ле Гоффик и Фюш, относят *compte* к классу наречий, указывают на его синтаксическое и семантическое единство. Исходя из этого постулата, все остальные значения *compte* связаны с этой «первичной функцией» [Moline, Flaux, 2008, P. 4].

Молин и Фло [Moline, Flaux, 2008, P.7] считают, что уровень анализа, а значит, и его результат, зависят от выбора гипотезы: если данная

форма обладает только одним смыслом (простым или сложным), речь пойдет о полисемии. В противном случае анализ будет омонимичным.

Другие исследователи (Крумова и Христов) отрицают омонимию. Тем не менее, в последнее время, по словам авторов статьи, наблюдается совершенно другая тенденция. Современные лингвисты утверждают, что *comme* есть не что иное, как производное от *qu-*, то есть является наречием образа действия в большинстве, если не во всех случаях употребления [цит. по Moline, Flaux, 2008, P. 7] .

По словам Марианны Десме [Desmets, 2008, P. 35], сравнения, вводимые *comme*, всегда имеют вид придаточного предложения. Также она утверждает, что синтагма, которую образует сравнение с *comme*, обладает характеристиками наречий, точнее, наречия образа действия.

Проанализировав литературу по данному вопросу, мы можем сделать вывод о том, что значение компонента *comme* зависит, с одной стороны, от того, в какой грамматической структуре он используется, с другой – от выполняемых в предложении функций. Однозначно определить природу *comme* сложно, что связано, в первую очередь, с тем, с каких позиций рассматривается *comme*. Однако, употребляясь в значении смежности, похожести явлений или предметов (то есть в сравнительной конструкции), *comme* рассматривается как инструмент сравнения, что обуславливает использование соответствующей терминологии и приемов исследования его употреблений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильева Н.М., Пицкова Л.П. Французский язык. Теоретическая грамматика. Морфология. Синтаксис. Ускоренный курс. – М.: Высш.шк., 1991. – 205 с.
2. Штейнберг Н. М. Грамматика французского языка. Часть I. Морфология и синтаксис частей речи (на французском языке). – Л.: Гос. учебно-пед. изд-во Министерства Просвещения РСФСР, 1962.
3. Desmets M. *Constructions comparatives en comme // Langue française.* – 2008. – № 159. – P. 33 – 49.
4. Moline E., Flaux N. *Constructions en comme: homonymie ou polysémie? Un état de la question // Langue française.* – 2008. – № 159. – P. 3 – 15.
5. www.larousse.fr – электронная версия словаря Larousse

6. www.cnrtl.fr) сайт Национального центра лингвистических исследований.

7. www.littre.reverso.net – электронная версия словаря *Littre*

С.В. Киселева, М.Ю. Миронова

Санкт-Петербург

АНТОНИМИЯ В ОБРАЗОВАНИИ БАНКОВСКИХ ТЕРМИНОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ ОДНОКОМПОНЕНТНЫХ И ДВУХКОМПОНЕНТНЫХ ТЕРМИНОВ)

Терминосистема любой специальной области знаний представляет собой сложное иерархическое образование, состоящее из слов и словосочетаний, выполняющих функции терминов – элементов терминосистемы. «Терминосистема – это естественно-искусственное образование, где материал является естественным, а способы его организации – искусственными» [5: 129]. Терминосистема характеризуется языковой и логической системностью, когда объединение лексических единиц как в ряды одного уровня, так и в многоуровневые парадигмы осуществляется искусственно, с помощью логических приемов анализа и синтеза [5].

Одним из проявлений системности терминологии являются антонимические отношения терминологических единиц. «Антонимию можно охарактеризовать как семантическую противопоставленность слов, а антонимы как слова с противоположными значениями» [3: 58].

Явление антонимии, проявляющееся в существовании слов с противоположным значением, широко распространено в языке науки. Предпосылкой возникновения антонимии считают тот факт, что различия, существующие в объективной действительности, отражаются в языке в виде антонимических значений. Согласно истории мышления, понятия рождаются парами. Любое понятие, возникающее в языке, носит в себе свою противоположность [4]. Как пишет З.А. Харитончик, «антонимия принадлежит к важнейшим семантическим отношениям, которые образуют простейший тип структуры, или контрастивное множество» [11: 93]. Обилие противоположных по значению единиц связано со стремлением человека

располагать накопленный опыт на полярных точках шкал. Как результат этого процесса, образуются группы лексических значений. Если говорящему известно значение одного из членов группы, он может понять значение и всех остальных членов этой группы, так как члены оппозиции, которая формируется на основе противопоставления, не даны говорящему вне самой оппозиции [11].

В терминологии «антонимия помогает обозначить крайние точки терминологического поля, перебрать логические возможности терминологической системы» [8: 54]. Как пишет Б.Н. Головин, «в терминологиях антонимия выступает как один из регулярных принципов наименования понятий с противоположным содержанием» [3: 58].

Для терминологической лексики характерны два типа антонимии: лексическая и словообразовательная. Лексические оппозитивы, то есть слова с противоположным значением, долгое время являлись предметом изучения лексической семантики. Терминоведы выделяют два вида оппозитивов: конверсивы и антонимы. Прежде чем разграничить эти понятия, необходимо ответить на вопрос, при каких условиях признаки считаются противоположными. «Противоположным признается то, что максимально отлично по признаку, положенному в основание сравнения» [6: 398].

Традиционно принято считать, что необходимыми условиями антонимии являются однословность единиц и принадлежность их к одной части речи. Очевидно, что если лексические значения двух слов исчерпываются противоположными семантическими признаками, то такие слова антонимичны. Антонимия оппозитивных признаков представляет семантическую противоположность в наиболее чистом виде. «Это прямая признаковая противоположность и прямая признаковая антонимия» [6: 435].

Но антонимами надо считать также пары слов, лексическое значение которых не исчерпывается противоположными признаками при условии, что значения слов содержат общую родовую часть (гиперсему). При этом видовые части значения (гипосемы) должны исчерпываться противоположными признаками [6]. Например:

гиперсема money	
гипосема a coin <i>a piece of metal usually flat and round, that is used as money</i> [14]	гипосема a banknote <i>a piece of paper money</i> [14]

Несмотря на то, что слова *a coin* и *a banknote* имеют общую гиперсемаму “money”, их можно считать антонимами по причине того, что гипосемы этих слов обладают противоположными признаками: “*a piece of metal*” – “*a piece of paper*”. Хотя противоположные признаки «сделанный из бумаги» и «сделанный из металла» никак не исчерпывают всего значения слов “*a coin*” и “*a banknote*”, а составляют лишь часть их гипосем, подобные слова принято считать привычными узуальными антонимичными парами.

Как показал терминологический анализ, в английской банковской терминологии оппозитивные пары являются распространенным явлением. При рассмотрении английских терминов-антонимов банковской сферы выявляется их большое разнообразие. Рассмотрим терминологические оппозиции более подробно на примерах однокомпонентных и двухкомпонентных терминов.

1. Однокомпонентные банковские термины.

Среди однокомпонентных терминов выделяется две группы единиц: однокоренные антонимы и разнокоренные антонимы.

1.1. Однокоренные банковские термины-антонимы образуются с помощью следующих приставочных и суффиксальных средств словообразования:

1) отрицательные префиксы: anti-, in-, dis-, un-: *coercion* – *anti-coercion*, *bribery* – *anti-bribery*, *convertibility* – *inconvertibility*, *appreciation* – *disappreciation*, *charge* – *discharge*, *closure* – *disclosure*, *substantiated* – *unsubstantiated*;

2) префиксы противоположной направленности: under – over, up – down: *downgrade* – *upgrade*, *downmarket* – *upmarket*, *downsize* – *upsized*, *over-*

booked – underbooked, overcapacity – undercapacity, overfunding – underfunding;

3) префиксы полярного значения: *micro – macro: microeconomics – macroeconomics, macro funds – micro funds, macro risk – micro risk;*

4) суффиксы: *-or (er)* и *-ee*: *consignor – consignee, licensor – licensee, employer – employee.*

Рассмотрим употребление антонимических пар однокоренных банковских терминов на примерах:

1) *convertibility – inconvertibility*

«*Convertibility* is an important factor in international trade, where instruments valued in different currencies must be exchanged» [21]. «China is to set up a special business zone to experiment with the yuan's *convertibility*, the latest step in its moves to open up its capital markets» [17] – «The *inconvertibility* of their currency made international trade impossible [20]. «Traditionally, the insurance on offer has covered political violence (war, insurrection and such), nationalisation and expropriation of assets and currency *inconvertibility*» [18].

2) *microeconomics – macroeconomics*

«*Macroeconomics* is a branch of economics dealing with the performance, structure, behavior, and decision-making of an economy as a whole, rather than individual markets» [23]. – «In contrast, *microeconomics* is primarily focused on the actions of individual agents, such as firms and consumers» [23]. «It is the old question of *microeconomics* versus *macroeconomics*. What is good for the economy as a whole may not be good for every sector and region» [17].

3) *licensor – licensee*

«Intellectual property *licensor* Ipcom had demanded a ban on the two smartphone makers' handsets after they refused to meet its terms» [17]. – «An "unwilling *licensee*", in legal parlance, was a company that would not seriously negotiate paying to license a patent that it infringed» [economist]. «Competition rules protect the *licensor* as well as the *licensee*» [19].

4) *charge – discharge*

«Nigeria arranged an early *discharge* of the remaining promissory notes, which had been issued in 1988» [20]. – «The bad news is that the-

se *charges* have been continuing steadily and heavily through each of the past few quarters» [20]. «Mr Dunham, 59, pleaded guilty to an additional *charge* of money laundering» [17].

5) *substantiated – unsubstantiated*

«Société Générale tells Euromoney the allegations are *unsubstantiated*» [20]. – «The differentiation between a company with a turnover of €50 million and a company with a turnover of €5 million is not *substantiated*» [евро]. «Allegations of fraud and theft in the Northern Ireland Fire Service have not been *substantiated* by an investigation» [17].

1.2. Разнокоренные антонимы формируются на основе оппозиции соответствующих парных понятий, образуя конверсивы. Ю.Д. Апресян определяет конверсивы как «пары слов с обращенными ролевыми, или актантными, структурами» [1: 246]. Конверсивы описывают одну и ту же ситуацию с точки зрения разных участников. Конверсия – это способ выражения субъектно-объектных отношений в эквивалентных по смыслу предложениях. Следует отличать антонимы от конверсивов в том смысле, что конверсивы противопоставлены друг другу, но не противоположны по смыслу. Например, слова *to sell* и *to buy*, *to borrow* и *to lend* являются не антонимами, а конверсивами, поскольку указывают на действие, которое осуществляют разные участники одной и той же ситуации. Например: «They *lend* to firms that are unable to *borrow* from banks, often because they are in frothy industries, such as property or steel» [18].

Конверсные отношения характеризуют, прежде всего, глагольную лексику. Примерами семантически равноправных конверсивов являются пары типа *to borrow – to lend*, *to buy – to sell*, *to make an agreement – to break an agreement*. В подобных ситуациях участвуют два равно активных деятеля, и описание ситуации можно строить относительно любого из них. Например: «In the 1950s the Emirate *borrowed* money from Kuwait to dredge Dubai creek» [18]. – «Any money *lent* to Greece is most likely lost forever» [18]. «Bonds effectively allow people to *lend* money to government in exchange for a return on their investment» [17].

Помимо готовых конверсивов, каждый развитый язык располагает различными способами образования конверсивов. Один из них — страда-

тельные формы глагола. Грамматические формы действительного и страдательного залога глаголов являются распространенным способом выражения конверсивных отношений [1]. Например: «What is clear is that QE (Quantitative easing) is not the equivalent of printing money. I should have just *called myself* a bank, *lent myself* money I did not have» [18].

Другим регулярным и продуктивным источником лексических конверсивов являются антонимичные качественные прилагательные и наречия: *global – local, senior – junior*. Как правило, такие конверсивы не употребляются самостоятельно, а входят в состав двухкомпонентных банковских терминов, образуя конверсивные пары: *verbalagreement – writtenagreement, closedaccount – openaccount, profitaccount – lossaccount, foreignbank – localbank*. Например: «This year has seen *a written agreement* on how to split the revenues from the oil that lies under Sudanese sand, and *verbal agreements* on power-sharing and the future of three contested areas» [18]. «*Global markets, as reflected in the MSCI All-World Index, followed and fell by 1.2%*» [17].

2. Двухкомпонентные банковские термины.

Переходя к вопросу образования двухкомпонентных банковских терминов-антонимов, необходимо сказать, что такой вид терминов формируется за счет однокомпонентных, в результате чего создаются оппозитивные пары на синтаксическом уровне. При анализе оппозитивных двухкомпонентных терминов было выявлено наличие в их составе главного компонента терминологического словосочетания и зависимого компонента. Именно зависимый компонент характеризуется присутствием оппозиции разного характера. Анализ банковской терминологии выявил следующие способы образования оппозиций зависимых компонентов:

2.1. При помощи отрицательных приставок: non-, in-, un-, ir-, im-, dis-, il-: *accredited investor – non-accredited investor, cash item – non-cash item, purpose loan – non-purpose loan, bank assets – non-bank assets, active account – inactive account, convertible currency – inconvertible currency, flexible expenses – inflexible expenses, authorized clerk – unauthorized clerk, limited company – unlimited company, expected loss – unexpected loss, redeemable*

bond – irredeemable bond, revocable trust – irrevocable trust, perfect market – imperfect market.

Рассмотрим употребление некоторых из приведенных антонимических пар двухкомпонентных банковских терминов на примерах:

1) *convertible currency – inconvertible currency*

«The Chinese are gradually moving towards a fully *convertible* and free-floating *currency*» [20]. – «Even the IMF, which knows an *inconvertible currency* when it sees one, pays them solemn respect» [18].

2) *perfect market – imperfect market*

«In the pre-Internet dark ages, most economists accepted that, outside their textbooks, they were unlikely to encounter a *perfect market*» [20]. – «In other words, the economics of information requires an *imperfect market*, so that innovators can recoup their investment» [18].

3) *bank assets – non-bank assets*

«Not only is it the biggest state intervention into a private *non-bank asset*» [18]. – «Total *bank assets* in Italy stand at a relatively modest 2.6 times GDP, compared with 3.2 times in the whole of the euro area» [18].

2.2. При помощи словообразовательных аффиксов, создающих векторную оппозицию антонимической пары: *upstream assets – downstream assets, upstream guarantee – downstream guarantee, uptick trade – downtick trade, overpaid person – underpaid person, overbooked issue – underbooked issue, overinvestment problem – underinvestment problem, backward integration – forward integration, input tax – output tax, inside directors – outside directors, inside market – outside market.*

Рассмотрим употребление некоторых из приведенных антонимических пар двухкомпонентных банковских терминов на примерах:

1) *upstream assets – downstream assets*

«Corporate-governance scolds will squawk if Sinopec uses the \$3 billion to buy *upstream assets*» [18]. «The Sean gas field is in the Southern North Sea close to some of SSE's existing *upstream assets*» [17]. – «BP has already merged its *downstream assets* in Europe with Mobil» [economist.com]. «Ownership of *downstream assets* gives Gazprom better control of the demand for its gas» [17].

2) *backward integration – forward integration*

«Merging with something further back in the process (if a food manufacturer were to merge with a farm, say) is known as *backward integration*» [18]. – «Merging in this way with something further on in the production process (and thus closer to the final consumer) is known as *forward integration*» [18].

2.4. При тождестве главных компонентов терминов в зависимых компонентах может наблюдаться градация определенного признака. Последовательное возрастание или уменьшение этого признака достигается за счет употребления перед прилагательным числительного *semi*; *annualcompounding – semi-annualcompounding*, *annualreport – semi-annualreport*, *variablecosts – semi-variablecosts – fixed*. Например: «By putting off the release of a *semi-annual report* on China's exchange rate he defused, at least temporarily, Sino-American tension over the value of the yuan» [18]. «The US Federal Reserve has warned of "stretched valuations" in social media and biotechnology firms as part of chair Janet Yellen's *semi-annual report* in front of Congress» [17]. – «Its *annual report* calls for a citizens' revolt against casino finance, the use of tax havens and speculation in commodities» [18]. «Stirling Council has hailed "significant advances" made over the past year in its *annual report* for 2014» [17].

В тех случаях, когда главные компоненты словосочетаний представляют собой разнокорневые антонимы, а зависимые компоненты тождественны, происходит образование конверсивных пар: *current assets – current liabilities*, *annual high – annual low*, *capital profit – capital loss*, *profit growth – profit loss*. Например: «Uruguayan banks take domestic approach to *profitgrowth*» [21]. «Yum said its full-year *profit growth* would be a "mid-single-digit" percentage, down from the 10% it forecast in October» [17]. – «Western banks lose out on NPLs and *profitlosses*» [21].

Проведенный анализ и сопоставление банковских терминов показывает, что антонимические отношения пронизывают всю банковскую терминосистему, выражаясь в противопоставлении целого ряда терминов. Исследования антонимических отношений в терминосистеме способствуют выявлению дифференциальных признаков, различающих понятия. Наличие оппозиций разнокорневых антонимов двухкомпонентных терми-

нов свидетельствует о том, что термины в терминосистеме связаны парадигматическими и синтагматическими отношениями. А присутствие четких оппозиционных признаков доказывает системность терминологии банковской области. Анализ специализированных лексикографических источников показал, что вышеупомянутые семантические отношения присутствуют в языковом пространстве банковской терминосистемы.

Терминологические системы любого языка выполняют существенную роль в научном познании, они являются важными источниками получения, аккумуляции и хранения информации. В связи с этим владение терминосистемой и ее адекватное использование в речи являются ключевыми условиями как восприятия, так и порождения любого текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю.Д. *Избранные труды. Том I. Лексическая семантика (синонимические средства языка): 2-изд., испр. и доп.* – М.: Языки русской культуры, 1995.
2. Болдырев Н.Н. *Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии.* – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001.
3. Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. *Лингвистические основы учения о терминах: Учеб.пособие для филол. спец. вузов.* — М.: Высш. шк., 1987.
4. Даниленко В.П. *Русская терминология: опыт лингвистического описания.* – М.: Наука, 1977.
5. Лейчик В.М. *Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 4-е.* – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
6. Никитин М.В. *Курс лингвистической семантики: Учебное пособие.* – 2-е изд., доп. и испр. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007.
7. Реформатский А.А. *Термин как член лексической системы языка // Проблемы структурной лингвистики.* М., 1968.
8. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. *Общая терминология: Вопросы теории / Отв. ред. Т.Л. Канделаки. Изд. 6-е.* – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 2012.
9. Федоров Б.Г. *Новый англо-русский банковский и инвестиционный энциклопедический словарь: В 2 т. Т. 1 (А-К).* СПб.: Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2011.

10. Федоров Б.Г. *Новый англо-русский банковский и инвестиционный энциклопедический словарь: В 2 т. Т. 2 (L-Z)*. СПб.: Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2011.

11. Харитончик З.А. *Лексикология английского языка: Учеб. пособие*. – М.: Выш. шк., 1992.

12. Харитончик З.А., Ключникова И.В. *Словообразование в английском языке – TextsonEnglishwordformation: Хрестоматия по лексикологии английского языка*. – Мн.: МГЛУ, 2005.

13. Collin P.H. *Dictionary of Banking and Finance. Third edition*. – London, 2003.

14. Collin P.H. *Dictionary of Business. Fourth edition*. – London, 2006.

15. *Dictionary of Contemporary English. New edition*. Pearson Education Limited. – Longman, 2009.

16. Jae K. Shim. Michael Conostas. *Encyclopedic Dictionary of International Finance and Banking*, 2001.

17. www.bbc.com

18. <http://www.economist.com>

19. <http://www.enacademic.com>

20. <http://www.euromoney.com>

21. <http://www.thebanker.com>

22. <http://www.vocabulary.org>

23. <https://en.wikipedia.org>

М.С. Козлова

Тобольск

**СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ОТФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЛЕКСЕМ
НА БАЗЕ ПРЕДМЕТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ,
ПОСТРОЕННЫХ ПО МОДЕЛИ
«ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ + ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ»**

Словарный состав языка пополняется постоянно. Происходит это прежде всего за счёт процессов словообразования, обусловленных непрерывными изменениями, происходящими в обществе, а, следовательно, и в языке. Подтверждение этому находим у Л.В. Щербы: «Словарь живого литературного языка <...> всё время находится в движении: создаются

новые слова, старые слова начинают употребляться в новых значениях, некоторые слова исчезают из употребления, частью совсем, частью лишь в идеях или иных своих значениях, активные слова становятся пассивными и обратно <...>». [Бархударов 1966: 74].

Лексический уровень языка наиболее открыт для процесса образования слов. Однако современные лингвисты всё чаще говорят о появлении новых слов на базе фразеологизмов. По мнению Н.Н. Амосовой, «наблюдения <...> над случаями вычленения одного из компонентов фразеологической единицы, с возникающим в результате такого вычленения сдвигом его семантики под воздействием целостного значения исходного словесного комплекса», открывают перед исследователями новый аспект проблемы переосмысления слов» [Амосова 1967: 134].

Обобщая мнения разных исследователей, Е.Н. Ермакова отмечает, что отфразеологическое словообразование происходит разными путями: либо производное слово образуется в результате слияния компонентов фразеологизма, либо один из компонентов вычленяется из фразеологизма, но при этом в вычленившемся компоненте сохраняется значение мотивирующего фразеологизма.

Первый способ отфразеологического словообразования называют по-разному: морфолого-синтаксический (Н.Ф. Алефиренко, В.Н. Пугач, Е.В. Сенько), лексико-синтаксический (Н.М. Шанский), сложение (В.М. Мокиенко), суффиксация словосочетания (В.В. Лопатин), сращение в сочетании с суффиксацией (И.С. Улукханов), механическое склеивание слов (Г.А. Селиванов), агглютинация (Е.Н. Ермакова). [Ермакова 2009: 265]. Производные единицы называют «словами, возникшими на основе фразеологизма в результате слияния его компонентов в целостную лексическую единицу» [Шанский 1996: 129].

Второй способ отфразеологического словообразования называют лексико-фразеологической конденсацией (Н.Ф. Алефиренко), импликацией (Е.Н. Ермакова), эллиптированием (Т.В. Ревенская), семантическим сжатием (Н.Г. Михальчук). Е.Н. Ермакова отмечает: «многие фразеологизмы <...> при опущении одного или нескольких компонентов фокусируют всё значение бывшего фразеологизма в одном «осколочном» компо-

ненте. Этот компонент можно квалифицировать как отфразеологическую лексему» [Ермакова 2012: 117]. Н.М. Шанский называет такие слова лексическими единицами, образованными с помощью лексико-семантического или морфолого-синтаксического способа [Шанский 1996: 130].

Рассмотрим, какими способами образуются окказионализмы на базе предметных ФЕ. В качестве производящих для имплицитного словообразования выступают 37 предметных фразеологизмов, построенных по модели «имя прилагательное + имя существительное». На их базе образуется 64 отфразеологические лексемы, частеречная принадлежность которых такова: имя существительное – 42 единицы, имя прилагательное – 15 единиц, глагол и особые формы глагола – шесть единиц, наречия – одна единица.

Для предметных фразеологизмов, построенных по данной модели, наиболее характерен морфологический способ образования отфразеологических лексем (далее – ОФЛ). Это обозначает, что слова не просто «вычленяются» из состава фразеологизма, а образуются за счёт присоединения различных аффиксов. Количественная обработка наших данных показала, что таким способом образованы 42 отфразеологические единицы (66%): *безнадёжное дело* → *безнадёга*; *вавилонское столпотворение* → *вавилон*; *верное дело* → *верняк*; *недобрый глаз* → *глазить, глазливый*; *чугунная голова* → *очугуневший* и т.д.

Значительно реже ОФЛ образуются при помощи морфолого-синтаксического способа (в нашей картотеке таких единиц 12, что составляет 18%). Для такого способа образования слов на базе фразеологизмов характерно наделение зависимого компонента значением всего фразеологизма: *болевая точка* → *болевой*; *жареные факты* → *жареное*; *краеугольный камень* → *краеугольный*; *мокрое дело* → *мокрый*; *мыльный пузырь* → *мыльный*; *подкожные деньги* → *подкожный* и т.д.

Лексико-семантический способ образования ОФЛ также является малопродуктивным: так образуются 10 единиц (16%). При таком способе образования главный компонент фразеологизма наделяется значением, свойственным фразеологизму в целом: *бездонная бочка* → *бочка*; *боевое*

крещение → *крещение*; *вавилонское столпотворение* → *столпотворение*; *горькая пилюля* → *пилюля*; *золотой телец* → *телец* и т.д.

Рассмотрим более подробно морфологический способ образования ОФЛ, который, по нашим данным, является продуктивным для образования 31 единицы имён существительных, шести глаголов и особых форм глагола, четырёх имён прилагательных и одного наречия. Наиболее частотным способом образования ОФЛ является суффиксация (так образуются 35 единиц), малопродуктивны способы: суффиксация в сочетании с постфиксацией (две единицы), словосложение (две единицы), префиксально-суффиксальный способ (две единицы).

Способ суффиксации наиболее свойственен для импликации ОФЛ-существительных. При этом большая часть существительных образуется способом нулевой суффиксации (семь единиц): *безнадёжное дело* → *безнадёга*; *вавилонское столпотворение* → *вавилон*; *закадычный друг* → *закадыка*; *мыльная опера* → *мыло*; *нулевой цикл* → *нуль*; *сермяжная правда* → *сермяга*; *шарашкина контора* → *шарага*.

Отфразеологические лексемы, образованные таким способом, могут обозначать отвлечённые понятия (*безнадёга* – «положение вещей, обречённое на неуспех, неудачу»); конкретные понятия (*нуль* – «совокупность работ, осуществляющих прокладку теплотрасс, водопровода и канализации на строительную площадку»); а также являться наименованием лиц (*закадыка* – «близкий друг»).

Не менее продуктивными для образования существительных, представленных в нашем материале, являются суффиксы -ник-/ -ниц- (так образуются шесть единиц): *закадычный друг* → *закадыч-ник*, *закадыч-ниц-а*; *летающая тарелка* → *тарелоч-ник*; *мокрое дело* → *мокруш-ник*, *мокрыт-ник*; *мыльная опера* → *мыль-ниц-а*. Как правило, такие суффиксы указывают на лицо (*закадыч-ник* – «близкий, душевный друг, приятель») или обозначают конкретное наименование (*мыль-ниц-а* – «телесериал»).

Три отфразеологические лексемы образуются с помощью суффиксов -уш-/ -уш- *звёздная болезнь* → *звезд-ух-а* («необоснованно высокая самооценка»); *мокрое дело* → *мокр-ух-а*, *мокр-уш-а* («убийство»).

По два окказионализма образуются при помощи суффиксов -як-, -к-, -ость/-есть-, -изм-, -ин-/инк-: *верное дело* → *верн-як* («беспронгрышный вариант»), *мокрое дело* → *мокр-як* («убийство»); *закадычный друг* → *закадыч-к-а* («задушевная подруга»), *шарашкина контора* → *шараш-к-а* («несолидная организация»); *звёздная болезнь* → *звёздн-ость* («высокое, чванливое поведение лица, пользующегося известностью»); *дремучий лес* → *дремуч-есть* («полная неясность, неизвестность»); *звёздная болезнь* → *звезд-изм* («стремление создавать звёзд и преклоняться перед ними»); *наплевательское отношение* → *наплев-изм* («отношение к чему-либо, характеризующееся небрежностью, халатностью»); *мокрое дело* → *мокр-инк-а* («убийство»); *развесистая клюква* → *клюкв-ин-а* («выдумка, небылица»).

Единичны случаи имплицирования существительных с помощью суффиксов -от-, -ёвк-: *мокрое дело* → *мокр-от-а* («убийство»); *нулевой цикл* → *нул-ёвк-а* («совокупность работ, осуществляющих прокладку теплотрасс, водопровода и канализации на строительную площадку»).

Случаи имплицирования существительных с помощью префиксально-суффиксального способа и способа словосложения, по данным нашей картотеки, редки: *родные осины* → *под-осин-ов-ик* («гриб, растущий под осинами»); *мыльная опера* → *мылодрама, телемыло* («телесериал»).

Имплицирование имён прилагательных также осуществляется способом суффиксации: *дубина стоеросовая* → *дубин-ист-ый* («очень глупый человек, болван»); *летающая тарелка* → *тарелоч-н-ый* («характеризующийся отношением к летающим тарелкам»); *недобрый глаз* → *глаз-лив-ый* («имеющий недобрый глаз»); *длинные руки* → *рук-аст-ый* («тот, который стремится как можно больше захватить, присвоить себе»).

Глаголы на базе предметных фразеологизмов образуются либо только путём присоединения суффикса инфинитива -ть, либо с добавлением к нему постфикса -ся, являющимся показателем возвратности: *мокрое дело* → *мокри-ть* («убивать»), *недобрый глаз* → *глази-ть* («вредить кому-либо недоброжелательным взглядом»), *мыльная опера* → *мыли-ть-ся* («очень долго смотреть мыльные оперы»), *подножный корм* → *корми-ть-ся* («жить за чужой счёт»).

Наречие имплицитруется с добавлением суффикса *-ов-* (*малиновый звон* → *малин-ов-о* – «приятно, мягко по тембру»); причастие – с использованием префиксально-суффиксального способа: *чугунные руки (голова)* → *о-чугуне-ви-ий* – «об ощущении тяжести в чём-либо».

Рассматривая активные словообразовательные процессы конца XX века, Н.С. Валгина указывает на то, что чрезмерно расширяется круг бессуффиксных образований; растёт класс существительных с абстрактными суффиксами *-ость-*, *-изм-*; продуктивны модели, по которым образуются имена лиц. Факт идентичности процессов словообразования, происходящих в сфере лексики и в сфере фразеологии, очевиден. Бурные процессы словообразования, по мнению того же автора, объясняются причинами внеязыковыми и внутриязыковыми, которые обуславливают друг друга. «Законы аналогии, экономии речевых средств, законы противоречий, как правило, на уровне словообразования поддерживаются или стимулируются социальными причинами. Так, ускорение темпов жизни усиливает действие закона речевой экономии, а рост эмоциональной напряжённости в жизни общества активизирует процессы образования эмоционально-экспрессивных типов словообразовательных моделей» [Валгина 2003: 174].

Таким образом, окказионализмы, образованные на базе предметных фразеологизмов, построенных по модели «имя прилагательное + имя существительное», отвечают словообразовательным тенденциям современности и обогащают словарный состав языка. Имплицирование компонента фразеологизма не влечёт за собой исчезновение производящей базы, обе единицы сосуществуют в языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеенко, М.А., Белоусова, Т.П., Литвинникова, О.И. *Словарь отфразеологической лексики современного русского языка*. – М.: Азбуковник, 2003. – 395 с.
2. Амосова, Н.Н. *Значение фразеологии как особой отрасли языкознания. // Проблемы фразеологии и задачи её изучения в высшей и средней школе*. – Вологда, 1967. – С.134.
3. Бархударов, С.Г. *Современная русская лексикология*. – М.: Наука, 1966. – 191 с.

4. Валгина, Н.С. *Активные процессы в современном русском языке. Учебное пособие для студентов вузов.* – М.: Логос, 2003. – 304 с.

5. Ермакова, Е.Н. *Отфразеологическая деривация в современном русском языке // Проблемы педагогической теории и практики: сборник научных статей.* – СПб.: Изд-во БПА, 2012. – С.116 – 121.

6. Ермакова, Е.Н. *Фразо- и словообразование в сфере фразеологии современного русского языка: монография.* – Тюмень: «Вектор Бук», 2009. – 416 с.

7. Шанский, Н.М. *Фразеология современного русского языка.* – СПб.: Специальная Литература, 1996. – 192 с.

Е.В. Коробова
Курган

ТЕМА ДЕТСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ К.Д. ВОРОБЬЕВА

В центре внимания прозы К.Д. Воробьева, по мнению исследователей его творчества: И. Дедкова, Ю. Томашевского, И. Золотусского, В. Чалмаева, М. Лобанова, О. Михайлова, В. Камянова и других, находится тема войны. Пристальный интерес писателя к теме войны можно объяснить не только фактами его биографии, но и стремлением всесторонне и глубоко объяснить события войны, опираясь на истоки, народные традиции и ярко выраженную эмоциональную культуру его героев. Стремясь познать всю глубину важнейших в жизни страны и человека исторических событий, К.Д. Воробьев обращается к их предыстории, где существенную роль играет детство, как наиболее полное воплощение природного, изначального в человеке.

Очевидность взаимосвязей событий военного и довоенного времени, истоками которых была и личная судьба К. Воробьева, позволяет в качестве самостоятельной темы в его творчестве выделить тему детства. Эта тема впоследствии станет жанрообразующей в творчестве К.Д. Воробьева – произведения писателя близки лирическим автобиографиям Л.Н. Толстого, С.Т. Аксакова – и сюжетообразующей, так как многие его повести и рассказы построены на сюжете возвращения героев в прошлое, в детство.

Обращаясь к теме детей и детства, К.Д. Воробьев продолжает традицию русской классической литературы, имеющей богатейший опыт познания и философско-художественного осмысления особого мира ребёнка, в недрах которого зарождаются начала всякой «взрослой» жизни, традицию изображения детей и детства как наиболее яркого показателя духовно-нравственного состояния общества. В основе этой традиции лежит многовековое представление народа о детстве как о неотъемлемом звене жизни каждого человека и человечества в целом, как о её истоке и залоге непрерывного развития.

К.Д. Воробьев принадлежит к писателям, творчество которых вобрало в себя богатую эмоциональную культуру и народные традиции, накопленные многими поколениями. Человеческая и творческая истории К.Д. Воробьева складывались на ярких, незабываемых впечатлениях и воспоминаниях о детстве и войне. Эти впечатления и воспоминания были реальными переживаниями, на основе которых написаны все произведения К.Д. Воробьева. В них особую роль играют такие судьбоносные в жизни писателя понятия, как мать, родина, отчий дом, родная природа, детство, сиротство, война, плен, честь и достоинство, память и совесть. Они воспринимаются как своего рода нравственные опоры личности. Особое отношение к ним писателя позволило утверждать, что «имя К. Воробьева сделалось в литературе символом чести» [3].

Тема детства, возникшая в самом начале писательского пути (первый сборник рассказов 1956 года «Подснежник»), связала в единое целое всё его творчество. Повторенная многократно и выраженная в многообразии форм, тема детей и детства убеждает в том, что оно (детство) становится для К.Д. Воробьева одной из ключевых опор, придающих прочность существованию, мировосприятию и имеет первостепенное значение в понимании личности героев, названной писателем «сутью и основанием жизни» [1].

Детство для него не только поэтический образ прошлого и предмет изображения, но и особая духовная память, средство проникновения в самую суть человеческих взаимоотношений, тот фундамент, на котором строятся образы и сюжеты. К. Воробьев рассматривает детство как свое-

образную предысторию в диалектике человеческой души, соединяющей прошлое с настоящим, когда биография не развёртывается в пространстве, а становится как бы единственным переживанием, что способствует созданию определённой ситуации нравственного выбора в повестях и рассказах К.Д. Воробьёва.

В художественном мире писателя детство складывается из многообразия тем, мотивов, образов, проявляющихся почти в каждом его произведении. Как способ мировосприятия, детство проявляется в рассказах «Первое письмо», «Настя», «Трое в челне», «Костяника», «Два Гордея», как истоки нравственности и патриотизма – в повестях и рассказах «Убиты под Москвой», «Крик», «Чёртов палец», «Ермак», психологически достоверно выписаны детские типы в повестях «Сказание о моём ровеснике», «Друг мой Момич», «Синель», как образ-символ – в рассказах «Подснежник», «Хи Вон», как душа и совесть «взрослых» героев писателя – в повестях «Генка, брат мой», «Вот пришёл великан», «Почём в Ракитном радости» [1].

Детство в образах ребёнка-сироты, «чужака», обусловленных фактами собственной биографии, особенно ярко проявилось в рассказах «Ничей сын» и «У кого поселяются аисты» [1]. Детство и родина, детство и природа, детство и национальный характер, детство и война, детство и память, детство и будущее – вот генетически связанные духовно-нравственные ориентиры, определяющие многомерность темы детей и детства в прозе К.Д. Воробьёва.

Всё его творчество есть убедительное доказательство того, что детство является одним из глубинных законов, на основе которых составляется сложная картина мира. Она совершенно немыслима без присутствия в ней детей. Вот почему писатель огромное значение придаёт символике детства: играм и забавам, животным, природе, разным «мелочам», по которым мы безошибочно узнаём о присутствии детей [2]. Это присутствие особенно ярко проявляется в заключительных строках повести «Почём в Ракитном радости»: «Мне хотелось рассыпать тут на чёрной пахучей дороге крашеную скорлупу – ничего не будет радостнее этой находки для завтрашнего пешехода, ничего! Увидит и обязательно подумает, что это

дети насорили. И куда это они только шли? В гости, что ли? Или из гостей?..» [1].

Символика детства для Воробьёва – это непрерывная, но постоянно эволюционирующая величина, связанная с яркостью красок, света, близостью к природе и себе. Детство — одна из самых любимых «картин души» писателя, которую, как он считал, «надо рисовать розовым, синим и золотым» [1:3: 205]. В противовес взрослому, — наносному, искусственному, потерявшему связь с исконно необходимым, — детство само символизирует что-то истинное, важное, изначально близкое к природе и является наиболее правдивой частью истории человека. Природа и малая родина, как главные опоры детства, обладают, по Воробьёву, энергией нравственного очищения [2].

Глубина и неиссякаемость понятия «детство» в художественной литературе рождает многообразие подходов к его художественному осмыслению, и всякая новая эпоха и всякое новое поколение наполняют его ранее не известным содержанием, облачают в форму, наиболее соответствующую требованиям времени. Тема детей и детства у К.Д. Воробьёва – это тема, в которой правдиво отразилась целая эпоха, начиная от первого мига появления человека на свет и того, что было с другими людьми, нашим народом. Его отношение к детству было постоянной «эмоциональной величиной» и не менялось в зависимости от времени. Менялась лишь глубина изображения, ставшая показателем возросшего мастерства писателя.

Великий русский философ Владимир Соловьёв писал: «Когда дело идёт о первоначальном образовании какого-нибудь основного понятия в человеческом сознании, нужно иметь в виду не взрослого человека, а ребёнка...» [4]. Ведь дети всегда были в своём времени и пространстве, в своём мире и природе. Они были прочным связующим звеном между поколениями, они оказывали существенное влияние на формирование духовного пространства культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Воробьев К.Д. Сочинения в 3-х томах. – М., 1991.*

2. Зимин В.Я. *Тема детства в творчестве К.Д. Воробьева/ автореферат дисс. на соискание уч. степ. канд. филол. Наук. – Курск, 2004.*
3. Золотусский И.П. *Очная ставка с памятью – М., 1983.*
4. Соловьев В.С. *Сочинения в 2-х томах. – М., 1990.*

Н.К. Нежданова
Курган

ИНТЕРТЕКСТ КАК ПРИЕМ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ В РУССКОЙ РОК-ПОЭЗИИ XXI ВЕКА

В контексте разрушения ценностных ориентаций практически единственным адекватным средством восприятия мира можно считать личные субъективные ощущения, переживания автора. Авторское «я» в рок-поэзии – это исключительное средство познания мира. Хор голосов рок-авторов – суммарный голос поколения – во многом штрихи к портрету реальности, сформировавшейся в новейшей истории России. Самоопределение включает субъективный внутренний мир поэта, культурно-историческое и общественно-социальное окружение. Пока происходит лишь первичная ориентация в этих координатах, далее должно следовать их осмысление и преодоление, гармонизация в своем поэтическом мире. Судьба типового персонажа новейшей рок-поэзии – отсутствие судьбы. В этих пределах отсутствия существует поколение младших рок-поэтов, ищущих выхода из поэтического кризиса. В роли общего знаменателя для эпохи оказались выбраны, в конце концов, не реальность, а слово, не действительность, а сам текст, предстающий опытным полем действия, в котором реализует свои внутренние силы поэт.

Одной из составляющих самоопределения рок-поэзии является ее соотнесенность с культурным контекстом.

Русская рок-поэзия наполнена различными отсылками к предшествующей культурной традиции. По мнению Ю.Доманского [1, 16], атрибуция и интерпретация такого рода цитат – одна из актуальных проблем изучения рок-поэзии. Об этом писалось неоднократно (см., например, у Ю.Доманского [1, 19]). По мысли Е.Козицкой, « в русской рок-поэзии ци-

татное слово выполняет существенную функцию: оно становится средством воссоздания связи времен, поэтической реализации сложного отношения современного поэта к классической традиции» [3, 55].

Иными словами, интертекстуальность в рок-поэзии помогает авторам найти свое место в литературе путем установления отношений с претекстами, т. е. с теми идеями и ценностями, которые выражает тот или иной претекст или его автор.

Авторы рок-текстов сохраняют ценностные ориентиры. Прежде всего, это романтическая устремленность к небу и звездам, столь характерная для лирики В.Цоя и Б.Гребенщикова.

Мы пойдем смотреть на звезды.

[Е.Глухов: 5, 50]

Вновь происходит снижение идеала: если у Цоя звезда ведет в путь, у Кинчева звезда светит тем, кто деятелен, кто в пути, то у Глухова на звезду можно только смотреть. Программным в этом плане можно назвать текст Ю.Богатенкова «Я сижу у окна...». Мироощущение героя двойственно: он не только хочет «влиться в общий поток», но и чувствует «вкус к перемене мест» (аллюзия на «Я снова склонен к перемене мест» А. Макаревича). Однако, несмотря на стремление «уехать из дома» и «сделать решительный шаг», герою «лень идти на вокзал и брать там билет». Отсюда в финале горькое признание: «Но на деле-то мы от рожденья ручные» [Ю. Богатенков: 5, 19].

Мы выделяем три группы претекстов, к которым наиболее часто обращаются рок-авторы нового поколения. К первой группе относятся обращения к текстам «классиков» рок-поэзии. Самым авторитетным является Виктор Цой. Например, в стихотворении Юрия Богатенкова звучит явная ссылка на стихотворение Цоя «Мы хотим танцевать» («Наше сердце работает как новый мотор» [6, 198]):

Ведь сердце твое как могучий мотор!

[Богатенков: 5, 31]

Однако романтическая атрибутика Цоя чаще всего лишается своего ореола, и даже звезда остается только объектом ночного неба (Евгений

Глухов). Герой Дмитрия Гузя не только отстраняется от рока, но и мотивирует свое «предательство»:

В ушах печальный рэп, в глазах случайный клип.

Не по приколу Цой, Гребенщиков достал.

Подернулся попсой и проржавел металл.

[Гузь: 5, 79]

В текстах исследуемых авторов встречаются имена Макаревича, Б.Г., Мамонова, Башлачева, аллюзии на тексты Талькова и Никольского. Утверждают авторы и свою причастность к поколению Битлз.

Дети музыки Beatles!

...

Сидим и поем...

И песню творя, как молитву,

Где батюшка бог – рок-н-ролл.

«Песнь о тайной свободе»

Мальчик слушает Beatles,

Альбом Let it be.

«Вечный маленький мальчик»

[Воронин: 5, 41-43]

Вторую группу претекстов составляет классическая литература. Круг упоминаемых или цитируемых авторов не очень широк: Пушкин, Есенин, Блок, Лермонтов, Горький; барды Высоцкий, Окуджава, Митяев. Большинство исследователей считает, что именно Пушкин может служить знаком, который позволит определить отношение русского рока ко всей предшествующей культурной традиции. Ю.В.Доманский подробно анализирует соотношение пушкинских онимов в рок-поэзии с мифологемой Пушкина, сформировавшейся в русской культуре [1.] Отмечается, что образ Пушкина всегда несет положительную семантику. У рок-поэтов нового поколения Пушкин не является неоспоримым авторитетом. Чаще прямое цитирование лишь обозначает причастность поколения к традиционному культурному полю. Цитата, даже незакавыченная, узнаваема, обретает клишированность. Это знак – сигнал литературного мифа.

Я вам пишу! – чего же боле?
Дружить со мной – тоска и мука!

[Гузь: 5, 69]

Ссылки на поэтов Серебряного века (Алексей Кулаев, Константин Мережников, Николай Харитонов) также несут положительную семантику. Обращения к именам и образам поэзии Есенина, Блока формируют антиномию действительности, чаще советского периода, периода детства и юности рок-авторов.

Когда умирала Совдепия,
Мне было немного жаль.
Хоть страна и была нелепой,
Как нелепа польза пожара.
И школа была идиотской,
Но в ней были Есенин и Блок.

[Кулаев: 5, 103]

В художественном мире Юрия Богатенкова «Булат Окуджава о чем-то тихонько поет. \ \ Он поет о любви, он поет об удаче, он поет про любимый Арбат» [Богатенков: 5, 27] . Максим Куликов начинает свой текст «Зачем тебе?» с аллюзии на известную песню О.Митяева:

Зачем тебе желтой гитары изгиб,
Который ты обняла?

[Куликов: 5, 110]

Все подобные обращения к претекстам носят диалогический характер.

К третьей группе относятся обращения к известным литературным героям. Они в текстах рок-авторов выступают как устоявшиеся литературные архетипы, ссылки на которые вполне понятны слушателю/читателю. Таким образом, происходит включение реципиента в круг семантики культурного поля. У Дмитрия Гузя встречаем упоминание Дубровского и Маши, Герасима и Робин Гуда. Для характеристики героя стихотворения «Изгой» Д.Гузь использует менее известные образы:

Для эстета – Клим Чугункин,
Для шалавы – Клим Самгин.

[Гузь: 5, 66]

Цитирование может строиться не по традиционной модели, «когда через цитату... происходит подключение текста-источника к авторскому тексту» [3, 10]. «Цитируется не какой-то конкретный текст, а некая идиома, культурное клише, существующее в массовом сознании как некий стереотип» [1, 32]. Реципиент легко узнает источники цитат в силу их хрестоматийности. Например, Владимир Мееровский цитирует не столько М.Горького («Жизнь Клим Самгина»), сколько сложившуюся культурную идиому:

И у меня лишь вызывает интерес
Один вопрос – «А был ли мальчик?..»
[Мееровский: 5, 120]

Пушкинские строки о Петербурге, также ставшие хрестоматийными, цитировались неоднократно в различных контекстах многими авторами. Однако Алексей Гомазков включает известную цитату в литературную игру.

Нет, не соврал один пижон:
Здесь будет город заложен
В ломбард!
[Гомазков: 5, 54]

Специфика функционирования интертекстуальных включений проявляется через трансформацию, основной целью которой является стилизация. Механизм трансформации идет в двух направлениях: трансформация непосредственно речевой единицы и трансформация семантического контекста.

Контекстуальная трансформация и цитация, проявляющаяся в трансформированных литературных цитатах и фразеологических сочетаниях, используется рок-авторами нового времени наиболее активно. Пример тому пушкинская цитата у А.Гомазкова.

Цитата продолжена авторским «в ломбард», словом, которое по своей семантике не сочетается с высоким пафосом претекста, таким образом, происходит трансформация цитаты, что придает выражению иронический оттенок. Такие высказывания или поэтические строки вне контекста воспринимаются читателем как обычные цитаты, воспроизводимые автором для подтверждения или опровержения какого-либо воззрения, но непо-

средственное семантическое окружение цитаты в рок-тексте и буквальное ее восприятие наполняет ее иным, неожиданным, порой даже абсурдным смыслом.

Трансформация цитат достигается следующими способами:

- подстановка в исходный текст слов со сниженной стилистической окраской (в тексте А.Гомазкова):

Ведь я не склонен к перемене злчных мест,
Я – сытый волк, который снова смотрит в лес...

[Мееровский: 5, 121]

У Мееровского известные слова А.Макаревича не только попадают в оппозиционную диалогическую ситуацию посредством отрицательной частицы, но и трансформируются включением слова «злчных», что создает иной смысловой контекст. (У Макаревича: «Я с детства склонен к перемене мест...» [4, 162] лирический герой дан в движении, развитии, герой Мееровского скучает, движение отсутствует: «Жвачку жевать\ Жизни невмочь! \ И век одному доживать,\ и воду в ступе толочь!» [Мееровский: 5, 121]).

- использование омонимических вариантов, как в приведенном фрагменте текста А.Гомазкова. У Пушкина «заложен» – «построен, основан», у Гомазкова – «отдан в заклад».

- инверсия по отношению к претексту. Фразу Олега Митяева «Изгиб гитары желтой...» Максим Куликов трансформирует в «Зачем тебе желтой гитары изгиб, \ Который ты обняла?» [Куликов: 5, 110].

- оппозиция семантических диалоговых реплик. Скрытый диалог с В.Цоем содержится в тексте «Убей бюрократа» Юрия Богатенкова: «Ведь сердце твое как могучий мотор!» [Богатенков:5, 31]. Известную клишированную фразу «за державу обидно» Дмитрий Гузь трансформирует в вопрос «Обидно ли мне за державу? Так кто ж ее не обижал?» [Гузь: 5, 68], также возникает эффект скрытого диалога.

Аллюзии (заимствование определенных элементов претекста, по которым происходит их узнавание в тексте-реципиенте) – наиболее распространенная форма интертекстуальных включений в рок-текстах нового времени. Легко прочитывается атмосфера стихов В. Цоя с его «звездной»

семантикой в тексте Е. Глухова «Мама, дай мне руку!» [Глухов: 5, 50]. Образ есенинского клена возникает в строчках К. Мережникова «Блюз первой любви» [Мережников: 5,142]. В качестве заимствованных элементов претекста могут выступать известные герои классических произведений, как, например, Дубровский, Маша, Герасим у Д.Гузя [Гузь: 5, 58], Левша у А.Прахова:

Еще живет Левша, что блоху ковал.

[Прахов: 5, 177].

В последнем случае имя героя сочетается с сюжетной аллюзией. Аллюзивная игра с литературным претекстом представлена и в тексте Александра О*Шеннона «Песнь о Ленине». Стихотворение образует диалог с известным стихотворением Тимура Кибирова «Песня о Ленине» из цикла «Песня остается с человеком». Тотальная ироничность Кибирова основывается на том, что весь текст построен на цитатах известных песен, а собственно сатирико-абсурдный эффект достигается соединением несоединимых фраз из песен и рефрена:

Мама, я Ленина люблю!

...

Он не рокот космодрома –
он трава, трава у дома –
и за это я его люблю!

[2, 78]

У Шеннона представлена «эволюция» любви к Ленину, то, что происходит в условиях новой действительности:

Тебя изобьют на Арбате
Художники и демократы
По западному наущению
За то, что ты любишь Ленина.

[Шеннон: 5, 159].

Сохраняется рефрен и абсурдизм: у Кибирова соединение рефрена с цитатой из Ломоносова, у Шеннона фантазмагория и использование устаревшей формы «оне»:

И Ленин с прищуром нерусским

Навстречу тебе выйдет с Крупской,
И скажут оне: «Встань с коленей
За то, что ты любишь Ленина!»
И Крупская станет вальсировать,
А Ленин затылок массировать...
[Шеннон: 5, 159].

Аллюзивно связующим элементом в данном случае становится рефрен.

На реминисценции – воспроизведении знакомой фразовой, образной, или ритмико-синтаксической структуры из другого произведения – построено стихотворение Дмитрия Гузя «Поезд». В качестве заимствованной (А. Макаревич «Вагонные споры») выступает ситуация, место действия – поезд. У Макаревича ситуация условна, поезд символичен. Вагонные споры выявляют возможные различные жизненные позиции. «Представив слушателям два противоположных убеждения, автор дает понять, что жизнь гораздо сложнее наших противоречивых представлений о ней: «И каждый пошел своею дорогой, /А поезд пошел своей» [7, 30]. Герои Гузя «куда-то» несутся, курят, «друг друга бьют в профиль и в фас», им скучно, но нет ни разговоров, ни «вагонных споров». А главное:

Поезд едет в пустоту,
А мы соседи поперек пути
После перепитий и перипетий!

[Гузь: 5, 61]

Реминисценции возникают в текстах Ю. Богатенкова «Я сижу у окна...» (А. Макаревич), «Девочка из обкомовского дома» (В. Цой). В последнем стихотворении есть реминисцентная фраза «зеленое море тайги» [Богатенков: 5, 19], смысл которой антонимичен претексту: обозначение отнюдь не романтического места «там, за колючим забором» пребывания «папы», который «брал деньги и делал долги» [Богатенков: 5, 19]. У Владислава Борисова закавыченная, нетрансформированная фраза «скрипач повесит сюртук» отсылает читателя к культовому тексту Константина Никольского. Отсылка к стихотворению Лермонтова есть в тексте Алексея Пальцева «Скучный сад»:

... звезде говорит звезда...

[Пальцев: 5, 170]

Реминисценция мотивирована общим настроением светлой грусти, ностальгии, медиативностью.

На реминисценции построено стихотворение Александра Щербины «Кришнаит Иванов». Претекстом выступает произведение Александра Башлачева «Грибоедовский вальс». В тексте Щербины нет ни одной прямой цитаты, однако мотив перевоплощения, место действия, иронический подтекст ассоциативно связывают стихотворение с «Грибоедовским вальсом». Единственная деталь – звенящий колокольчик – содержит косвенный намек на одного из лидеров «времени колокольчиков». Кроме того, текст Щербины метрически близок башлачевскому.

Цепочка литературных ассоциаций возникает даже в связи с названием группы «Отцы и дети» (роман «Отцы и дети», Тургенев, классическая литература, настоящая поэзия). Стоит упомянуть и ряд литературных эпиграфов, например, строчки В. Маяковского у К. Мережникова, М. Горького у А. Щербины.

Итак, интертекстуальность проявляется многосторонне, но основной способ реализации в художественном тексте – это трансформация разных типов интертекстуальных включений. Обращаясь к классической литературе, рок-поэты формируют свое смысловое пространство, при этом претекст может выступать и как платформа отталкивания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Доманский Ю.В. *Русская рок-поэзия: текст и контекст.* – М.: «Intrada – Издательство Кулагиной», 2010. – 232 с.
2. Кибиров Т. *Сантименты.* Белгород: «Риск», 1994. – 276 с.
3. Козицкая Е. *Цитата в структуре поэтического текста.* – Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Тверь, 1998.
4. Макаревич А. *Семь тысяч городов.* М.: «ЭКСМО-ПРЕСС», 2001. – 430 с.
5. *Русский рок – новый срок. Страницы современной рок-поэзии.*/Составитель А.А. Дидуров. М.: «Эксмо», 2006. – 304 с.
6. Цой В. *Звезда по имени Солнце.* – М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2000. – 415 с.

7. Шигарева Ю. Путешествие во времени // Русская рок-поэзия: Текст и контекст. Тверь: Тверской гос. университет, 2000. Вып. 3. – С. 30.

Е.Г. Позднякова
Курган

СВОЕОБРАЗИЕ САТИРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА

«НОВЫЙ КРОКОДИЛ»

Сатира воспринимается в обществе как обличительное литературное произведение, изображающее отрицательные явления действительности в смешном, уродливом виде; сатира имеет множество видов, которые в своем сочетании делают произведение «острым», критическим, своеобразным.

Являясь древнейшим жанром, сатира берет свое начало из народного творчества, активно развивается и успешно реализуется в литературе, а в дальнейшем и в журналистике.

История сатиры в России имеет свою специфику и характеризуется яркостью, «злостью», социальностью, а сами авторы возводятся в ранг «героев», «защитников» народа, которые не только писали «произведения с перцем», но и готовы были жертвовать своим благополучием, вплоть до тюремных заключений.

Сатирическая журналистика возникла в России в 1759 году с появлением журнала А.П. Сумарокова «Трудолюбивая пчела». Писатель использовал в своем журнале такие жанры, как сатирический диалог, сатирические очерки и эссе, сатирический сон и др. Журналистика XVIII века дала образцы язвительного памфлета, памфлета-пародии («Письма Фалалею» Н.И. Новикова, «Похвальная речь в память моему дедушке» И.А. Крылова). Н.И. Новиков в своих журналах публикует фельетоны, сатирические портреты, объявления, составляет сатирические словари и сатирические рецепты.

Традиции сатирической журналистики XVIII века продолжают в XIX веке. В первой половине XIX века в России еще нет сатирического

журнала, но многие передовые издания активно используют различные сатирические жанры: лингвистическая работа, сатирическое газетное объявление («Журнал российской словесности»); басня, политическая карикатура («Сын Отечества»), памфлеты (А.С. Пушкин).

Большую роль в развитии сатирической журналистики сыграл сатирический отдел журнала «Современник» – «Свисток», в котором печатались фельетоны, сатирические куплеты, стихотворные пародии, отмеченные настоящей политической остротой, посвященные злободневным вопросам.

В середине XIX века в России появились первые сатирические издания – это были журналы «Ералаш», «Будильник», «Гудок», «Осколки», «Сатирикон», «Новый сатирикон» и другие. На страницах этих изданий используются различные сатирические жанры: фельетоны, пародии, обзоры «политической жизни иностранных государств» (в форме юмористических очерков, рассказов, стихотворений, карикатур), иллюстрированные повести, рассказы, драматические сцены, очерки быта и нравов разных сословий, юмористические статьи по поводу различных современных событий, литературная летопись (краткое обозрение юмористических явлений в области литературы и журналистики) и др. Сатира становится злободневной, политически острой и актуальной.

В начале XX века сатира как литературный жанр достигла своего апогея по частоте использования, по разновидности его применения в журналах, газетах. В сатире отразилась вся яркость и противоречивость ума русского человека, умение смеяться и плакать над самим собой.

Расцвет сатирической журналистики приходится на 20-30-е годы. Появляются различные сатирические журналы, в которых ирония, гротеск, сарказм органически переплетаются с высокой патетикой и героикой («БОВ», газета «Мухобой»). В период НЭПа происходит бурный рост сатирической журналистики, окончательно вырабатываются ее принципы, методы, формы.

В 20-е годы появилось большое количество сатирических журналов, таких как: «Мухомор», «Газета для чтения», «пробный» выпуск «Красно-

го перца», на периферии – «Стружки» (Харьков), «Скорпион» (Ново-Николаевск), «Карусель» (Вологда) и др.

Большая заслуга в развитии советского сатирического журнала принадлежит коллективу газеты «Рабочий» («Рабочая газета»), который одним из первых в стране налаживает выпуск еженедельного иллюстрированного сатирического приложения. Впоследствии приложение стало журналом «Крокодил» (1922).

«Крокодил» на долгие годы определил основную закономерность развития советской сатирической журналистики (отражение важных вопросов современности, воспитание и развитие читателей), а его художники – стилистику советской сатирической графики.

Фактически сразу после своего появления журнал «Крокодил» быстро завоевывает огромную популярность в среде своих читателей. На суд масс выносились недостойные поступки отсталой части рабочих. Клеймились позором рвачи и бракоделы, лодыри и прогульщики, болтуны и подхалимы, пьяницы, хулиганы, тунеядцы, жулики. На страницах журнала печатаются произведения лучших сатириков, карикатуры ведущих художников. Журнал становится другом трудящихся, их советником и защитником. На общих собраниях, митингах символический Крокодил избирается почетным директором, лесничим, пожарным и т.п. Журнал организует выездные бригады, берет шефство над Магнитостроем, сатирические отделы и рубрики появляются в фабрично-заводских, районных и областных газетах, выпускаются тысячи сатирических стенновок.

Во время Великой Отечественной войны журнал не приостановил своей деятельности, он изо всех сил помогал в борьбе с фашистскими захватчиками. На страницах журнала печатались документальные материалы, материалы фронтовых и армейских газет, выдержки из писем и показаний пленных немецких солдат и офицеров, печатались сатирические произведения собственных корреспондентов журнала из действующей армии (В. Катаев, М. Эдель и др.), стихотворные фельетоны (В.И. Лебедев-Кумач).

После решений XX съезда сатира «Крокодила» становится интереснее, острее. Вновь открываются забытые прежде рубрики, появляются но-

вые, ведется активная работа с письмами читателей. Появляется постоянная рубрика «Пестрая летопись», отражающая впечатления Крокодила от его поездок по стране для разбора жалоб читателей. Большой и серьезный разговор ведется в «открытых письмах» к работникам союзного и республиканского масштаба. Критические сигналы и заметки десятками печатаются в отделах и рубриках «Дорогому Крокодилу!», «Слово читателя», «Нарочно не придумаешь», «Отклики и реплики», «Просим сообщить» и др. Тысячи читателей приняли участие в конкурсах «Крокодила»: «Самый смешной случай» (короткий рассказ), лучшая тема для карикатуры.

Возрождаются традиционные формы связи с массами. Выездные бригады журнала проникают во все области страны. Они регулярно информируют читателей о своей борьбе со вскрытыми недостатками. На ударных стройках, заводах, фабриках, в совхозах и колхозах организуются посты «Крокодила», журнал берет шефство над ними, появляются специальные рубрики «Рейд Крокодила», «Пост Крокодила», «У моих подшефных» и др.

В журнале «Крокодил» на протяжении всей его истории в зависимости от обстановки в стране использовались различные сатирические жанры: карикатуры, сатирические стихи, басни, эпиграммы, сценки на злободневные темы, юмористические рассказы, осторожная аллегория, легковесная шутка, памфлет, фельетон, анекдоты, сатирический фотомонтаж и др.

В дополнение к журналу издавалась серия карманного формата «Библиотека Крокодила», в которой публиковались сборники отдельных авторов. Эти книжечки выходили 24 раза в год, тиражом 75 тыс. экземпляров.

С 1992 года журнал стал выходить один раз в месяц, его тираж к концу 1990-х годов резко снизился и упал до 50 тысяч экз. Журнал был закрыт. Однако потребность в сатирическом издании была столь сильна, что журнал не мог не возродиться.

В 2001 году была сделана вторая попытка возрождения «Крокодила» в прежнем формате – появился журнал «Новый Крокодил», главным художником которого был Владимир Мочалов, проработавший долгие годы в советском «Крокодиле».

Издатели «Нового Крокодила» – это люди, которые не жалели сил на то, чтобы традиция крокодильской сатиры не была утрачена.

«Новый Крокодил» продолжает традицию не только в литературных и журналистских материалах. В 60-е гг. XX века в кинотеатре "Фитиль" появилась постоянная крокодильская выставка. В начале 2004 года «Новый Крокодил» открыл в "Фитиле" выставку карикатур философа, писателя и художника Александра Зиновьева. Выставка называлась "Подддатые 70-е", и ее основой стал цикл работ Зиновьева "Жизнь русского пьяницы".

На страницах "Нового Крокодила" можно было встретить Виктора Шендеровича, Владимира Мочалова, Александра Моралевича, Андрея Кнышева. «Крокодил» сотрудничал и с коллегами из других изданий – из израильского журнала "Бесэдер", журнала "Красная Бурда", "Стыршл" и многих других.

«Новый Крокодил» выпускался сначала 1 раз в месяц, а с середины 2003 года выходил еженедельно. Тираж вырос до 40 тысяч.

«Новый Крокодил» использовал всю палитру сатирических приемов предшествующей сатирической журналистики: пародийное заострение, каламбур, неожиданные повороты действия, неправильное использование значения слова, пародийное повторение схожих ситуаций (ведущий прием), аллегория, иносказание, гипербола, сатирическая метафора, ирония, сарказм, гротеск и др.

Новое содержание «Нового Крокодила» оформилось в традиционные для сатирической журналистики жанры: политический фельетон, карикатура, сатирические стихи, басня, сценки на злободневные темы, юмористические рассказы, легковесная шутка, анекдоты и др. Появились и активно использовались «современные» сатирические жанры: инвектива, слух, сплетня, байка, анекдот.

Последний номер «Нового Крокодила» вышел в октябре 2004 года. Еще какое-то время теплилась жизнь на сайте Crocodile.su.

В сентябре 2005 года вышла третья версия модифицированного постсоветского «Крокодила» под редакцией Сергея Мостовщикова. Третья версия несколько измененного постсоветского «Крокодила» печаталась даже на бумаге советского качества. Журнал, по словам издателей,

позиционировался как издание для людей, которых «достало что угодно – политика, погода, ботинки»: он теперь уже *не защищал*, как в советское время, интересы и ценности общества. При этом новая концепция издания предполагала достаточно острую политическую сатиру.

Таким образом, журнал «Крокодил» сыграл существенную роль в развитии русской сатирической журналистики. Именно он оказал большое влияние на процесс формирования советской сатирической периодики XX века. По его типу начинают строиться сатирические приложения центральных и местных газет. На долгие семьдесят лет журнал «Крокодил» определил лицо отечественной политической сатиры, а его художники – стилистику советской сатирической графики. Журнал «Крокодил» по праву занимает почетное место в сатирической журналистике наряду с такими журналами, как «Трудолюбивая пчела» А.П. Сумарокова, сатирические журналы Н.И. Новикова, сатирическим отделом «Свисток» в журнале «Современник», журналами «Искра», «Отечественные записки».

Наследие журнала «Крокодил», его опыт, традиции и новаторство могут быть с успехом использованы для развития русской сатирической журналистики в дальнейшем. Демократическое общество невозможно без сатирической публицистики, и неоднократные попытки возродить журнал говорят о том, что общество на данный момент очень нуждается в грамотной, качественной и профессиональной сатире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Крокодил», 1922. - № 1.
2. «Крокодил», 1968. - № 16.
3. «Крокодил», 1970. - № 3.
4. «Крокодил», 1971. - № 1-16.
5. «Крокодил», 1972. - № 2-11.
6. «Крокодил», 1988. - № 25.
7. «Крокодил», 1989. - № 28.
8. «Крокодил», 1990. - № 2.
9. «Крокодил», 1991. - № 23.
10. «Крокодил», 1999. - № 6.
11. «Крокодил», 2005. - № 1.
12. «Новый Крокодил», 2001. - № 2.

13. «Новый Крокодил», 2001. - № 4.
14. «Новый Крокодил», 2002. - № 1.
15. «Новый Крокодил», 2002. - № 12.
16. «Новый Крокодил», 2003. - № 1-35.
17. «Новый Крокодил», 2004. - № 1-20.
18. Боров, Ю. Сатира // Теория литературы /Под ред. Г.Л. Абрамовича. - М., 1964.
19. Вильчек, Л.Ш. Советская публицистика 30-50-х годов / Л.Ш. Вильчек. - М.: Политиздат, 1996.
20. Заславский, Д.И. Истоки и пути фельетона. - М.: Гослитиздат, 1931.
21. «Красная Бурда» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: [//http://www.redburda.ru](http://www.redburda.ru)
22. Махонина, С.Я. Русская дореволюционная печать (1905-1914). - М., 1991.
23. Махонина, С.Я. Русская журналистика начала XX века. - М., 2004.
24. Овсепян, Р.П. В лабиринтах истории отечественной журналистики. - М., 2001.
25. Русская сатирическая проза XVIII века: Сборник произведений / Сост., авт. вступ. статьи и комментариев Стенник Ю.В. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986.
26. Спиридонова, Л.А. Русская сатирическая литература начала XX в. - М., 1977.

М.В. Проконова
Тобольск

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ПУТЕМ ЗАМЕНЫ КОМПОНЕНТА КАК СПОСОБ ПОСТРОЕНИЯ КРОССВОРДНОЙ СТАТЬИ

Среди приоритетных направлений современной лингвистики можно назвать изучение основ и принципов эффективной массово-коммуникативной деятельности. Массовая культура поставляет рядовому носителю языка большой объем информации, явленный через знаки, символы, прецедентные феномены. Как пишет В.В. Красных, «в человечество человек входит только как представитель своей культуры, владеющий своим язы-

ком и умеющий кодировать и декодировать знаки культуры / лингвокультуры» [Красных 2009: 54]. Сегодня своеобразным инструментом для фиксации устойчивых элементов лингвокультуры и их проверки на воспроизводимость выступает кроссворд.

С точки зрения лингвистики, кроссворд, сутью которого является кодирование слова и последующий поиск слова-ответа путем расшифровки кодирующего текста, – это продукт речемыслительной деятельности, система микротекстов, объединенных общей прагматической установкой. Современный кроссворд, который часто апеллирует к прецедентным текстам, составляющим базу языковой картины мира, помимо своих очевидных функций – развлечения, демонстрации большого словарного запаса и эрудиции как показателей статуса человека в определенной социальной группе, имеет и лингвокультурное значение: с одной стороны, он оказывается самопроверкой разгадывающего собственного уровня «подключенности» к общему языковому полю, с другой стороны, выступает своего рода индикатором развитости и насыщенности этого лингвокультурного поля, актуальности его основных компонентов для носителей языка.

Наряду с прочими воспроизводимыми элементами лингвокультуры – пословицами, цитатами, перифразами, прецедентными именами, – основу кроссвордной статьи часто составляет фразеологическая единица, например: *поражение в пух и прах* (искомое слово – «разгром»), *кровные узы* (искомое слово – «родство»). (Здесь и далее примеры кроссвордных статей приводятся по изданиям «Русский кроссворд» и «Старый добрый кроссворд» за 2012, 2013, 2014 гг.). При этом фразеологические единицы могут быть использованы как в узуальной (*способность **чуять** нутром* (искомое слово – «интуиция»), так и в модифицированной форме (*старинный языческий праздник, который **не все коту*** (искомое слово – «масленица»).

Отступления от узуальной формы фразеологизма, сознательные манипуляции с его значением – это проявления языковой игры, которая является сутью кроссворда как особого вида текста. Трансформация фразеологических единиц, привлекаемых для формирования кроссвордной дефиниции, происходит в расчете на то, что носитель языка будет способен восстановить исходную форму таких измененных единиц, то есть перед соста-

водителем кроссворда стоит цель скрыть загаданное слово, но так, чтобы сохранялась возможность его дешифровки.

Известен целый ряд способов трансформации фразеологических единиц, которые нашли отражение в различных классификациях, созданных отечественными лингвистами. А.И. Молотков в ряду способов фразеологических трансформаций называет «употребление фразеологизма в необычном для него значении, <...> замену компонента фразеологизма необычными лексическими вариантами, <...> различного рода контаминации, усечение формы фразеологизма по типу речевых эллипсисов» [Молотков 1966: 101]. А.И. Мелерович и В.М. Мокиенко выделяют два типа преобразований: «семантические, к которым относят приобретение фразеологизмом дополнительного семантического оттенка, переосмысление ФЕ, <...> двойную актуализацию, буквализацию значения ФЕ и т.д., и структурно-семантические, которые представляют собой преобразования, не приводящие к нарушению тождества ФЕ, и преобразования, в результате которых возникают окказиональные фразеологизмы или слова» [Мелерович, Мокиенко 2005: 17-23].

Одним из самых продуктивных способов трансформации при создании кроссвордной статьи на основе фразеологизма, по нашим наблюдениям, является замена компонента фразеологической единицы.

Мы обнаружили следующие стратегии кодирования искомого слова в кроссвордной статье посредством замены компонента фразеологизма:

1. Структурная трансформация компонентного состава узуального фразеологизма с сохранением его семантики производится посредством замены компонента фразеологической единицы, являющегося искомым словом, на местоимение: ***она о двух концах*** (искомое слово – «палка»), ***ищи в нем ветра*** («поле»), ***она не стоит свеч*** («игра»), ***под него ставят военнообязанных в случае войны*** (узуальная ФЕ – «поставить под ружье», искомое слово – «ружье»).

2. Структурно-семантическая трансформация фразеологизмов, не приводящая к нарушению тождества фразеологической единицы, представлена в кроссвордных статьях следующими вариантами замены компонентов:

1) замена компонента ФЕ, являющегося искомым словом, на синоним, представленный лексемой свободного употребления: *звонкий дензнак* (искомое слово – «монета»), *сахарные губки* («уста»), *филькин документ* («грамота»), *летающая посудина* («тарелка»);

2) замена компонента ФЕ, являющегося искомым словом, на синонимичный или близкий по значению фразеологизм: *стихийное бедствие в стакане воды* (узуальная ФЕ – «буря в стакане воды», искомое слово – «буря»), *транспортная артерия, куда выкидывают уволенных* (узуальная ФЕ – «выкинуть на улицу», искомое слово – «улица») (в последнем примере замена компонента сопровождается введением в текст кроссвордной статьи элемента, раскрывающего значение узуального фразеологизма: «выкинуть на улицу» – «уволить»);

3) замена компонента ФЕ, являющегося искомым словом, на лексему свободного употребления, означающую родовое понятие (родовую принадлежность): *инструмент, которым деньги гребут* (узуальная ФЕ – «гresti деньги лопатой», искомое слово – «лопата»), *и ведь никто не знает, где эти членистоногие зимуют* (узуальная ФЕ – «где раки зимуют», искомое слово – «раки»), *водоем, у которого ждут погоду* (узуальная ФЕ – «ждать у моря погоды», искомое слово – «море»), или на словосочетание, означающее родовую принадлежность: *представитель фауны, бегущий на ловца* (узуальная ФЕ – «на ловца и зверь бежит», искомое слово – «зверь»), *волевая часть лица* (узуальная ФЕ – «волевой подбородок», искомое слово – «подбородок»).

3. Структурно-семантическая трансформация фразеологизмов, приводящая к появлению окказиональных ФЕ, осуществляется посредством замены компонента фразеологизма, при которой заместитель-конкретизатор сообщает преобразованной ФЕ значение, свойственное искомому слову – лексеме свободного употребления: *язык, что до Калькутты доведет* (узуальная ФЕ – «язык до Киева доведет», искомое слово – «хинди»).

Нельзя не отметить, что при структурной трансформации посредством замены компонента и структурно-семантической трансформации, не приводящей к нарушению тождества фразеологической единицы, посредством того же способа, искомым словом обычно является замещенный

компонент, а при замене компонента, приводящей к появлению окказиональной фразеологической единицы, искомым словом чаще всего выступает лексема свободного употребления.

Для расшифровки кроссвордной статьи на основе фразеологизма, преобразованного посредством замены компонента, необходимо, прежде всего, восстановить исходную форму языковой единицы. Так, в кроссвордной статье *«корнеплод хрена не слаще»*, где произошла замена компонента фраземы на лексему свободного употребления, означающую родовое понятие (редька → корнеплод), восстанавливается узуальный фразеологизм *«хрен редьки не слаще»*, после чего без труда обнаруживается искомое слово: «редька». Помимо замены, в данном примере наблюдается также и инверсия компонентов фразеологической единицы.

Отметим, что сочетание различных способов трансформации ФЕ при построении кроссвордной статьи – явление распространенное. В процессе преобразования путем замены компонента узуальный фразеологизм может подвергаться буквализации, расширению компонентного состава, контаминации и др. Например, в кроссвордной статье *«тертая булка в виде замка с ручкой»*, где трансформации подвергается узуальный фразеологизм «тертый калач», замена компонента «калач» на синонимичную лексему свободного употребления «булка» сопровождается расширением компонентного состава за счет введения уточняющего элемента-сравнения «в виде замка с ручкой», который обращен к ассоциативному мышлению и зрительной памяти носителя языка.

Замена компонента ФЕ на лексему свободного употребления, означающую родовую принадлежность, также может производиться в сочетании с другими видами трансформаций: в кроссвордной статье *«сидорово парнокопытное»* (узуальная ФЕ – «драть как сидорову козу», искомое слово – «коза»), помимо замены компонента «коза» на родовое понятие «парнокопытное», наблюдается усечение компонентного состава фразеологизма, а в кроссвордной статье *«среди этих пернатых особенно выделяются экземпляры белые и в павлиньих перьях»* происходит замена компонента «ворона» на лексему, означающую родовое понятие, «пернатые», а также конта-

минация двух узуальных ФЕ – «белая ворона», «ворона в павлиньих перьях».

Таким образом, изучение трансформированных фразеологических единиц, составляющих основу кроссвордной статьи, показывает, что даже при значительных отклонениях от исходной языковой формы, фразеологическая единица сохраняет свою узнаваемость для носителя языка, опознается и восстанавливается им. Это позволяет говорить о большой степени устойчивости и воспроизводимости прецедентных высказываний, составляющих когнитивную базу носителей определенной лингвокультуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Красных, В.В. Лингво-когнитивные основы воспроизводимости [Текст] // Вестник ЦМО МГУ, 2009, № 3. Лингвокультурология. С. 54-62.
2. Мелерович, А.М., Мокиенко, В.М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. [Текст]. – М., 2005.
3. Молотков, А.И. Некоторые особенности употребления фразеологизмов в современном русском языке [Текст] // Нормы современного русского литературного словоупотребления. – М.-Л., 1966. С. 92-100.

Е.Р. Ратушная, Е.И. Ратушная
Курган, Екатеринбург

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЛЕКСЕМЫ *ВЛАСТЬ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

При реконструкции концепта «власть» в современном русском языке мы вслед за З.Д.Поповой и И.А.Стерниным опирались на лексикографическое толкование слова *власть*, репрезентирующего данный концепт. Это позволило выявить особенности формирования семантических признаков концепта. Исследование включает этимологическую характеристику, анализ словарных дефиниций и реализации частных значений слова.

В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера происхождение слова *власть* связывается со словом *волость* – «область, территория, государство, власть» [3, 344].

Подробное описание слова *власть* представлено в «Словаре Брокгауза и Ефрона». Авторы отмечают, что «власть в общем и широком смысле есть господство одного над другим или другими», которое принадлежит кому-либо либо на основании его абсолютного превосходства перед всеми другими – такова власть Божия; либо на основании относительного преимущества [4, 672]. Власть может быть политическая, государственная, гражданская, дисциплинарная и карательная, под которой понимается «функция или сторона государственной власти, в силу которой определяются и осуществляются наказания за преступления» [4, 673-679].

В словаре В.И. Даля *власть* определяется как «право, сила и воля над чем, свобода действий и распоряжений; начальствование; управление; // начальство, начальник или начальники» [1, 85]. Автор подчеркивает семантическую связь лексемы *власть* с ее словообразовательными дериватами: *властный* – кому дана власть, сила, право и воля чем распоряжаться; *сильный*, *могучий* властью; *властительство*, *властелинство*, *властельство*; *волостельство*, *власть* или *владычество*, *господство*, *полновластное управление*; *властвовать*, *властить*, *властельствовать* чем, над кем, управлять властно, *господствовать*, *повелевать*, *распоряжаться*; *властвование*, *владение*, *управление*, в значении действия; *господствование*.

Кроме того, лексема *власть* входит в состав сложных слов, в семантической структуре которых содержатся семы «господство», «подчинение», «владение», «могущество»: понятие власти неразрывно связано с понятием «держава». Например: *властодержавный*, *державновластный*, *властодержец*, *властодержца* – «верховный властелин, государь». Словообразовательное гнездо лексемы *власть* также включает производные, образованные от слова *любить*: *властолюбие* (ср. *любоначалие* – страсть к господству, ко властвованию); *властолюбивый*, *страстный до власти*, *добивающийся самовластия*; *властолюбец* и *властолюбица* – человек, безмерно любящий властвовать, начальствовать, никому не желающий подчиняться; *властоненавидец*, *властоненавистник* – возмутитель, своевольник, не терпящий властей [1, 85-86].

В «Словаре современного русского литературного языка» в 17-ти томах в толковании слова *власть* выделяются 5 значений. Основное зна-

чение слова – «право и возможность повелевать, распоряжаться действиями, поведением кого-либо». В семантической структуре данного значения выявляются семы «право», «возможность повелевать», «распоряжаться», которые семантически связаны с потенциальными семами «влияние», «управление», «господство», «подчинение», «могущество».

Данные семы актуализируются при формировании последующих значений слова. Между всеми значениями лексемы *власть* существует семантическая взаимосвязь. Второе значение связано с первичным по семам «влияние», «сила», «могущество»: «могущественное влияние чего-либо, неодолимая сила чего-либо». Последующие значения формируются с помощью семы «управление», которая может актуализироваться в государственной и политической сфере: «форма управления страной», «право и возможность управления государством», «органы государственного и местного самоуправления», «права и полномочия органов государственного управления», «права и полномочия должностных лиц». Семантическое развитие лексемы *власть* приводит к возникновению метонимического значения «о должностных лицах, начальстве, администрации».

Сочетаемость лексемы *власть* в русском языке определяется семантической структурой данного слова. Например:

Турецкие министры и диван были готовы удовлетворить все требования египетского паши, и в частности предложить ему наследственную власть в Египте (А. Ковалев. *Азбука дипломатии*). – в данном контексте реализуется значение «форма управления страной».

Законы военного времени дали огромную и широко простирающуюся власть директору оборонного завода. (В. Кожевников. *В полдень на солнечной стороне*). – в данном контексте актуализируется значение «права и полномочия должностных лиц».

– Агроном даже пучок моей пшеницы гарновки возил в Ростов на показ властям, – с гордостью продолжал Яков Лукич. (М. Шолохов. *Поднятая целина*). – в данном контексте актуализируется значение «органы государственного и местного самоуправления».

Лексема *власть* в русском языке имеет богатый фразеобразовательный потенциал, под которым мы понимаем способность слова входить в

состав фразеологических единиц. Семантическая структура лексемы *власть* служит базой для образования различных фразеологических единиц, например: *во власти (кого-либо, чего-либо) (быть, находиться и т.п.)* – «полностью зависеть от кого-либо, быть в подчинении у кого-либо»; *в моей (твоей, его и т.п.) власти делать что-либо; брать (взять) власть; упиваться властью; стоять у власти* и других. В индивидуальном значении фразеологизмов присутствуют семы «влияние», «подчинение», которые формируются на основе лексического значения слова *власть*.

Фразеологизмы выступают для характеристики действий человека в служебной или политической обстановке либо используются в области межличностных отношений, в которых субъект действия оказывает морально-психологическое воздействие на другого человека. Семантика предметных фразеологизмов с компонентом *власть* связана с понятием политической силы, могущества, подчинения: *власть имущие (предержащие)* – «лица, стоящие у власти, облеченные властью». Например:

Не в моей власти разрешать печатать то, что уже было однажды напечатано в газете (А.Чехов. Письмо Ф.А. Куманину).

– Голова моя в твоей власти: отпустишь меня – спасибо; казнишь – Бог тебе судья (А.Пушкин. Капитанская дочка).

- Мы думали, не исправника ль принесла нелегкая. – Ха-ха-ха! – громко захохотал Скорняков. – А разве ноне стал бояться властей предержащих? (Мельников-Печерский. В лесах).

Таким образом, проведенный нами анализ лексикографического толкования лексемы *власть* в русском языке показал сложную семантическую структуру слова, которая находит отражение в различных словарях и обуславливает лексико-семантическую сочетаемость лексемы. В ее семантике выявляются многочисленные значения и их оттенки, которые служат основой для формирования фразеологических единиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Даль В.И. *Иллюстрированный толковый словарь живого великорусского языка.* – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. – 448 с.

2. *Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. – Т.П. – М.: Русский язык, 1991. – 960 с.*

3. *Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. – Т. 1. – М.: Изд-во Прогресс, 1964. – 562 с.*

4. *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб.: Изд-во «Семановская Типолиитография», 1890-1907.*

Д.Ф. Сагандыкова
Снежинск

МИКРОКОМПОНЕНТНЫЙ СОСТАВ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОННОТАЦИИ

Подробный анализ коннотации рассматривается учеными на сегодняшний день как одна из важных задач современного сопоставительного языкознания. Исследование коннотации ведется на основе лексического и фразеологического материала. Коннотация влияет на раскрытие семантики фразеологизмов, на их классификацию. Коннотация продолжает оставаться одним из актуальных направлений современной лингвистической науки. Коннотация лежит в основе описания проблемы, связанной с фразеологической коннотацией. Многие лингвистические исследования по проблеме коннотации внесли изменения в понимание природы фразеологической коннотации.

Для более полной характеристики рассматриваемого вопроса была изучена литература по проблеме исследования. Сфера таких исследований весьма разнообразна и получила освещение в ряде научных направлений.

Коннотация презентуется как понятие, которое заимствовано из логики и философии. Коннотация показывает связь, которая отражается в различных формах, видах значения (коннотат) и названиях. Коннотат связан с денотатом, он показывает смысл предмета в имени, а коннотация характеризует реальный предмет [Солодовников 2002: 618; Постмодернизм. Энциклопедия: 373-374].

Толковый словарь русского языка С.А. Кузнецова рассматривает коннотацию [лат. *connotatio*] как «дополнительное, сопутствующее смысловому приращение языковой единицы» [Кузнецов 1998: 1536].

В немецком словаре «DerGrosseCoron» коннотация представлена как совокупность ассоциативных, эмоциональных и оценочных составляющих семантики слова [DerGrosseCoron 1988: 156].

Одни исследователи понимают под коннотацией оттенки значения слова, которые находятся на периферии и выступают в роли дополнительных сем по отношению к ядерной семе слова. Другие исследователи считают, что между коннотацией и смыслом слова нет ничего общего. Анализируются составляющие коннотации, описывается связь коннотации с ассоциациями.

Исследователи выделяют в коннотации различные компоненты, составные части, элементы. Среди составляющих коннотации выделяются образность, оценочность, экспрессивность, эмотивность, стилистические компоненты.

Наряду с лексической коннотацией в лингвистических исследованиях выделяют фразеологическую коннотацию.

Следует отметить работы А.В. Кунина, А.М. Мелерович, А.Г. Назаряна, авторы которых приравнивают коннотацию к коннотативно-оценочному компоненту фразеологического значения, который понимается как оттенок эмоциональности и оценочности [Бирих, Волков, Никитина 1993: 26].

А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко подчеркивают тесную связь денотата (предметное значение) и коннотата. «Коннотативный элемент не может быть выражен вне связи с предметным содержанием. Любые словесные и фразеологические знаки тем или иным способом соотносятся с явлениями действительности, отражая их объективные свойства непосредственно в своем предметном содержании или посредством выражения эмоций, оценки, разнообразных отношений субъекта к воспринимаемому явлению» [Мелерович, Мокиенко 2008: 53].

В.М. Мокиенко и А.М. Мелерович делят культурные компоненты на группы [Мелерович, Мокиенко 2008: 55-56].

1. Компоненты культуры денотативного и сигнификативного плана, благодаря которым знаки входят во фразеологическую единицу с основным лексическим значением.

2. Компоненты культуры денотативного и сигнификативного плана, в которых фразеологизмы косвенно выражаются при помощи метафоры.

3. Компоненты культуры возникают как в семантике фразеологической единицы, так и в смысловом содержании ФЕ. Смысловое содержание фразеологической единицы и ее реальный образ составляют осознание, которое отходит от образа, но входит в семантику фразеологических единиц [см. также Телия 1996: 232].

Смысл коннотата и денотата связан со структурой слова. Коннотат фразеологизма сопоставляется с составом всего фразеологизма в целом, а не с каждой составляющей фразеологизма. Коннотация свойственна каждому языковому знаку, который используется в речи носителя языка. При употреблении языкового знака во фразеологизме образуется фразеологическая коннотация, лексическое значение при этом опускается, выводя на первый план фразеологическое, закрепляется в нем [Мелерович, Мокиенко 2008: 59].

Фразеологическая коннотация основывается на создании отвлеченного смысла (семантики) фразеологизма от смысла каждой составляющей фразеологизма. Коннотация способствует развитию отвлеченного обобщенного значения фразеологической единицы. Постоянные, общеупотребительные коннотации фиксируются в сочетании компонентов, соотносятся с фразеологизмом.

Для определения основных черт и характеристик фразеологической коннотации необходимо более детально исследовать фразеологизм. Именно это поможет описать проблему фразеологической коннотации и определить отличия фразеологической коннотации от лексической.

Фразеологическая единица (красный) «как рак» (рус.) соответствует аналогу фразеологизма в немецком языке (rot) «wieeinKrebs» (нем).

Компонент – имя существительное рак/Krebs выделяет сему выразительности (коннотативности) ФЕ, положительной или отрицательной оценочности, высокой эмотивности и экспрессивности, выражает застенчивость и неловкость. Компонент – имя прилагательное красный/rot отображает не только отрицательное значение (опасность и агрессию), но и положительное (торжество и неотразимость).

Сочетание этих компонентов выделяет сильную степень проявления смущения и застенчивости, экспрессию проявления внутреннего состояния, связанного со стыдом, позором, сильным смущением. Благодаря компоненту как/wie актуализируется сема сравнения. Следовательно, основной семой ФЕ является сема стыда и смущения.

Фразеологическая единица (красный) «как рак» (рус.) / (rot) «wieeinKrebs» (нем) имеет только одно значение – значение смущения, стыда, конфуза, неудобства. Степень проявления этого значения бывает различной: от самой маленькой до наивысшей.

Вышел из бани красный как рак (по цвету вареного) [Кузнецов 1998: 347].

В данном примере сема коннотативности и сравнения возникает в результате внешнего сходства человека с раком. Степень проявления ядерной семы смущения низкая. Центральное место отведено образу, который формирует семантику фразеологизма и связывает его с явлениями действительности.

Откупщик покраснел как рак. Он понимает, что, как тут ни вертись, а от издержек не отвертишься... (Салтыков. Сатиры в прозе. Литераторы-обыватели).

Он покраснел как рак и ужасно сконфузился (Достоевский. Преступление и наказание).

В этих примерах отмечается средняя степень проявления семы смущения и стыда. В отличие от первого примера, во втором возникают оттенки достоверных фактов, оттенки правды. В основе образа лежит разоблачение человека и самоуничижение.

В данных примерах употребления фразеологической единицы степень проявления смущения зависит от контекста. В исследуемых единицах рассматривается семантика компонентов, формирующая различную степень проявления стыда. Из этого следует, что индивид связывает покраснение рака с семой неудобства и стеснения.

Слово-сопроводитель «красный» подчеркивает негативную оценочность: быть красным, да еще и в крайней степени – это признак крайнего смущения из-за неблагоприятного поступка. Красный цвет – цвет лица от

смущения, связанного со стыдом или обидой. Фразеологизм как рак /wieeinKrebs имеет значение «в крайней степени», «очень сильно». «Центр» коннотативной насыщенности заключен в компоненте «рак/Krebs». Рак становится красным в процессе варки. Человек краснеет в процессе осознания стыда, крайней неловкости от смущения. Оценочность пронизывает значение фразеологизма. Номинативный и коннотативный макрокомпонент неразрывны друг с другом.

Слово-сопроводитель *красный/rot* по своей природе является экспрессивом, обозначает внешний признак как показатель внутреннего состояния. Компоненты *красный/rot* и *рак/Krebs* придают яркую эмотивно-экспрессивную окраску всему выражению (слово-сопроводитель+фразеологизм). В качестве слов-сопроводителей также сочетается: покраснеть/ *rotwerden*.

Употребление фразеологической единицы в русском и немецком языках совпадает. Ядерная сема стыда и смущения характерна как для фразеологизма в русском языке, так и для фразеологической единицы в немецком языке. Сема неловкости и застенчивости тесно связана с коннотативностью семантики, которая выражается через компонент – имя существительное *рак/Krebs* и компонент – имя прилагательное *красный/rot*.

Благодаря семантике фразеологической единицы и ее образности, эмоциональности, экспрессивности, яркости создается языковая картина мира. Сравнительно-сопоставительный анализ фразеологизмов двух языков играет огромную роль в описании проблемы коннотации. На примере фразеологизмов мы можем проследить и увидеть структуру коннотации, определить ее специфические и универсальные черты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бирих, А.К. *Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник* / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. – Санкт-Петербург: Фолио-Пресс, 1999. – 704 с.
2. Кузнецов, С.А. *Большой толковый словарь русского языка* / С.А. Кузнецов. – Санкт-Петербург: Норинт, 1998. – 1536 с.
3. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. *Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка*. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. – 484 с.

4. Солодовников, С.Ю. *Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия* / Гл. науч. ред. и сост. С.Ю. Солодовников. – Мн.: МФЦП, 2002. – 1008 с.

5. Телия В.Н. *Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. – М., 1996. – 107 с.

6. *Der Grosse Coron. Band 10: Kast-Land / Das moderne Nachschlagwerk in 20 Bänden*. – Hrsg. u. bearbeitet v. d. Meyer – Lexikonredaktion des Vlg. Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus AG / Chefredaktion: Karl-Heinz Ahlheim, Dipl.-Phil. Gisela Pres/MitSonderbeitragen von Reinhard Schoeneberg und Heinz Zemanek. Mannheim: Coron Verlag Lachen am Zuerichsee, 1988. 496 s.

Г.М. Самойлова
Курган

ОСОБЕННОСТИ БЫТОВАНИЯ ВОСТОЧНОГО «СЕМАНТИЧЕСКОГО КОНДЕНСАТА» В РУССКОМ РОМАНЕ XIX ВЕКА

Любая культура в исторической перспективе обретает некое условное единство, опирающееся на общность внутреннего строя: античная культура – это ясность и гармония, французская – игривость, остроумие, затейливость, средневековая – это готика, устремленная вверх, и т.д. Каждый культурно-исторический пласт, обладающий маркированностью и узнаваемостью, вбирает в себя массу образующих его имен, деталей, подробностей, событий. Их осознанное или случайное упоминание в чужом тексте вызывает поток ассоциаций и актуализацию соответствующего культурно-исторического аспекта в читательском сознании. Так возникает взаимодействие культур и времен, обогащающее многих. Каждый компактный и емкий пласт, включаясь в процессе своего бытования в многочисленные ассоциативные связи, объединяющие автора и читателя, постоянно обогащается, превращаясь в своеобразное смысловое сгущение – «семантический конденсат». Поэтому ни один большой писатель не может не опираться на разнообразные культурно-исторические пласты, выстраивая их иерархию внутри собственного произведения в соответствии со своими конкретными пристрастиями и вкусами.

У истоков рассматриваемой проблемы – теория заимствований, являющаяся одной из древнейших в литературе. По мнению античных теоретиков, подражание требует некоего прообраза. В средневековой арабской поэтике уже к IX-X векам было разработано оригинальное учение о заимствованиях, учитывающее степень зависимости авторов от своих предшественников. Сначала средневековая филологическая мысль шла привычным путем, говоря об элементарном варьировании старого. Потом возникла идея «скачка», изобретения. Так, известный представитель арабской филологии Ибн Табатаба, умерший в 933 году, писал в своем труде «Мерило поэзии» о заимствованиях следующее: «И нуждается тот, кто последовал этим путем в тонкой уловке и внимательном взгляде при использовании мотивов, их заимствовании и облачении, чтобы они стали незнакомыми для критиков и проницательных людей, и чтобы лишь он один знал об их известности» [1, 241]. В литературе нового времени подобная «скрытность», запятанность заимствований не всегда преобладает, впрочем, и прямая ссылка на источник присутствует довольно редко. Дело в том, что именно «узнаваемость» источников способствует в большой степени возникновению ассоциативного «поля напряжения» между богатейшим культурно-историческим пластом и самим произведением.

Возникает диалог культур, где нет ни первого, ни последнего слова и который уходит в безграничное прошлое и безграничное будущее. По мнению М. Бахтина, «даже прошлые, т.е. рожденные в диалоге прошедших веков, смыслы никогда не могут быть стабильными и навсегда завершенными (конечными)» [2, 393]. И в этом «большом диалоге» культур почетное место принадлежит «энергонасыщенным», постоянно меняющимся, но внутренне устойчивым культурно-историческим «пластам». Самым универсальным протоисточником русских романистов второй половины XIX века следует признать Библию с ее раннефеодальной ментальностью. Библейский историко-культурный пласт – один из особенно значимых и насыщенных. В многочисленных работах современных литературоведов раскрываются его различные грани. Бесспорно, что русские авторы искали и находили в библейских историях внутреннюю опору для себя, для своих собственных построений. Они подключались к вечному,

вневременному, углубляя тем самым эмпирический материал, связанный с конкретным повествованием. Но библейский культурно-исторический пласт – далеко не единственный в русской литературе XIX века.

Как различные пласты входят в произведение? По каким приметам читатель может угадать их присутствие в тексте? При ответе на эти вопросы мы неизбежно обращаемся к внефабульным связям и всякого рода сцеплениям, позволяющим почувствовать нечто общее в растворенных в тексте и часто дистанцированных друг от друга элементах. Упоминания, намеки, параллели, цитаты создают те «ажурные опоры» размытых культурно-исторических пластов, которые дают возможность не терять их из виду и постоянно ощущать как нечто инородное и в то же время свое в конкретном тексте. Потеря выделенности, некоей чуждости лишает культурно-исторические пласты той игры, присущего им особого субъективно-эмоционального ореола, который они приносят в произведение.

Обычно автор так организует текст, чтобы подчеркнуть нужное, сфокусировать внимание читателей на определенных моментах, подать «сигналы» читателю. В русле стилистики декодирования лингвисты отмечают в данном случае присутствие принципа «выдвижения» [3], когда, к примеру, повтор какой-то детали останавливает читателей, заставляет соотносить и сравнивать аналогичные сцены и т.д. Часто этот процесс может проходить в подсознании, в тайных глубинах человеческой личности, лишь изредка прорываясь на поверхность. Нельзя забывать, что чтение классики, в отличие от беллетристики, – напряженный труд, активизирующий все сферы психики, заставляющий быть внимательным к каждому элементу текста.

Ситуация к тому же осложняется тем, что необозримое количество «культурных кодов», присутствующих в романе, впитывается автором бессознательно. По этой причине французский ученый Р. Барт называл литературу «языком других». Чтобы свободно «играть литературой», варьируя и комбинируя элементы в любой последовательности, писатель должен, по мнению Барта, проявить намеренную литературность, умение владеть «общими местами», что спасет его от банальности.

Уже в романтический период, многими писателями была глубоко осознана очевидная мысль о том, что опора на образы и строй мыслей творцов разных веков и народов способствует наиболее яркому самовыражению. Романтики ощутили себя на вершине горы, с которой открывалось удивительное богатство существовавших духовных миров. Новалис писал, что идея бывает тем более основательной, индивидуальной, чем разнообразнее мысли, миры и настроения, которые скрещиваются и соприкасаются в ней.

Культурно-исторические пласты разной степени разветвленности входят в русские классические романы, подчиняясь законам их существования. Способы «внедрения» и своеобразной «иннервации», т.е. снабжения «поддерживающими» опорами, обеспечивающими «сквозной» характер их расположения в тексте, весьма различны, индивидуально неповторимы. Но общее заключается в том, что дистанцированные друг от друга элементы сближаются с себе подобными, образуя второй план произведения. Каждая из культурно-исторических общностей обладает собственным суггестивно-эмоциональным ореолом, который она и привносит в текст произведения. Идет процесс иррадиации, когда «привнесенное» оказывает воздействие на контекст, образуя определенный фон. В свою очередь, конкретное произведение оставляет на культурно-историческом включении, продолжающем свою жизнь в мире большой культуры, собственные, весьма ощутимые следы. Так формируется «семантический конденсат».

Особое место в русских романах XIX века занимает восточный культурно-исторический пласт. Он не является ярко выраженным, бросающимся в глаза, но его присутствие ощущается в произведениях многих авторов. Писатели не полемизируют с тем, что несет в себе восточный дух. Они, скорее, констатируют его присутствие. Правда, выявление растворенного в романах восточного пласта представляет известные трудности по причинам, связанным с его подтекстным существованием. Однако отдельные элементы, точки, мазки, связанные с определенным началом, способны образовать нечто целостное и по-своему замкнутое как в самом произведении, так и в сознании воспринимающего.

Восток издавна притягивал к себе русское сознание. Он представлял как сказка, мечта, нечто далекое и таинственное. Знаменитые «Хождения за три моря» Афанасия Никитина в какой-то мере удовлетворяли живущую в человеке страсть к познанию, духовному освоению новых, неизведанных миров. Кстати, «национальные модели мира» современного исследователя Г. Гачева во многом продолжают и развивают эту устойчивую традицию.

Восточное начало ассоциировалось со всем экзотичным, необычным. «Каиб» И. Крылова, написанный в XVIII веке, следовал этой традиции. Но постепенно восточный пласт все более сближался с русской действительностью. Он помогал понимать и истолковывать те явления, которые писатели наблюдали в окружающей жизни. В русских романах середины XIX века эта тенденция заявила о себе наиболее отчетливо.

Писатели этого периода с глубокой заинтересованностью относились к Востоку, использовали любые возможности для познания притягательного для них уголка земли. Достоевский даже в самый напряженный момент подготовки к Пушкинским торжествам 1880 года сообщал жене в письме от 28 мая: «Время идет. Не был у Чаева, надо заехать к Варе, хотел бы тоже познакомиться с архиереем Николаем Японским и здешним викарием Алексеевым – очень любопытными людьми» [4, 329]. Заинтересовавший Достоевского Николай Японский был основателем православной миссии в Японии. В 1860 годы он печатал в «Московских ведомостях» «Письма из Японии». В «Русском вестнике» за 1869 год появилась его статья «Япония с точки зрения христианской миссии», которая не могла не обратить на себя внимание Достоевского.

Восток в мировосприятии русских романистов обретает новые, не свойственные литературе предыдущих лет черты. Восточное начало обнаруживается теперь в таинственных глубинах душевного строя персонажей. Оно ощущается как органическая часть русского менталитета, нечто стойкое, постоянное и не поддающееся эфемерным веяниям. В романе Достоевского «Идиот» финал первой части ознаменован странным поведением Настасьи Филипповны, «отпускающей» Тоцкого и уходящей с Рогожиным в никуда. Недоуменный вопрос присутствующих: «Что это?» –

разрешается всего одним словом: «Это – харакири». Следуя старинной японской традиции, а также тому началу, которое заложено в глубинах русской души, Настасья Филипповна своеобразно наказывает обидчика, безжалостно расправляясь с собой, губя собственную жизнь. Кстати, восточное начало поддерживается в «Идиоте» упоминанием дорогой китайской вазы, которую разбивает Мышкин, фарфоровыми чашками, искусством каллиграфии, которым владеет князь и которое так высоко почитается на Востоке. В финале романа все персонажи сохраняют свое лицо, выражаясь восточным слогом: Настасья Филипповна принимает смерть, а Мышкин по-христиански гладит и жалеет убийцу. Отдельные элементы, дистанцированные друг от друга в тексте, образуют собственный культурно-исторический пласт. Восток в творчестве Достоевского выступает не как некая экзотическая условность, дополняющая самостоятельный европоцентристский мир, но как равноценное, равномогущее, а в чем-то даже превосходящее Запад культурное явление, обладающее огромным духовным и эстетическим потенциалом.

В XIX веке загадочные дальние земли изучаются учеными разных направлений. Восток в этот период уподоблялся болезненной шишке, неожиданно вскочившей на затылке всего цивилизованного мира. Многие с надеждой взирали на Россию. Казалось, что именно эта европейская и восточная страна обязана объяснить миру странный феномен Востока. Литература XIX века в чем-то даже опережала науку своего времени, интенсивно осваивая скрытые душевные глубины и находя в них отголоски того, что связано с восточным началом. Освоение Востока в самих себе шло в XIX веке, может быть, активнее научных разысканий, связанных с рассмотренной тематикой.

Восточное начало все более завладевало Тургеневым. Будучи атеистом, он вместе с тем стремился к оформлению своих жизненных впечатлений в какие-то завершенные формы. Его финальные «Стихотворения в прозе» удивительно соответствуют глубинному японскому мироощущению. Да и самим японцам импонирует сострадательная мягкость, сдержанность, спокойствие, всепроникающий лиризм писателя. Японский исследователь и переводчик русской литературы Фтабатэй Симэй писал:

«Аромат Тургенева – в настроениях грусти поздней весны. Его поэтическая идея не напоминает ни зиму, ни лето. Это весна. Но это не ранняя весна и не середина весны. Это – конец весны, когда вишня в полном расцвете, лунным вечером, когда призрачная прекрасная весенняя луна сияет в далеком, подернутом туманной дымкой небе. Иначе говоря, то, что в этой красоте сквозит какая-то грусть, и есть поэтическая идея Тургенева» [5, 386]. Традиционная для японцев незавершенность, незаконченность по-своему прозвучала в «Стихотворениях в прозе» Тургенева. Она предполагала богатство ассоциаций, глубину соучастия, а также активизировала воображение и давала простор мысли и чувству.

Пустота соединяет автора с читателем. И эту особенность японского мироощущения невозможно понять, не осознавая того, что значит для японцев небытие. Неуловимость, неопределенность, недосказанность – эти свойства обусловлены предощущением небытия. Все исходит из небытия и в него возвращается. С невидимым общаются в молчании, о нем говорят намеками. По словам мастера дзэн Тикамацу Мондзаэмон, «если печальное прямо именовать печальным, то слово теряет свой глубинный смысл, а под конец исчезает и чувство печали. Нужно не говорить «грустно, печально!» – а надо дать почувствовать печаль без слов» [6, 207]. Ощущение небытийности мира порождает недосказанность, обращение к приему намека. Вспомним известное трехстишие Басе:

На голой ветке

Ворон сидит одиноко.

Осенний вечер!

По всей вероятности, Тургенев не был знаком с творчеством этого средневекового японского автора (в XIX веке Япония лишь чуть-чуть приоткрылась для внешнего мира). Но в стихотворении в прозе Тургенева «Без гнезда» можно найти удивительную переключку с шедевром Басе: «Я как одинокая птица без гнезда. Нахохлившись, сидит она на голой, сухой ветке». Рассматривая «Стихотворения в прозе» Тургенева в свете японской поэтики, можно обнаружить бесчисленное количество переключек, что доказывает внутреннее приближение писателя к Востоку, частично осуществленное в его романах.

В письме Н. Некрасова Тургеневу от 15 (27) ноября 1852 года можно найти отклик на статью Е.Ф. Корша «Япония и японцы»: «Читай в «Современнике» статью о Японии. Я редко над чем так смеялся, как над некоторыми чертами этого милого народа» [7, 97]. Тургенев откликнулся с восторгом: «Зато «Япония и японцы» Корша – просто прелесть, хоть расцеловать его за эту статью. Корш – бесспорно лучший русский обозреватель в английском вкусе» [7, 98]. Сам Тургенев, живя во Франции, немного даже кокетничал загадочным восточным началом, живущим в душе русского человека. Это начало, по его мнению, с любопытством воспринималось европейцами. После появления работ Н. Бердяева проблема загадок русской души стала чуть ли не общим местом в европейской культуре. Таким образом, именно русский роман XIX века во многом осуществлял тот синтез западного и восточного начала, который подсказывался ходом духовного прогресса человечества, его внутренней логикой.

Ориентальная модель мира присутствовала во многих романах русских авторов XIX века. Она помогала глубже понять авторскую точку зрения, события и характеры произведения. Часто размытая, неопределенная, лишенная отчетливых очертаний, эта модель ощущалась и читателями, помогая им понять действительность. В романе И. Тургенева «Новь» восточное начало обнажало глубинную суть народничества с его изначальной жертвенностью и обреченностью. Не только отдельные характеры, но и целые общественные движения соотносимы, таким образом, с восточным мироощущением. Упомянутая Тургеневым легендарная колесница Джаггернаута, под которую бросались фанатичные индийцы, чтобы в восторге умереть, многое объясняет в поведении народников второй половины XIX века, в сути того движения, которому они самозабвенно отдавались.

Восточные мотивы заявляют о себе и в романах Толстого. В философских построениях автора учитываются взгляды, высказанные восточными мудрецами. Размышления о нирване и сансаре навеяны во многом буддийским отношением к миру, хотя и воспринятым Толстым сквозь призму философии Шопенгауэра. В мироощущении автора «Войны и мира» исследователи находят нечто родственное японскому принципу югэн,

согласно которому важно «не любование миром, а содрогание перед его непостижимостью» [8]. Всех героев «Войны и мира» можно разделить на героев «нирваны», видящих бесконечность, живущих в вечном, духовном мире, и героев «сансары», для которых никогда небо не открывает своей загадочной глубины. Небо суждено увидеть не только Андрею Болконскому, Пьеру Безухову и Николаю Ростову, но и народу, простым людям, солдатам, согревшим и накормившим француза, а потом взглянувшем вверх: «У, как вызвездило».

Таким образом, восточный культурно-исторический пласт в русской литературе проходит стадию существования в качестве любопытного, но несколько чуждого явления. Позже восточное входит в плоть и кровь русских персонажей. Вернее, глубже вглядываясь в русскую действительность и национальный характер, писатели открывают в ней органичное для нее восточное начало.

Думается, что влечение русских писателей XIX века к Востоку было не только данью моде, но и тем настроением, которое возникло в обществе в связи с очередным разочарованием в Западе, в тех ценностях, которыми он обещал осчастливить русское общество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Восточная поэтика. Тексты и исследования.* – М., 1996.
2. *Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества.* – М., 1984.
3. *Арнольд И.В. Стилистика декодирования.* – Л., 1974.
4. *Достоевский Ф.М. Письма в 4-х томах.* – М.-Л., 1928-1959.
5. *Тургенев в современном мире.* – М., 1987.
6. *Григорьева Т.П. Японская художественная традиция.* – М., 1979.
7. *Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем.* – М.-Л., 1961.
8. *Хализев В.Е., Кормилов С.И. Роман Л.Н. Толстого «Война и мир».* – М., 1983.

ПРОБЛЕМЫ КОГНИТИВНОГО АНАЛИЗА ТЕРМИНОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЫ

В настоящее время терминология находится в пределах общеупотребительного языка, но на правах самостоятельной области знаний. Такое положение терминологии обуславливает, с одной стороны, обязательность для нее общих тенденций развития языка, с другой стороны, известную свободу, самостоятельность в развитии терминологии.

Для понятия термин нами принимается следующее определение: термин – это слово или словосочетание специальной сферы употребления, являющееся наименованием научного или производственно-технологического понятия и имеющее дефиницию. Терминология в широком смысле слова воспринимается как часть словарного состава языка, охватывающая специальную лексику, применяемую в сфере профессиональной деятельности людей [1: 46].

Развитие когнитивного подхода к явлениям языка способствовало рассмотрению языковых форм как производных концептуализации мира человеческим сознанием, а их значений – как определенных структур знания, концептов, схваченных языковыми знаками [8: 31]. Как отмечает один из ведущих отечественных терминологов С.В. Гринев, «когнитивные штудии» являются одним из наиболее перспективных направлений терминоведческих исследований наряду с типологическим, формальным и семантическим анализом [2: 31]. Однако следует отметить, что, несмотря на большое количество работ в этой сфере, вопросы семантического и когнитивного анализа конкретных наук остаются нерешенными. Из этого следует, что изучение терминосистемы психологической сферы имеет не только теоретическое, но и практическое значение как в плане пояснения законов формирования и функционирования отдельной терминологии, так и в определении ономастических и когнитивных особенностей данной сферы.

В качестве примера рассмотрим термин *ensorship*, использующийся в психоанализе. Цензура (от лат. *sensere* – ценить, оценивать, решать, определять) в психоаналитической теории З. Фрейда психическая функция и инстанция, осуществляющая фильтрацию содержания бессознательного, стремящегося проникнуть в сознание. Фрейд писал о русской цензуре, которой подвергаются иностранные газеты на границе, когда из них удаляются отдельные слова, фразы или целые абзацы, в результате чего трудно понять, о чем идет речь. По его словам, «цензор» подобного рода действует при психозах, приводя к бессмысленному бреду. Цензура сновидения способна производить перегруппировку и модификацию его материала. В результате осуществленного ею преобразования явное сновидение становится совершенно непохожим на его скрытые мысли.

Также можно сравнить семантику англоязычного термина и русского соответствия. В толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова *цензура: в древнем Риме – должность цензора (ист.), просмотр произведений (предназначенных к печати, к постановке в театре и т.д.), государственный орган, ведущий надзор за печатью, взыскание, налагаемое на депутатов в парламентах за нарушение внутреннего распорядка*. В Collins Advanced Dictionary: *ensorship is a policy or programme of censoring; the act or system of censoring; the censoring of books, plays, films, or reports, especially by government officials, because they are considered immoral or secret in some way; the activity of the mind in regulating impulses, etc, from the unconscious so that they are modified before reaching the conscious mind*. В результате мы наблюдаем то, что семантика англоязычного термина гораздо шире. В русский язык этот термин был заимствован в 18 веке из немецкого языка, а в английский язык он попал еще раньше из латинского языка в 16 в. Степень полисемии термина зависит от результата переработки и отрефлексированности языкового материала его носителем. С одной стороны, язык – это результат когнитивной деятельности человека, но, с другой стороны, эта деятельность постоянно переосмысливается и соответственно ведет к усложнению самого языкового материала.

На сегодняшний день существует несколько нерешенных вопросов, которые ставятся при изучении терминов психологической сферы. В част-

ности, нельзя не отметить размытость границ категорий, под которую попадают те или иные понятия. Если мы рассмотрим категорию психология эмоций, то можно наблюдать, что эта отрасль остается с неустоявшейся терминологией. Согласно классическому подходу, категория эмоций должна иметь набор четких признаков, причем необходимых и достаточных. Речь идет о наборе органических или поведенческих реакций. Однако установить четкие границы этих признаков чрезвычайно трудно, так как весьма часто толковые словари отражают нечеткие и размытые толкования понятий.

Прототипичный подход подчеркивает определение прототипа эмоции как категории, т.е. на определении типичного ее представителя, который имеет достаточное количество признаков, характерных для категории эмоций. Определенные виды эмоций различаются по степени типичности, в зависимости от того, сколько они имеют общих с прототипом признаков. Например, такие эмоции, как *радость* и *гордость*. В толковом словаре Д.Н. Ушакова: *радость* – это чувство внутреннего удовлетворения [7: 324]. В толковом словаре С. И. Ожегова: *гордость* – чувство собственного достоинства, самоуважения; чувство удовлетворения от чего-либо [4: 165].

Данные формулировки не дают нам представления о типичных признаках понятий. Часто говорят: «глаза светятся радостью, гордостью». Однако где проходит грань между общими и индивидуальными признаками и какие признаки более, а какие менее типичны? Ответ на сегодня дать сложно. Решая этот вопрос, необходимо обратиться к синонимичному ряду данных понятий. Синонимами понятия *радость* являются: веселость, веселье, восторг, жизнерадостность, забава, кайф, ликование, отрада, потеха, праздник, праздничное настроение и т.д. Антонимы: грусть, тоска, печаль, горе, страдание, скорбь, горесть, мука, горечь, боль, кручина, мучение, огорчение. Синонимами понятия *гордость*: высокомерие, заносчивость, надменность, кичливость, претенциозность, спесь, тщеславие, чванство, самолюбие, обидчивость, амбиция, гонор, самомнение. Антонимы: скромность, смирение [4].

Проанализировав синонимические и антонимические ряды, мы можем сделать вывод о том, что понятие радость дается с положительной

коннотацией, а понятие гордость – с отрицательной, что не указывалось в определениях этих дефиниций. Следовательно, можно уточнить данные выше дефиниции: *радость* – чувство удовольствия, наслаждения, *гордость* – чувство собственного достоинства, которое может выражаться в чрезвычайно высокой оценке человеком собственных качеств. Данный подход позволяет дать более четкое определение понятий, однако он не выявляет признаков, которые позволяют данным дефинициям находиться в составе категория эмоции. Для этого необходимо уточнить сам термин *эмоция*. *Эмоция (от лат. emoveo – потрясаю) – эмоциональный процесс средней продолжительности и степени, отражающий субъективное оценочное отношение к существующим или возможным ситуациям [7].* Наиболее важной характеристикой представляется продолжительность и сила чувств по времени, так как к категории эмоции можно отнести многие психические процессы, не относящиеся к ней, такие, как *любовь, аффект* и т.д. В вышеприведенных дефинициях *радости и гордости* указывается лишь один из признаков данной категории: субъективное оценочное отношение к чему-либо. Данный подход подчеркивает градуированную внутреннюю структуру категории эмоций с размытыми границами. Так, называя эмоцию, мы прежде всего ориентируемся на высоко-типичные примеры, которые, однако, не ограничивают поле этой категории. Для того чтобы уточнить ту или иную формулировку, необходимо провести полный анализ терминов.

В реальном функционировании термины представляют собой довольно пестрый набор разнообразных по происхождению, словообразовательной и ономаσιологической структуре и семантическим свойствам единиц. Помимо научного знания, в их когнитивной структуре могут быть отражены результаты обыденного и практического профессионального видов знаний, все они вступают между собой в сложное взаимодействие. О «присутствии» разных типов знания может сигнализировать сама форма терминов. Так, термины, созданные на основе общеупотребительных единиц, в той или иной мере включают в свою содержательную структуру информацию, полученную обыденным сознанием. То же касается терминов, которые яв-

ляются метафорическими (реже – метонимическими) образованиями или восходят к устной профессиональной среде.

В современной системе знания при дифференциации каждой научной области на более частные научные дисциплины происходит приращение терминологического фонда не только благодаря конструированию новых лексем, но и, в частности, за счет применения уже существующих лексических единиц для обозначения новых понятий в родственных или соприкасающихся сферах знания. Например, термин *депривация* функционирует в медицине, в психологии и в социологии и т.п. *Депривация* (англ. *deprivation* – *лишение, утрата*) в медицине: недостаточность удовлетворения каких-либо потребностей организма; в психологии – психическое состояние, возникающее в результате длительного ограничения возможностей человека для удовлетворения его основных психических потребностей; в социологии термин понимается как – недостаточность контактов с окружающей средой, накладывающая отпечаток на психическое развитие [6: 51]. В данном случае основным признаком, который продуцирует новые изменения в терминосистеме, является утрата или нехватка чего-либо для человека.

Термин *рефлекс* также является полисемичным. Данный термин обычно рассматривается как специфически видовая, врожденная модель поведения, которая в значительной степени неподконтрольна воле и выбору и обнаруживает небольшую изменчивость от особи к особи. Это значение предпочтительно в специальной литературе. В словарях этот термин рассматривается как не приобретенная связь между реакцией и стимулом. Это значение просто расширяет первое включением в определение наличия стимула, вызывающего рефлекс. Также дается более метафорическое значение – любое не осознаваемое, импульсивное действие. Это значение значительно шире, чем предыдущие [5]. Многие авторы употребляют взаимозаменяемо термины рефлекс и реакция, несмотря на тот факт, что термин реакция не несет никаких коннотаций специфически-видовых, врожденных качеств, имеющих у понятия рефлекс (по крайней мере, в его основном значении). Следовательно, многие составные термины употребляются с любым из этих двух общих названий; например, так называемая реакция испуга часто называется рефлексом испуга.

Рассмотрим толкование данного термина в англоязычных словарях. В качестве исходного значения словари указывают: a physical reaction to something that you cannot control; the ability to react quickly [8]; a mirrored image, a copy exact in essential or peculiar features, an automatic and often in-born response to a stimulus that involves a nerve impulse passing inward from a receptor to a nerve center and thence outward to an effector (as a muscle or gland) without reaching the level of consciousness, a linguistic element (as a word or sound) or system (as writing) that is derived from a prior and especially an older element or system. An action that is performed without conscious thought as a response to a stimulus; A thing which is determined by and reproduces the essential features or qualities of something else [11]. Приведем примеры употребления данного понятия:

The Barrayarans braced so fast it looked like a spinal *reflex*. I couldn't drop my eyes, trained *reflex* resisting the urge to look away. Indeed, the one change is but the *reflex* of the other. *Reflex*, routine, caution, professional courtesy.

В качестве синонимов указываются: reflection, image, reproduction. Следовательно, можно уточнить лексический прототип данного понятия: *reflex – an automatic and often inborn response to a stimulus or copy exact in essential or peculiar feature.*

Если рассмотреть термин *lethargy*, то в качестве исходного значения словари приводят следующие дефиниции: is the condition or state of being lethargic; a lack of energy and enthusiasm [9]; a pathological state of sleepiness or deep unresponsiveness; Morbid drowsiness [10]; continued or profound sleep, from which a person can scarcely be awaked [11]; a state of comatose torpor (as found in sleeping sickness); a pathological state of sleepiness or deep unresponsiveness and inactivity [12]. В основном все использованные для анализа словари приводят толкования значения *lethargy* как состояние патологического сна. Вслед за основным значением целесообразно привести примеры употребления данного термина в иных значениях. Наиболее часто этот термин используется для описания определенных состояний человека, таких как вялость, апатичность, заторможенность. Данные значения образованы путем метонимического переноса основного признака данной дефиниции (inactivity, a lack of energy). Приведем примеры: She suffered low-

grade fevers, mental *lethargy*, body fatigue and weakness. Или as he ate, he began to feel a strange *lethargy*. Также he described and imitated how don Juan would sit by the front door of don Genaro's house in a state of profound *lethargy* and then spring to life as soon as his lips touched the concoction. В качестве синонимов обычно указываются: stupor, torpor, coma, stupefaction, hypnotism, stupidity, morbid drowsiness. Среди антонимов мы наблюдаем vigor, quickness, readiness, promptness, aptness, alertness, quick-wittedness [11].

Приведенный анализ позволяет представить уточненную формулировку лексического прототипа *lethargy*: a pathological state of sleepiness and a lack of energy and enthusiasm. Добавлен компонент a lack of energy, поскольку он является устойчивым и смыслообразующим для переносных значений.

Любой языковой знак, в том числе единица профессиональной коммуникации, фиксирует и удерживает своей формой, структурой не всю информацию, связанную с обозначаемыми объектами и ситуациями, а фокусирует внимание лишь на определенных, коммуникативно и прагматически значимых сторонах. В соответствии с этим, типология единиц, используемых в рамках профессиональной коммуникации, может быть произведена на основе их коммуникативно-прагматической значимости.

Термин, в отличие от других единиц профессиональной коммуникации, – это максимально нагруженный смыслом знак; его содержательная структура, выражаясь словами В.М. Лейчика, носит интеллектуальный характер. Несмотря на то, что термин полифункционален, его основной, доминирующей функцией является функция фиксации специального знания (как результата познавательной деятельности). Профессионализмы – это единицы преимущественно устной сферы коммуникации. Отсюда их коммуникативная значимость оказывается первичной. Так же как термин, профессионализм служит вербализатором специального знания, однако создается и функционирует он преимущественно в среде практической, а не теоретической. В профессионализмах зафиксирована та часть производственной информации, которая актуализируется в каждодневных, повторяющихся действиях и операциях, а потому – через опыт – приближена к личному миру человека, составляет круг его ближайших, повседневных

концептов [3: 26]. Среди профессионализмов психологической сферы можно выделить: *stressor*, *Freudianism*, *dominant*, *behaviorism* и др.

Обычно считается, что термин не нуждается в контексте, так как он должен быть понятным без контекста. Но это положение нельзя абсолютизировать, так как и в терминологии контекст важен, поскольку «содержание термина полностью раскрывается только через его реальное функционирование, через данный «метасинтаксис». Более всего это относится к тем разрядам терминов, которым присуща так называемая категориальная многозначность, реальный выход для преодоления которой всегда предоставляет контекст в литературе или разное место этих разных по существу терминов в классификационной системе. Таким образом, полисемия терминов (во всяком случае, определенных разрядов слов-терминов) – это естественное проявление естественных законов развития лексики. С ней можно бороться, ее можно сдерживать, но она все равно находит и будет находить выход в терминологию как составную часть лексики общелитературного языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борисова-Лукашанец Е.Г. Лексические заимствования и их нормативная оценка. – М., 1992. – 122 с.
2. Гринев С.В. Исторический систематизированный словарь терминов. – М.: МПУ, 2000. – 144 с.
3. Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. Изд. 2-е, исправл. и доп. – М.: КомКнига, 2006.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук; Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2003. – 944 с.
5. Оксфордский толковый словарь по психологии /Под ред. А. Ребера, 2002.
6. Савва Л.И., Пономарев Т.А. Словарь-самоучитель по педагогике межличностного познания. – Магнитогорск, 2003.
7. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2000.
8. Cambridge Advanced Learner's Dictionary (4rd edition 2013) CALD.

9. *Collins COBUILD Advanced Dictionary, 2008.*
10. *Cambridge International Dictionary of English, 2001.*
11. *Oxford Dictionary of English, 2010.*

*Д.А. Соболев
Курган*

ЯЗЫКОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АВТОРА-ПУТЕШЕСТВЕННИКА В РОМАНЕ НАТАЛЬИ КЛЮЧАРОВОЙ «РОССИЯ: ОБЩИЙ ВАГОН»

«Россия: общий вагон» – травелог, следующий классической модели. Что подразумевается под классической моделью травелога? Прежде всего, это наличие повествователя-путешественника. В случае с романом «Россия: общий вагон» участником движения является главный герой Никита, он же является выразителем мыслей, впечатлений и мировосприятия самого автора произведения. Повествование ведется от третьего лица, автор ведет читателя по маршруту Никиты, знакомит с героями, их мыслями и переживаниями, бросает в прошлое и снова возвращает в настоящее. Фигура автора-путешественника занимает центральное место в произведении: он представляет единственный фокус изображения, единственную точку зрения на описываемое [2].

Роман-травелог, безусловно, имеет существенные различия с романом в его классическом понимании. Отличия заключаются не только в самой структуре произведения, но также и в языке. Рассмотрим языковые особенности автора-путешественника на лексическом и синтаксическом уровнях.

Поскольку мы определяем роман Н. Ключаревой как травелог, а травелог предполагает передвижение главного героя в пространстве, то стоит первым делом на лексическом уровне отметить топонимы. Уже в заглавии произведения мы видим слово «Россия». Это слово является своеобразной связующей нитью между всеми главами произведения и его многочисленными, не похожими друг на друга героями. Никита находится в постоян-

ном поиске, он ищет родную страну, пытается понять ее, понять людей, «сложить все русские истории в одну большую Историю» [1]. Безусловно, это роман именно о России. Каждый человек, который встречается на пути Никите, каждая история, да и сам Никита со своими вопросами и сомнениями – все это и есть Россия.

Также в произведении встречается множество названий различных стран, городов и деревень. Уже в первой главе мы попадаем в вагон поезда, который направляется «на Тошиху...», и на протяжении всего романа автор знакомит нас с большим количеством персонажей. Каждый герой имеет свою собственную историю и связан с определенным географическим местом. Например, в вагоне поезда Никита беседует с Антониной Федоровной, которая проживала «в маленьком шахтерском поселке Хальмер-Ю, что за Воркутой, дальше на север, к Ледовитому океану», в одной из глав мы узнаем историю Али, которая жила в Одессе, затем в Питере и в Подольске. Немалую часть романа мы наблюдаем за развитием отношений Никиты и Яси, девушки, которая «разрывается» между Россией и Швейцарией, с которой они гуляют по Питеру, ходят на лекции о Саше Соколове, уезжающем в Канаду, и мечтают пожениться и отправиться в Мексику, но неожиданно взрослеют. Основной сюжет развивается в таких местах, как Питер, Подольск, поселок «с остроумным названием Дудки», Горки и Москва.

С перемещением Никиты из одного населенного пункта в другой меняется и его окружение, и эту перемену автор передает через речевые особенности героев, используя просторечия и диалектизмы. Например, речь Бабы Поли в Горках: «Страшну мне с него, Катерина, ой как страшну!»; или матушки (Гриши): «Все! Бал окончен! И пока тыква не превратилась в тампон, Золушка сваливает, теряя туфли!»; или «пьяного мордоворота в спортивных штанах»: «Брат! Слушай сюда, брат! Ты поступил со мной не по-братски! Земля круглая, брат!» [1].

Автор мастерски переплетает описание переживаний главного героя и атмосферу, царящую вокруг него, так, что воображение захватывает читателя, и вот он уже сам стоит на том же месте и видит глазами Никиты, и дышит тем же воздухом: «Счастье было поцелуями *на Поцелуевом мосту*.

Мальками в мутной Мойке. Счастье воровало в магазинах невкусный питерский хлеб и Бродского в бумажной обложке. Счастье пило кефир на лужайке перед *Исаакиевским собором*, запрокинув голову, как пионерский горнист. То, навеки девятнадцатилетнее счастье, осталось в памяти сплошной музыкой. Оно распевало, коверкая слова, «Марсельезу» перед группой французских пенсионеров, щелкающих фотоаппаратами. Оно звучало голосами бродячих артистов на мосту *через канал Грибоедова*. Еще был печальный человек в шляпе, выдувавший монотонную мелодию из деревянной дудки. В пять утра на крыше он встречал рассвет, не видимый еще никому, кроме него. И негры, бежавшие им навстречу по другой половине только что сведенного моста. У негров были большие кожаные барабаны, по которым они, усевшись на перилах, лупили розовыми ладонями, приветствуя встававшее *над Невой* солнце» [1].

Автор часто использует иноязычные вкрапления как знаки другой культуры, иного мировоззрения. На английском говорят герои романа: «Oh, show me the way to the next whisky bar! – кричит ему в ответ Яся. – We don't understand you! We are from Chikago!»; «Wright me something!!!!!!!!!!!!!!!»; «it's your problem». Это своего рода противопоставление легкой и беззаботной Америки и сложной России, в которой Никита так стремится разобраться. Об этом же говорит эпизод с американской психологией: «Я раньше как Севка была, – сказала Антонина Федоровна. – Чуть что – сразу в слезы. Сразу мысли всякие: ничего не получится, всю жизнь так и будет... хоть в петлю! А потом прочитала в одной книжке американской, что залог успеха – это прямая спина и улыбка. И теперь, что бы ни случилось, всегда помню: главное – улыбаться и не сутулиться. Тогда повезет!

– И как? – осторожно поинтересовался Никита. – Срабатывает?

– Да пока не очень, – легко призналась Антонина Федоровна» [1].

Часто встречаются различные названия на иностранных языках: герои слушают музыкальный альбом Pink Floyd «Division bell», во все горло распевают «Alabama song», показывают fuck и victory, покупают сигареты Gauloises, носят пальто от Yoshi Yamomoto, а интервью берут корреспонденты газеты «Liberation» и т.д.

Таким образом, через лексику автор показывает читателю многообразие России, каждый человек индивидуален, не похож на другого. Героями произведения становятся абсолютно разные люди, разного возраста, происхождения, с разными интересами и т.д. Поскольку это роман о России, то за счет использования разнообразной лексики, просторечий, иностранных вкраплений автор передает всю ту разность людей, которая составляет нашу страну. Однако, несмотря на то, что персонажи говорят каждый по-своему, они несут в себе одни и те же мысли, несмотря на их разность, в них есть что-то общее. Это общее – Россия.

Большая часть романа основывается на диалогах. Сюжет выстраивается в общении Никиты с другими персонажами. С каждым новым диалогом, с каждым новым героем Россия открывается читателю все полнее и шире. Но чем больше она открывается, тем сложнее становится объять ее, собрать воедино, заключить в рамки географической карты.

Автор использует разнообразные стилистические приемы, благодаря которым текст романа «оживает». Это и метафоры: «жизнь – это эскалатор, идущий вниз», и сравнения: «счастье было, как створки прозрачной ракушки, которые захлопнулись у них за спиной», и олицетворения: «счастье воровало в магазинах невкусный питерский хлеб». Мы не только читаем о физических перемещениях персонажей, но и сами становимся участниками движения за счет динамичности текста. Эта динамика передается, например, в повторах:

«Прости! Прости! Прости! – почти в беспмятстве шептал Никита и вдруг понимал, что угадал то самое, нужное, слово.

Прости! Прости! Прости! – и старухи одна за другой исчезали, и воздух светлел, и легче становилось дышать»;

«ВЕНЧ! – приветливо кричала она серым уткам, болтающим лапками в реке Смоленке. Утки одобрительно крякали и плыли дальше.

ВЕНЧ, – шептала белым цветам на старом армянском кладбище. Цветы кивали, пружиня на тонких стеблях.

ВЕНЧ! – Яся заклинала шторм, стоя на перевернутой бочке в брызгах, пене и зеленых волнах Финского залива»;

«Это невозможно, невозможно, невозможно» [1] и т.д.

Или в нагромождениях однородных членов предложения: «Страна зевала, храпела, воняла, закусывала, выпивала»;

«Она бросила пить, курить, употреблять наркотики, ... снимать кино, гулять по ночам, провоцировать, смеяться, наряжаться, материться, писать сценарии и слушать музыку» [1]. Порой текст набирает скорость, а порой сбавляет свой ход.

Итак, язык в романе можно разделить на две группы: язык автора и язык героев. Благодаря автору читатель может ярко представить тот мир, в котором живут персонажи, ощутить на себе чувства, которые охватывают героев, пропустить через себя их переживания. Автор организует пространственно-временные отношения, устанавливает и размывает границы произведения. Таким образом, мы можем сделать вывод, что речь автора играет ключевую роль в произведении. Однако не менее важная роль отведена и речи персонажей, поскольку именно в их диалогах между собой развивается сюжет романа и, как было сказано выше, показывается разность героев, объединенных одним общим «вагоном», Россией.

Таким образом, роман Н. Ключаревой «Россия: общий вагон» – это травелог в классическом понимании. Автор-путешественник умело выстраивает текст, увлекая читателя отправиться на поиски России вместе с главным героем. Роман ставит серьезные философские вопросы, здесь есть о чем погрузиться и есть над чем посмеяться. Читателю открывается страна в своем многообразии, разнородности и в то же время в удивительной сплоченности, единении. Язык автора, живой и динамичный, изображает ярко и правдоподобно Россию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ключарева Н. *Россия: общий вагон* / Н. Ключарева. – М.: Изд-во Лимбус Пресс, 2008. – 200 с.

2. Никитина Н. А., Тулякова Н. А. *Жанр травелога: когнитивная модель* // В кн.: *Ното Лоуэнс: Актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков (2013)* / Под общ. ред.: И. Ю. Щемелева. Вып. 5. СПб.: Астерион, 2013. С. 132-138.

**РЕВИЗСКАЯ СКАЗКА 1816 ГОДА
О СВЯЩЕННИКАХ И ЦЕРКОВНОСЛУЖИТЕЛЯХ И ИХ
СЕМЕЙСТВАХ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ ЦЕРКВИ СЕЛА
ЧЕРЕМУХОВСКОГО КУРГАНСКОГО УЕЗДА
КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК**

Ревизская сказка – это именной список населения России XVIII – первой половины XIX в.в., составлявшийся во время ревизии.

С 1719 по 1858гг. в России проведены 10 ревизий-переписей, в которых учитывалось население, подлежащее подушному обложению и воинской повинности. В ходе переписи составлялись ревизские сказки, в которых перечислялись взрослые, подлежащие учету, их дети, внуки и другие родственники, живущие в одной семье.

Ревизские сказки составлялись на местах должностными лицами (старостами и др.) путем допрашивания глав семейств. Записывались сказки по определенной схеме местными писцами с различной правописной культурой.

В лингвистическом отношении ревизские сказки представляют собою периферийную деловую письменность определенного жанра, хронологически и территориально приуроченную. Это и позволяет считать их надежным источником по важным вопросам истории русского языка.

В Государственном архиве Курганской области хранится «Ревизская (так в ркп) сказка 1816 года ...дву-приходной Петропавловской церкви о состоящих священноцерковно служителяхъ и их семействахъ мужеска и женска пола» [3]. Она написана скорописью, гусиным пером, на плотной бумаге. Сказкосоставитель не указан, но в конце сказки находим «*приложения рукъ*», т.е. подписи священников, свидетельствующих о «*вѣрности и исправности*» сведений, заключенных в документе (ѣ – буква ять).

«Ревижская сказка 1816 года ...» года не издавалась и не исследовалась лингвистами. Её лингвистическая информационность и лингвистическая содержательность – предмет рассмотрения в данной статье.

Так, сказка позволяет подтвердить сведения о том, что в *русской антропонимике* нормой является трехчленная система имен собственных. Её мы находим у глав семейств: священники – *Матфій Ивановъ Зудилов* (подчеркнутая буква в слове – выносная в тексте), 6 об, 8 об (указание на лист рукописи и его оборотную сторону); *Иоаннъ Никифоровъ Аврамовъ*, 6 об; *дїаконъ Афанасій Петровъ Буровъ*, 6 об; *дїячекъ* (буква ѣ обозначает звук, средний между ь и ъ) – *Григорей Герасимовъ Родионовъ*, 7 об, 9; *Стефанъ Гавриловъ Петуховъ*, 7 об, 9; пономари – *Иванъ Семеновъ Костылевъ*, 8 об, 9; *Федоръ Стариковъ Лаврентьевъ*, 8 об.

При написании личных имен жен священников находим двучленные наименования: священника Матфея Зудилова жена *Евдокія Петрова*, 7; Стефана Петухова жена *Анна Осипова*, 8.

При перечислении личных имен сыновей и дочерей глав семейств обнаружены только имена: *Иоаннъ Никифоровъ Аврамовъ* – его сын *Яковъ*, 6 об; Стефана Петухова дочери *Марїя*, *Анна*, 8. У ряда имен собственных наблюдаем церковно-книжную и светскую орфографии: *Матфій* 6 об – род.п. *Матфїя* и *Матфея*, 7, *Матфеевъ*, 8 об; *Алексій*, 7 об – *Алексей*, 8 об; *Стефанъ*, 8 – *Степан*, 9; *Афанасій*, 6 об – род.п. *Афанасїя*, 7; *Феодоръ*, 8 об – *Федор*, 9; *Иоаннъ*, 6 об – *Иван*, 8.

Нами зафиксированы только христианские личные имена и фамилии.

В сказке выделяем ряд других лексико-тематических групп слов:

1) названия родства: *жена* – 7 (5), 8 (3), 9 (2); *сынъ* – 6 об (3), 7 об (2), 8 об; *дочѣ* – 7(3), 8, 9 (2); *отець* – 6 об, 7 об, 8 об; *мать* – 8; *сестра* – 7.

2) названия лиц по социальному положению: *праздноживущіе* (сыновья по полугоду, 2-х и 5-ти лет, вновь рожденные), 6 об, 7 об, 8 об; *девица* (крестьянская девушка), 7.

3) названия лиц по профессии: *дїячекъ*, 7 об (3), 8 (2), 8 об, 9; *дїаконъ*, 7 (2); *пономарь*, 8 об (3), 9 (3); *протоіерей*, 9; *священник*, 6 об(4), 7 (3), 8, 8 об (2); *священноцерковно служитель*, 6 об, 7 об.

4) лексика и фразеология делопроизводства: *ревизская сказка*, 5; *руку приложил*, 9 (6), *за неумением писать*, 9; *состоит в статѣ*, 6 об, 7 об, 8 об (находящийся в штате); *по последней ревизіи... состояло... прибыло... выбыло... нынѣ на лицо*, 6 об; *в отставкѣ*, 7 об; *убылое место* (вакансія), 8 об; *въ вѣрности и исправности свидѣтельствовать*, 9.

5) названия территориальных и административных единиц:

Тобольской Епархіи и Губерніи Курганскаго уѣзда Черемуховскаго села, 5, 6 об, 8 об; *въ Солтосарайскую слободу*, 6 об; *Падеринскаго села*, 8; *въ Шкодскомъ селѣ*, 8 об; *приходской дву-приходной Петропавловской церкви*, 5, 6 об; *въ семинаріи*, 7 об (3), 8 об; *въ философском классѣ*, 7 об; *въ рускомъ классѣ*, 7 об (2).

Содержание ревизской сказки предопределяет и её грамматическое наполнение. В тексте находим имена существительные, реже прилагательные, причастия и местоимения. В архаическо-книжном варианте выступают формы: родительного падежа единственного мужского рода кратких относительных прилагательных: *мужеска* пола, 5, 8 об; *женска* пола, 5, 9; полных форм род. п. ед. ч. прилагательных, причастий и местоимений: *Курганскаго уѣзда*, 5, 6 об, 7; *Черемуховскаго села*, 5; *умершаго священника*, 7 (2), 8; *съ котораго времени*, 7. Вариативное окончание отмечаем в именительном падеже единственного числа прилагательных: *отставный дѣячекъ*, 8 об – *отставной пономарь*, 8 об и причастий во множественном числе: *существовавшии – обучающіяся* (сыны).

Существительное *сынъ* в именительном падеже множественного числа имеет форму *сыны*, 6 об, 7 об.

Наречие *налицо* имеет двойное написание, что объясняется поздним его оформлением как части речи: *нынѣ на лицо*, 6 об – *итого налицо*, 8 об, 9.

На словообразовательном уровне находим слитное и раздельное написание существительных и прилагательных: *дву-клирной*, *дву-*

приходной, 5, 6 об, 7 – двухкомплексной (церкви), 10 об; Петропавловской, 5 об – Петро-Павловской (церкви), 10 об.

Наблюдение над фонетическим обликом слов свидетельствует о достаточно широком отражении в них элементов живой разговорной речи. Так, в области гласных: буквы **ѣ** (ять) и **е** употребляются без этимологической точности во всех частях слова независимо от ударения: д**ѣ**ти, 6 об – дети, 6 об, 7; П**ѣ**туховъ, 9 – Петуховъ, 7 об; по посл**ѣ**дней, 10 об – по последней, 6 об; къ скаск**ѣ**, 8 об, 9 – къ скаске, 9; дочери, 8 – доч**ѣ**ри, 7; жена, 8 – ж**ѣ**ны, 7. Отражение иканья находим в слове Сивастьянова, 7; аканья – в словах понамарь, 8, имянно; зияние гласных: Феодоръ, 7 об – Федоръ, 9; Иоанн, 6 об (2), 7, 7 об, 9 – Иванъ, 8 об. Отсутствует переход е в о (ѣ) после мягкого согласного ч под ударением перед твердым согласным: дѣячекъ, 7 об, 8 об. В области согласных отмечаем ассимиляцию по глухости: скаск**ѣ**, 8 об (5), но и сказк**ѣ**, 5, 6 об, 8 об, 7; по мягкости: цер**ѣ**кви, 5, 6 об (2); священноцер**ѣ**ковно служащихъ, 5, 6 об, но и цер**ѣ**кви, 7, 8 об, священноцерковнослужащие, 7 об; выпадение согласных: праз**ѣ**ноживущий, 7 об, но и праз**ѣ**дноживущий, 6 об, въ рускомъ (класс**ѣ**), 6 об; смешение букв в иностранных словах: ф/в - въ филосовскомъ (классѣ), 7 об, ф/п – Стефанъ, 7 об – Степанъ, 9, с/ш – (стоитъ) въ стат**ѣ**, 6 об.

Таким образом, лингвистический анализ различных ярусов ревизской сказки 1816 года позволяет судить о состоянии периферийной деловой письменности начала XIX века и ее роли в формировании общенациональных норм русского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Владимирова Л.А. Сказки в деловой письменности XVII века/ Л.А. Владимирова // Русская речь. – 1982. – № 4. – С.102-106.

2. Дьяченко Григорій. Полный церковно-славянский словарь. – М.: Малая Кисловка, собственный дом. – 1900. – 1120 с.

3. Ревизская сказка 1816 года февраля 1 дня Тобольской Епархіи и Губерніи Курганскаго уезда Черемуховскаго села приходской дву-приходной Петропавловской церкви о состоящих священноцерковно служащихъ и ихъ се-

мействах мужеска и женска пола // ГАКО. Ф. И-78. Оп. 1. Д 10. 113 л. (в примерах из текста сказки указываем листы рукописи)

4. *Хитрова В.И. Воронежские сказки первой половины XVIII века / В.И. Хитрова // Источники по истории русского языка. – М.: Наука, 1976. – С.51-59.*

5. *Шагапова О.М. Ревизские сказки первой половины XVIII века / О.М. Шагапова // Памятники русского языка: Исследования и публикации. – М.: Наука, 1979. – С. 65-75.*

6. *Шагапова О.М. Фонетико-морфологические данные ревизских сказок первой половины XVIII века / О.М. Шагапова // История русского языка: Исследования и тексты. – М.: Наука, 1982. – С.53-75.*

Т.П. Тимофеева
Курган

СЕМАНТИКА АНТРОПОНОМИНАНТОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ЧЕЛОВЕКА ПО ПРОФЕССИИ, В РОМАНЕ И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА «ДВЕНАДЦАТЬ СТУЛЬЕВ»

Лингвистика на современном этапе развития характеризуется увеличением интереса к антропоцентрическому аспекту, рассмотрением языка во взаимодействии с сознанием человека, его мышлением и деятельностью. Е.И. Голованова, разделяя точку зрения многих ученых, утверждает, что язык как продукт человеческого сознания не может быть рассмотрен вне человека, вне его взаимодействия с окружающим миром. Идея антропоцентричности языкового сознания, по мнению исследователя, «подтверждается на лексическом уровне языка: наименования человека составляют значительную часть любого национального словаря и могут исчисляться десятками, сотнями тысяч единиц. Человек в языке предстает во всем многообразии присущих ему свойств, качеств, установившихся связей и отношений с реальным миром» [Голованова 2004: 5].

Образ человека относится к числу важнейших фрагментов языковой картины мира. Он отражает развитие человеческой мысли, принятую в обществе оценку личности, культурные представления народа. Центральное место в этой области занимают объединения слов, которые именуют

человека, его жизнь, физическое и психическое состояние, способности, эмоции, интеллект, отношение друг к другу, к миру, природе. Номинация устанавливает общие и частные свойства, которые характерны для того или иного лица.

Наиболее ярко особенности антропоцентрической лингвистики проявляются в текстах, поскольку «все языковые реалии приобретают истинный смысл только в тексте. Без указания на то, как та или иная языковая единица или категория участвуют в создании определенного типа текста, представление о языке будет неполным», считает Е.А. Попова [Попова 2002: 73].

Особый интерес представляет изучение средств номинации человека в тексте художественного произведения. Л.Г. Бабенко в своей работе высказывает мысль, что антропоцентризм художественного текста обусловлен эгоцентрической позицией человека (в облике автора и обликах персонажей) в семантическом пространстве текста, а сам человек является «центром литературного произведения и как субъект повествования, и как объект эстетического художественного познания» [Бабенко 2004: 101]. В связи с такой специфической ролью в тексте антропонимы часто бывают эмоционально окрашены, могут выражать отношение говорящего, авторскую модальность, являться средством создания художественного образа.

Обращаясь к объекту нашего исследования, можно отметить, что события, описываемые в романе, охватывают период с 1875 г. (год рождения И.М. Воробьянинова) до 1927 г. Благодаря особой структуре текста, характеризующейся многообразием вводных, вставных эпизодов и отступлений, авторам удается описать жизнь различных слоев русского общества в разные периоды его развития (от Российской империи до Советского Союза) и большое количество эпизодических персонажей. С этим связано этимологическое и стилистическое своеобразие лексики и фразеологии, в частности, наименований человека. Человек здесь может быть именован по большому количеству параметров: существуют наименования по индивидуальным признакам, привычкам, по отношению к другим лицам и различным ситуациям, по национальности, месту жительства, по разделя-

емым научным и иным взглядам и многим другим признакам (ср. *идеалист, трезвенник, сосед, племянница, обновленец, волгарь, кантонец, кирилловец*).

Созданные авторами номинации человека активно используются носителями языка благодаря социальной актуальности единиц (*гигант мысли, отец русской демократии, особа, приближенная к императору, человек, измученный нарзаном, знойная женщина, мечта поэта, жертва аборта, великий комбинатор, господа присяжные заседатели*).

В нашем исследовании будет использоваться предложенное Е.Р. Ратушной понятие антропономинанта, под которым мы, расширяя значение термина, имеем в виду не только фразеологические, но и лексические номинации человека. Данный термин образован от греческого слова *ἄνθρωπος* – «человек» и латинского *nomēn* – «имя» и используется для обозначения человека [Ратушная 2001: 5].

Методом сплошной выборки нами было выявлено 1285 антропономинантов (представленных пятью тысячами употреблений в тексте). Анализ данных единиц позволил выделить несколько семантических групп номинаций человека, каждая из которых характеризуется своими признаками, свойствами, количественным составом, частотностью употребления в тексте. В составе каждой группы мы выявили ряд подгрупп.

Среди самых многочисленных групп можно назвать:

1) наименования человека по внешним свойствам, признакам – 101 единица (7,9 %) (*верзила, дитя, красотка, силач, скелет, старушка*);

2) наименования человека по внутренним качествам, свойствам характера – 105 единиц (8,2 %) (*бонвиван, бродяга, двоечник, дурак, знаток, идеалист, исчадие, мот, сволочь, сорвиголова, стяжатель*);

3) наименования человека по социальным признакам – 772 единицы (60,3 %), среди которых большинство единиц относится к подгруппам:

а) наименования человека по социальному статусу, общественному положению – 109 единиц (8,5 %) (*дама, купец, начальство, прокурорша, холостяк, штатский*);

б) наименования человека по профессиональной принадлежности – 383 единицы (29,9 %) (*архитектор, градоначальник, дворник, жонглер, метрдотель, поверенный, фельетонист, цензор*).

Отмечая активное функционирование наименований лиц в целом, можно сделать вывод, что наиболее продуктивными группами лексики являются существительные, обозначающие лиц по профессиональной принадлежности и по социальному статусу. Данные единицы объединяются в группы благодаря особым признакам: общая номинативность, наименование лиц, отражение наиболее существенных признаков лица, количественное превосходство, продуктивность словообразования, высокая значимость для носителей языка.

В связи с этим рассмотрим семантику антропонимантов в романе «Двенадцать стульев» на примере конкретной семантической группы. Лексическим и фразеологическим антропонимантам, обозначающим человека по профессии, принадлежит одно из центральных мест в системе единиц художественного текста, так как они «непосредственно направлены на человека, отражают человека во всем многообразии его проявлений и свойств – внешних (физических), внутренних (морально-психических) и социальных» [Ратушная 2000: 3].

Наименования лиц по профессии – это особый пласт лексики. А.В. Яковлева в своем исследовании подчеркивает, что слова, которые образуют данный пласт, будучи единицами социологической и юридической терминосистем, должны соответствовать определенным требованиям: быть воспроизводимыми, иметь достаточно прозрачное, строго дифференцированное значение, выводимое на основе соотнесения значений частей слова и т.д. [Яковлева 2010: 8].

Формирование категории профессионального деятеля, как утверждает Е.И. Голованова, начинается в древнейшие исторические эпохи и происходит одновременно со становлением профессиональных сфер деятельности. Письменные памятники, свидетельствующие о разделении труда в Древней Руси, датируются X веком. Это время совпадает с эпохой активного процесса формирования ремесел и зарождения древнерусских городов, расширения торговли и разделения труда [Голованова 2004: 20].

В статье «Наименования лиц по профессии как предмет лингвистического изучения» А.И. Моисеев отмечает, что наиболее значительное обогащение и изменение системы наименований человека по профессии происходит в периоды исторических переворотов, промышленных революций, развития техники. Подобные периоды в развитии языка связываются с понятием «языковой революции» и дают повод для лингвистических дискуссий. О развитии системы номинации человека по профессиональной принадлежности можно судить по следующим данным: письменные источники XI-XIII вв. дают лишь 20-30 наименований ремесленных профессий; в XIII-XV веках их насчитывают уже 64; Словарь профессий С.М. Богословского (начало XX в.) – 5284 наименований [Моисеев 1968: 144].

Выявленные в романе «Двенадцать стульев» единицы со значением профессиональной принадлежности стали предметом нашего исследования в связи с относительной многочисленностью группы (около 400 единиц) по сравнению с другими антропономинантами. Нами были отобраны единицы, попадающие под определение «профессии» (лат. *professio* – от *profiteor* – объявляю своим делом) – род трудовой деятельности, требующий определенной подготовки и являющийся обычно источником дохода для существования [БЭС 2000: 854]. Под доходом понимается регулярное получение денежных средств, а не разовое (поэтому анализу не подвергались такие единицы, как *аферист*, *вор*, *стяжатель*).

Лексическое значение рассматриваемых нами единиц содержит общую обязательную сему «лицо», интегральную групповую сему «трудовая, профессиональная деятельность», ряд инвариантных сем: «профессия», «квалификация», «специальность», «должность», «обслуживание», «производство», «ремесло», «дело», «деятельность», «профиль», «работа», «звание», а также факультативные семы меньшей степени абстракции, указывающие на определенный род занятий, конкретную сферу деятельности лица.

В романе «Двенадцать стульев» среди номинаций человека по профессиональной принадлежности самыми многочисленными подмножествами являются: наименования военных (14 %), деятелей искусства (12,5

%), наименования лиц, работающих в сфере услуг (10 %), занимающихся предпринимательством, торговлей (7 %).

Номинации военных распространены за счет подмножеств «наименования представителей военных структур» – 28 единиц (*авиатор, военные люди, гвардеец, генерал, гофмаршал, гусар, кавалерист, красноармеец, прапорщик запаса, солдат, фельдмаршал, разведчик, часовой, морзист, адмирал*) – и «наименования представителей полиции» – 13 единиц (*инспектор, жандармский ротмистр, милиционер, околоточный надзиратель, полицейский, полицмейстер, представитель закона*).

Среди номинаций деятелей искусства подмножество «наименования работников средств массовой информации» представлено 19 единицами (*журналист, корреспондент, рабкор, редактор, репортер, фельетонист, фотокорреспондент, фотохроникер, читчик, цензор*). Также частотно подмножество «наименования исполнителей песенного жанра» – 14 единиц (*бард, баритон, дива, куплетист, певец, сопрано, тенор, хор*).

Большая часть исследованных номинаций является однозначной. Однако нами были выявлены примеры многозначности, к которым можно отнести изобразительные средства языка, использованные с целью выразительности, образности и эмоциональности речи, не называющие профессию напрямую, но дающие представление об объекте в процессе семантизации (*гиена пера, собрат по перу*; эвфемизмы: *жрица Венеры, двоюродная сестра*; каламбуры: *нимфа, грек*).

*На столиках в особенных стопочках из «белого металла бр. Фраже» торчали привлекательные голубые меню, содержание которых<...> было обольстительно и необыкновенно для молодого человека, лет семнадцати, сидевшего у самой сцены с недорогой, очень зрелых лет **двоюродной сестрой**.*

*Три «**нимфы**» переглянулись и громко вздохнули.*

С другой стороны, встречаются наименования профессий, использованные в тексте в переносном значении: *акробат пера* (в значении «журналист»), *гофмаршал* (об Ипполите), *технический директор* (об Остапе), *комментатор* («сосед по общежитию»), *судья* (об Остапе), *пружинный учитель* («матрац»).

– Я сломя твое упорство, поэт! – говорит матрац. – Тебе уже не надо будет бегать на телеграф писать стихи <...> Подумай о жене и детях.

– У меня нет жены, – кричит поэт, отшатываясь от **пружинного учителя**.

В тексте романа широко представлена система лексико-фразеологической синонимии. Обязательным условием синонимии является сходство индивидуального значения единиц. Однако в нем, наряду с общими, могут присутствовать и несовпадающие, дифференцирующие семы, отличающие синонимы друг от друга. Такое явление квалифицируется как семантическая синонимия. Дифференцирующие семы обозначают дополнительные свойства, признаки называемого лица, например возраст, межличностные отношения, национальная принадлежность (*кучер – старичок-извозчик – враг-извозчик – возница-аджарец*).

Способность лексем синонимизироваться с фразеологизмами, или внешняя синонимия, обусловлена тем, что и слово, и фразеологизм – это номинативные единицы языка, которые могут вступать в синонимические отношения между собой. Как отмечается в монографии Е.Р. Ратушной, внешняя синонимия основана на единстве синонимичных слов и фразеологизмов, обозначающих лицо: они имеют одинаковое категориальное значение предметности, общее субкатегориальное значение одушевленности и лица, одинаковое групповое значение и сходное индивидуальное значение [Ратушная 2000: 195].

Лексико-фразеологические синонимы, обозначающие человека, наряду с семантическими различиями, могут дифференцироваться по стилистической и эмоционально-экспрессивной окрашенности и по степени употребительности: одни единицы являются устаревшими, другие принадлежат к активному фонду языка (*врач – доктор – медик, парикмахер – циркульный мастер; гробовщик – гробовой мастер – гробовых дел мастер; гадалка – колдовница – прорицательница*). Ряд единиц можно отнести к окказионализмам, созданным на основе метафоры: *журналист – акробат пера – виртуоз фарса – шакал ротационных машин; акробат – король воздуха*.

Француз говорил о буржуазной прессе. «Эти акробаты пера, – восклицал он, – эти виртуозы фарса, эти шакалы ротационных машин...».

В то же время фразеологические синонимы часто оказываются богаче лексических в семантико-стилистическом отношении. Например, многие фразеологизмы содержат в своей семантической структуре указание на максимальную степень качества, признака [Ратушная 2000: 195]. Так, могут свидетельствовать о высоком уровне профессионализма (*журналист – виртуоз ротационных машин; проститутка – жрица Венеры*).

Главы седьмая, восьмая и девятая были посвящены описанию титанических кутежей «милостивого государя» со жрицами Венеры в обольстительнейших притонах города Калуги, куда, по воле автора, скрылся кассир.

Также в тексте присутствуют и контекстуальные синонимы. Например, ряд номинаций: *священнослужитель – батюшка – духовная особа – отец – святой отец – поп – священник* в романе характеризуют конкретного человека – отца Федора.

И тут Ипполит Матвеевич увидел, что незнакомец, возмутительнейшим образом похитивший его стул, не кто иной, как священник церкви Фрола и Лавра – отец Федор Востриков. Ипполит Матвеевич опешил.

– Батюшка! – воскликнул он, в удивлении снимая руки со стула.

Отец Востриков полиловел и разжал наконец пальцы. Стул, никем не поддерживаемый, свалился на битый кирпич.

– Где же ваши усы, уважаемый Ипполит Матвеевич? – с невозможной язвительностью спросила духовная особа.

В процессе повествования перед нами предстает история развития общества, и вместе с этим – историческое изменение языка: *кучер* становится *извозчиком*, *околоточный надзиратель* – *милиционером*, *гусар* и *гвардеец* – *красноармейцем* и *прапорщиком*.

Исследуемые единицы не только многочисленны, но и разнообразны в структурном отношении. Внешне это выражается в различном количестве компонентов: однословные наименования по профессии – 69% (*авиатор, архитектор, брандмейстер, инженер, каменщик*), антропономинанты, состоящие из нескольких компонентов – 25% (*страховой агент,*

народная артистка республики, следователь по важнейшим делам, чиновник для особых поручений при градоначальнике).

Реже используются наименования, образованные с помощью приложения – 6% (*автор-куплетист, специалист-бетонщик, слесарь-механик, лорд-хранитель печати, философ-шахматист*). Особенностью их функционирования в тексте является наличие дополнительной семы, не относящейся к сфере профессиональной деятельности, а характеризующей личность человека: национальность (*повар-француз, приказчик-еврей, возница-аджарец*), уровень квалификации (*адмирал-любитель, лейб-гробовщик, мальчик-ассистент, фотограф-любитель*), внутренние качества (*гусар-одиночка, кустарь-одиночка, слесарь-энтузиаст, слесарь-интеллигент, храбрец-разведчик*), внешние качества (*красавец-гусар, старичок-извозчик*).

– *Ну да. Поезжай в Париж. <...> Если Бриан тебя полюбит, ты заживешь недурно – устроишься лейб-гробовщиком при парижском муниципалитете.*

Венцом академической деятельности слесаря-интеллигента была эпопея с воротами дома № 5.

Жанр сатирического произведения дает возможность авторам расширить классификатор профессий и создать новые, более реально отражающие эпоху. Н.А. Фененко отмечает, что эффект заключается в «отчетливо ощущаемом контрасте с пародируемым предметом или явлением, в наличии у высказывания «второго плана». В романе в качестве объекта пародии нередко выступают реалии канцелярско-бюрократической системы, различного рода штампы, порожденные советской эпохой» [Фененко 2005: 2]. Так появляются *представители полиции, а впоследствии милиции, бывший пролетарий умственного труда, полуответственный работник, завгидропрессом, потельработник, театработник, умслопогас, фортинбрасовец.*

Бывший пролетарий умственного труда, а ныне палаточник Прусис даже разнервничался.

*С Октябрьского вокзала выскакивает **полуответственный работник** с портфелем из дивной свиной кожи. Он приехал из Ленинграда по делам увязки, согласования и конкретного охвата.*

И. Ильф и Е. Петров активно используют в романе антропонимы, в частности, наименования человека по профессиональной принадлежности, прежде всего с целью создания популярного сатирического произведения. Описание большого количества персонажей, охват различных слоев общества и широкие временные рамки – все это дает нам возможность охарактеризовать роман как бытописание русского человека, жившего в России на рубеже XIX-XX в. Или, если перефразировать высказывание В.Г. Белинского об «Евгении Онегине», который назвал роман в стихах «энциклопедией русской жизни», можно сказать, что «Двенадцать стульев» – это энциклопедия советской жизни.

Таким образом, в данной работе была проведена семантическая классификация лексических и фразеологических антропонимов, использованных И. Ильфом и Е. Петровым в романе «Двенадцать стульев». Среди выделенных групп самой многочисленной оказалась группа наименований человека по социальным признакам, в которой доминирующей подгруппой можно назвать наименования человека по профессиональной принадлежности. Данные единицы способны вступать в синонимические отношения, а также проявляют свойство полисемии. Оказиональные единицы используются с целью достижения комического эффекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабенко, Л.Г. *Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: Учебник для вузов / Л.Г. Бабенко. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. – 464 с.*

2. *Большой энциклопедический словарь / Ред. А.М. Прохоров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – 1456 с.*

3. Голованова, Е.И. *Категория профессионального деятеля в динамическом пространстве языка: Лингвокогнитивный анализ: дис. ... д-ра филол. наук / Е.И. Голованова. – Челябинск, 2004. – 367 с.*

4. Моисеев, А.И. *Наименования лиц по профессии как предмет лингвистического изучения // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – 1968. Том XXVII, вып. 2. Март-апрель. – С. 140-146.*

5. Попова, Е.А. Человек как основополагающая величина современного языкознания // *Филологические науки*. – 2002. – № 3. – С. 69-77.

6. Ратушная, Е.Р. Антропономинирующая парадигма русской фразеологии: семантика, формирование, функционирование: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е.Р. Ратушная. – Волгоград, 2001. – 52 с.

7. Ратушная, Е.Р. Семантическая структура фразеологизмов в процессе ее формирования и функционирования. – Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2000. – 223 с.

8. Фененко, Н.А. Комическое в тексте оригинала и перевода // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация»*. – 2005. – № 2. [Электронный ресурс] / Н.А. Фененко / Режим доступа: http://www.vestnik.vsu.ru/program/view/view.asp?sec=lingvo&year=2005&num=028f_name=fenenko

9. Яковлева, А.В. Номинации лиц по профессиональной принадлежности в современном русском языке (семантические особенности и пути формирования): дис. ... канд. филол. наук / А.В. Яковлева. – Ярославль, 2010. – 235 с.

О.М. Туркин

Курган

ЦИТАЦИЯ В АСПЕКТЕ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ

В последнее время, как справедливо отмечают исследователи языка СМИ, «интертекстуальные ссылки стали, пожалуй, самым распространенным приемом построения заголовков газетных и журнальных статей в довольно широком круге изданий» [3, 3].

«Одним из типических для современных газет способов реализации поэтической функции языка является цитация, т.е. включение в текст газеты чужого текста в неизменном виде и в трансформированном, переименованном. Подобные включенные тексты могут быть названы прецедентными текстами, так как они хорошо известны широкому кругу лиц, обладают свойством повторяемости в разных текстах» [2, 554].

Еще М. Бахтин в своей книге «Проблемы поэтики Достоевского» заметил, «что наша жизненно-практическая речь полна чужих слов: с одними мы совершенно сливаем свой голос, забывая, чьи они, другими мы

подкрепляем свои слова, воспринимая их как авторитетные для нас, третьи, наконец, мы населяем своими чуждыми или враждебными устремлениями». [1, 16].

В первых двух случаях, указанных ученым, цитаты и являются собственно цитатами. В третьем случае речь идет о квазицитатах, то есть подобиями цитат, в которых присутствует известная доля достоверности, но общий смысл трансформирован под углом зрения интерпретирующего события журналиста.

Исследователи обращают внимание на то, что цитаты используются, как правило, в заголовках, где они сразу привлекают внимание читателя, ставят перед ним ряд вопросов: кто автор цитаты, как цитата связана с содержанием статьи и т.п. Таким образом, прецедентные тексты своеобразно характеризуют и уровень культуры журналиста и уровень культуры читателя.

Об актуальности поставленной проблемы свидетельствует обращение к ней ряда ученых. Так, например, М.Л. Ковшова считает, что «анализ заголовков различных изданий (от «Московского комсомольца» до «Независимой газеты») позволяет составить представление об объеме культурной компетенции усредненного носителя языка и культуры, т.е. о минимальном «культурном багаже» читателя газеты. Включая прецедентный текст в заголовок, журналист исходит из представления о культурной компетенции читателя, апеллирует к его культурному знанию, пытается установить оптимальную идентификацию своего культурного «багажа» и читателей, создать общий, единый знаковый механизм, позволяющий создать границу между «своим» и «чужим» сознанием» [4].

Вырванные из контекста цитаты позволяют манипулировать общественным сознанием, так как в них может не быть правды, но всегда есть правдоподобие.

Журналисты сокращают цитаты, интерпретируют их, расширяют с помощью журналистского комментария, пересказывают в соответствии со своим коммуникативным намерением.

Последние несколько лет цитация действительно стала ведущей стилиобразующей чертой современной газетной публицистики, и существует множество разнообразных приемов введения цитат.

По материалам нашей картотеки, цитация функции заголовка представлена 280 единицами.

Все способы цитирования, используемые в газетных заголовках, можно разделить на две группы: прямое цитирование и деформация цитирования.

1. Прямое цитирование. В качестве заголовка используются цитаты в том виде, в котором они присутствуют в тексте-первоисточнике.

«Не сыпьте соль на рану» (Московский комсомолец, 2000);

«Без воды и ни туды, и ни сюды» (Комсомольская правда, 2000);

«И снится нам трава, трава у дома» (Комсомольская правда, 2000);

«Любовь, похожая на сон» (Московский комсомолец, 2002).

Эти цитаты распознаются без труда. Но в таком виде они встречаются на газетных страницах редко. В современных газетных заголовках цитаты чаще используются в трансформированном виде. Эта трансформация делает стандартную речевую формулу экспрессивной.

2. Деформация цитирования (аллюзивные цитаты, цитатные аллюзии). Здесь можно указать на следующие случаи видоизменения цитаты:

а) легкоузнаваемые цитаты

Изменяется одно или два слова – цитата узнается за счет сохранившихся слов и ритмико-синтаксической конструкции. Например, «Служить бы рад, прислушиваться тошно» (Комсомольская правда, 2000). В данном заголовке слово прислуживаться из знаменитой фразы Чацкого заменяется паронимом, схожим по звучанию, но различным по написанию и значению. В результате данная цитата приобретает иной смысловой оттенок. Или такой пример: «В поисках утраченных иллюзий» (Культура, 2002). В последнем случае мы сталкиваемся с комбинированием: ритмико-синтаксическая конструкция вызывает у нас ассоциации с циклом романов М. Пруста «В поисках утраченного времени», а словосочетание «утраченные иллюзии – с одноименным романом Бальзака.

«Жилое и думы» (Огонек, 2006) – былое и думы.

«Москва глазам не верит (Московский комсомолец, 2010) – Москва слезам не верит.

«В Бангкоке все спокойно» (Коммерсантъ, 2010) – в Багдаде все спокойно.

«Как поссорились Григорий Алексеевич с Борисом Ефимовичем» (Коммерсантъ, 2003) – как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем.

«Если рыцарь, но скупой» (Крестьянка, 1995) – скупой рыцарь.

«Кому на Руси шить хорошо?» (Glamour, 2008 г.) – Кому на Руси жить хорошо.

«Осенняя пора – вещей очарование» (Cosmopolitan, 2008 г.) – Осенняя пора – очей очарование.

б) в цитате изменено более двух слов, иногда почти все слова, но при этом сохранена инструментовка, ритмико-синтаксическая конструкция.

Данный тип цитирования встречается реже предыдущего, и распознавание цитаты здесь немного усложнено. Память о «первоисточнике» сохраняется, в основном, благодаря ритмико-синтаксической конструкции. Например, «Бунт или торжество ничтожеств» (Московский комсомолец, 2002).

в) полное разрушение ритмико-синтаксической конструкции.

Даже если все слова из какой-либо цитаты изменены, все равно, благодаря сохранившемуся ритму, у нас возникает ощущение, что что-то подобное мы уже слышали. При этом вспомнить источник цитирования не всегда удается. Поэтому распознать цитату, где не только слова изменены и подтасованы, но и разрушается инструментовка, еще труднее. В этом случае узнать цитату можно только по отдельным фрагментам из первоисточника.

Например, «Счастье в три карата» (Новая газета, 2002). Распознать цитату помогает подзаголовок, который гласит, что группа «Премьер-министр» будет представлять Россию на Евровидении. Не нужно даже быть поклонником этой группы, чтобы тут же вспомнить их песню, в припеве которой есть такая строчка: «У нее глаза: два брильянта в три карата».

Таким образом, цитирование может быть как прямое, так и трансформированное, когда изменяется одно или два слова; или меняются все слова, но при этом сохраняется инструментовка, что позволяет цитату идентифицировать; либо разрушается ритмико-синтаксическая конструкция, но сохраняются отдельные элементы цитируемого текста.

В заголовках, содержащих интертекстуальный компонент, цитируются:

1. Песни:

а) авторские, эстрадные:

«Эй, маньяк, ты слишком долго плавал!» (Московский комсомолец, 2009).

«Пусть всегда будет мама» (Новый мир, 2011).

«Связанные одной службой» (Курган и курганцы, 2011).

«Дорогущая моя столица» (Курган и курганцы, 2011).

«Проснись, страна огромная» (Русский репортер, 2011).

б) из популярных кинофильмов:

«А без воды...» (Новый мир, 2010).

«Первым делом, первым делом «Мерседесы» (Московский комсомолец, 2011).

в) из мультипликационных фильмов:

«Ну, заяц, выходи!» (Glamour, 2008).

«Лучший мой подарочек – Дед Мороз» (Новый мир, 2012).

«Ну, заяц, наряди!» (Glamour, 2008).

2. Художественные произведения:

а) романы, повести, рассказы:

«Поселения и наказание» (МАХИМ, 2011).

«Капитанская точка» (Аргументы и факты, 2011).

«Война и сыр» (Аргументы и факты, 2012).

«Чекисты нашего времени» (Комсомольская правда, 2011).

«Хождение по зонам» (Сельская новь, 1996).

«Толстые и тонкие» (Yes! Звезды, 2002).

б) пьесы:

«Не хочу учиться, а хочу учить» (Аргументы и факты, 2003).

«Без тепла виноватые» (Курган и курганцы, 2011).

«Гаишники часов не наблюдают» (Московский комсомолец, 2011).

«То или не то? Росси светит ВТО» (Жизнь, 2011).

3. Стихотворные произведения:

«Студентом можешь ты не быть, но посвятиться ты обязан» (Курганский университет, 2007).

«Билет и парус одинокий» (Московский комсомолец, 2010).

«Кому на такси жить хорошо?» (Комсомольская правда, 2012).

«А свиньи – кто? Почему нас пугают, а не лечат?» (Аргументы и факты, 2009).

«И будет помнить вся Россия про тень Бородина» (Новая газета, 2000).

«Кому на Руси сидеть хорошо?» (Новая газета, 2008).

«Кому на Руси будет жить хорошо?» (Аргументы и факты, 2007).

«Мороз и солнце? День опасный!» (Домашний очаг», 2003).

«Весна, проценты торжествуют» (Телесемь, 2009).

4. Названия кинофильмов и фразы из них:

«В бой идут одни дипломаты» (Российская газета, 2011).

«Двое в юбке, не считая грамматики» (Литературная газета, 2011).

«Доплывем до понедельника» (Московский комсомолец, 2003).

«Судьба рядового Райана» (Спорт день за днем, 2008).

«Место штаба изменить нельзя» (Коммерсант, 2011).

5. Названия произведений изобразительного искусства:

«Девушка с яблоками» (Комсомольская правда, 2012).

Довольно часто в качестве прецедентных текстов используются песни советского времени, трансформация которых состоит в замене одного – двух слов, важного для содержания статьи.

«С чего начинается РРодина?» (Огонек, 2003, №10);

«С ИНТЕРНЕТционалом воспрянет род людской» (Комсомольская правда, 2004).

«Я другой страны теперь не знаю, где так ЛЬГОТно дышит человек» (Комсомольская правда, 2004).

Как показывают примеры, одно слово заменяется на другое, не только значимое для содержания статьи, но, как правило, знаково ключевое для данного отрезка времени.

Названия кинофильмов: выделяя данный тип прецедентного текста, Е.А. Земская отмечает легкость, с которой они перекочевывают в названия газетных статей. Действительно, названия кинофильмов – наиболее приемлемый для языка СМИ тип прецедентного текста, так как он известен самой широкой аудитории, поэтому в нетрансформированном виде или как результат несложной трансформации они вполне узнаваемы и вместе с тем экспрессивны. Вместе с тем разнообразные приемы могут изменить прецедентный текст до неузнаваемости:

«Обыкновенный бушизм» (Известия, 2004).

Заголовок, содержащий инновацию «бушизм», служит подтверждением мысли о превращении некоторых прецедентных текстов в модель. Такой моделью в данном случае послужило название фильма М. Ромма «Обыкновенный фашизм». По той же модели ранее был создан заголовок Обыкновенный лукашизм (Известия, 1997).

Примеры трансформированного использования названий кинофильмов очень многочисленны:

«Москва слезам верит» (Комсомольская правда, 2006).

«Москва смертям не верит» (Аргументы и факты, 2008).

«Тегеран – 2007» (Аргументы и факты, 2007).

«10 мгновений 11 года» (Новая газета, 2006).

«Тот самый Рыбников» (Московский комсомолец, 2008).

«Богатые тоже платят» (Аргументы и факты, 2012).

«Чужая среди своих...» (Караван историй, 2011).

«Унесенные... страхом» (Сельская новь, 1996).

«Они бежали на родину» (Комсомольская правда, 2012).

«Счастливы врозь» (МАХИМ, 2012).

«Утомленные батькой» (Новый мир, 2008).

«В думу идут одни бедняки» (Общая газета, 1999).

«Чужие среди чужих» (Крестьянка, 1995).

Прозаические цитаты используются в заголовках редко:

«Мавроди сделал свое дело» (Огонек, 2003, №7).

«А пил ли мальчик?» (Московский комсомолец», 2010).

Приведенные заголовки совершенно различны по своей культурологической значимости и по характеру трансформаций, что требует развернутого их анализа.

Рассмотрим второй пример. В нем также представлена трансформация прецедентного текста, но не столь известного, хотя Е.А. Земская придерживается по этому поводу другого мнения, ср.: «Саркастическое звучание получает трансформация известных слов Оруэлла из повести «Скотный двор»: «Все ветви власти равны, но некоторые равнее других» [2, 558]. Как представляется, подобная игра рассчитана скорее на «посвященного», нежели на рядового читателя. На читателя-специалиста рассчитана и языковая игра – ненормативное образование сравнительной степени.

Как показало наше исследование, в каждом конкретном случае интертекстуальные компоненты выполняют помимо общих функций, присущих интертекстуальности в целом, еще и особые, специфичные функции.

1. Демонстрация эрудиции самого автора-журналиста.

Выбор того или иного источника для цитаты, независимо от того, уместен он в данном случае или нет, определенно свидетельствует об эстетических предпочтениях автора, об его образовательном уровне («Скромное обаяние власти», «По направлению к сванам»).

2. Обозначение темы материала («Саша и медведь», «Его зовут Никита», «Не нарушая запреты»).

3. Многоаспектный анализ материала («Армянский «день Помпеи», «Жить будем плохо. Но недолго», «Рабы не мы»).

4. Типизация, обобщение изображаемых ситуаций человеческого поведения («Дельфин и русалка – не пара?», «Ромалы и Джульетта»).

5. Ирония, юмор и сатира («Златая цепь на Думе той», «Пенсия уходит в небо»).

6. Характеристика персонажа («Высокий блондин в шапке-ушанке», «Великий недоросль», «Сорок лет одиночества», «Пиар в России больше, чем PR»).

7. Языковая игра.

Она реализуется, как правило, в комбинированных случаях, когда вместе с цитацией в газетном заголовке используются такие игровые явления, как каламбур и окказионализм. Подобные заголовки представляют интерес уже сами по себе, вне связи с текстом. Они призваны, прежде всего, привлечь к себе внимание своей необычной, интересной конструкцией («Пиплметр в стране лилипутов», «КОЗАКцкий пленник»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин, М.М. *Проблемы поэтики Достоевского*. / М.М. Бахтин. – М., 1963.

2. Земская, Е.А. *Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь*. / Е.А. Земская. – М., 2004.

3. Качаев, Д.А. *Влияние современной картины мира на содержательные и формальные особенности заголовков. Актуальные проблемы современной лингвистики. Материалы межвузовской конференции* / Д.А. Качаев. – Ростов-на-Дону, 2005.

4. Ковшова, М.А. *Прецедентный текст в современном газетном заголовке как интеллектуальное развлечение* / М.А. Ковшова. – *Логический анализ языка. Концептуальные поля игры*. М., 2006. С.420-432.

Ю.О. Тюленева

Курган

ОСОБЕННОСТИ ВОПЛОЩЕНИЯ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ В РОМАНЕ АНДРЕЯ РУБАНОВА «ВЕЛИКАЯ МЕЧТА»

Роман «Великая мечта» современного русского прозаика Андрея Рубанова появился на свет в 2007 году. Это вторая книга, написанная в жанре романа. Объединяет «Великую мечту» с первым произведением Рубанова «Сажайте, и вырастет» то, что на страницах этих книг действует один герой, имя которого созвучно имени автора, только повествуют данные книги о разных эпизодах из жизни главного персонажа. «Сажайте, и

вырастет» – о заключении Рубанова-героя в тюрьме, «Великая мечта» – о его жизни на свободе в 1990-е и 2000-е г.г.

Композиционно «Великую мечту» можно разделить на две части: жизнь героя в «лихие 90-е» и описание его жизни в «нулевые». Отсюда в романе возникает внешний конфликт – столкновение двух вышеуказанных эпох, «голодные» 90-е противопоставляются «сытым» 2000-м. Причем каждая эпоха является переломной в становлении личности самого героя.

В первой части романа события происходят в 1991 году. Рубанов-герой существует в переходном для его поколения времени. Мировоззрение молодежи, воспитанной на советской идеологии, постепенно ломается. В него проникают стереотипы капитализма. Из страны всеобщего равенства и братства двадцатилетние юноши и девушки попадают в страну, где появляется материальное неравенство, и каждый стремится подняться как можно выше по социальной лестнице, чтобы быть поближе к деньгам.

«То, что пять лет назад беспощадно клеймилось с красных трибун, со страниц книг, с телеэкранов – теперь всю торжествовало, бубнило клаксонами дорогостоящих лимузинов, шелестело рекламными разворотами в газетах, глумилось, звенело монетой, золотозубо ухмылялось, безостановочно ползло; сегодня обнаруживалось там, где еще вчера царила сонная тишина» [2, с. 6].

Однако заработать большие деньги законным путем в это переходное для России время не представлялось возможным. Те социальные гарантии (высшее образование, стабильная работа, карьерный рост, льготы на жилплощадь), которые раньше давало государство под названием Советский Союз, перестали существовать вместе с социалистическим строем. В стране наступил не только идеологический, но и финансовый кризис, стали процветать коррупция и бандитизм: «Таким образом, воровать и обманывать вроде как стало разрешено» [2, с. 62].

Для героя 1991 год – это время, когда его собственная жизнь дошла «до края, до кризиса» [2, с. 16]. Вернувшийся из армии «сын учителя физики и учительницы русской литературы» [2, с. 20], «книжный червячок, поклонник Гребенщикова и «Роллингов», ценитель Фолкнера и КобоАбэ,

любитель побренькать на гитаре, посочинять ночами стишки, постучать по клавишам печатной машинки, прилежный студент, автор пятидесяти публикаций в пяти газетах и журналах, рядовой запаса» [2, с. 20], вдруг понял, что та модель будущего, которую он для себя создал два года назад, в настоящем времени просто не состоятельна. Карьера журналиста, о которой мечталось, теперь была невозможна без участия влиятельных родственников или знакомых в нужных кругах.

«Я ясно понимал, что по окончании престижного, лучшего в Империи, высшего учебного заведения я тихо вернусь в родной городишко, где, может быть, для меня найдут местечко корреспондента в городской газете...» [2, с. 60]. Но герою не хотелось быть сотрудником обычной газеты, издающейся в маленьком провинциальном городке, он мечтал о карьере в лучших печатных изданиях Москвы. «Моя жизнь, некогда тщательно распланированная, сворачивала куда-то не туда, следовало искать и прокладывать новый курс, в соответствии с новыми реалиями новой действительности» [2, с. 107].

И здесь на первый план выходит гордость героя, его уязвленное самолюбие. Андрей начинает понимать, что он достоин большего, но тот жизненный путь, который он избрал, просто не сможет удовлетворить его элементарных потребностей.

«Я все пытался найти для больной гордости полку, находил, помещал – а она с грохотом падала ежедневно.

Она постепенно тянула меня в более примитивный, но яркий и цветной мир, – туда, где автомобили с пятилитровыми моторами, где длинноногие девки, где беспринципные дельцы таскают в кожаных чемоданах зеленые деньги.

Ладно, согласен: я мог бы какое-то время потерпеть и без пятилитровых девок с длинноногими моторами, – но почему я в свои годы не имею приличного пиджака?

Что это за перестройку затеяли в моей стране, если я, работая на двух работах, годами откладываю деньги, чтобы купить себе элементарные штаны?» [2, с. 53-54].

Однако именно в этот момент внутренней борьбы героя, в момент выбора им дальнейшего пути для существования, и появляется в его жизни бандит Юра Кладов, человек, который смог научить Андрея жить по-новому, буквально перекроил сознание героя.

Давний знакомый Рубанова-героя, некогда спортсмен и эрудит, начитанный и умный юноша из небогатой семьи, мечтавший, как и главный герой, поступить на отделение журналистики МГУ и сделать карьеру, Кладов предстает перед нами как человек, уже впитавший в себя новую капиталистическую идеологию, научившийся жить в новой стране, познавший секрет успеха и процветания. Юра, максималист и оптимист по натуре, человек, безгранично любящий жизнь, не на словах учит Андрея тому, как нужно жить, а личным примером, просто находясь с ним рядом в качестве теперь уже лучшего друга. При этом Юра не втягивает Андрея в тот криминальный мир, в котором живет сам, хотя и знакомит Рубанова-персонажа с некоторыми людьми из своего окружения, но исключительно для того, чтоб общие знакомые в будущем, в очередное для героя кризисное время, смогли ему помочь.

Бандит Юра учит Андрея главному – ничего не бояться и верить в себя, верить в то, что все их мечты обязательно сбудутся, что судьба обязательно улыбнется им обоим очень скоро, что еще вся жизнь впереди и главным богатством друзей является молодость, а, следовательно, и большой запас энергии и жизненных сил. И Андрей начинает думать так же, как и его друг, верить в то, что совсем скоро юношей настигнут богатство и успех. «Когда-нибудь и мы с Юрой станем такими вот ветхими исполинами, будем раз в год гостить друг у друга... То я к нему – в Ниццу, то он ко мне – в Майами...» [2, с. 33]. «Все тысячу раз заживет, и тысячу раз наполнятся карманы, и тысячу раз упадет в мой стакан самый сладкий сахар» [2, с. 63]. Однако, вдохнув в Рубанова-героя новую идеологию, Юра исчезает из жизни друга: Кладова убивают.

Таким образом, в первой части романа перелом в мировоззрении героя описывается как процесс, который происходит под влиянием человека извне, Юры Кладова, действующего здесь в качестве самостоятельного персонажа. Внутренний перелом в сознании героя обусловлен внешними

факторами – сменой политического строя в России и жизненной позицией лучшего друга, которую в итоге перенимает Андрей.

Действие второй части романа происходит уже в 2006 году. После смерти Юры Кладова прошло пятнадцать лет. За это время Андрей научился решать свои проблемы самостоятельно и жить, руководствуясь собственными жизненными принципами. Несколько раз герой падал и поднимался: создавал свой бизнес и разорялся, отсидел три года в тюрьме. И вот, наконец, герой достиг того возраста, когда пришло время подвести итоги прожитых лет, ведь лучшая половина жизни уже позади.

Во второй части «Великой мечты» разворачивается главный конфликт романа, внутренний, – конфликт героя с самим собой. Андрей пытается вновь оценить свою жизнь, разложить по полочкам свои жизненные ориентиры и мысленно возвращается в отправную точку – «лихие 90-е». Здесь на помощь ему, как и пятнадцать лет назад, приходит его друг, покойник Юра, только сейчас он существует не в реальной действительности, а в сознании Андрея.

Юра Кладов в 2006 году – это второе я героя, воплощение идеологии 90-х, молодости и жизненной силы Андрея. Юра появляется для того, чтобы узнать у своего друга о том, стало ли реальностью все, о чем они вместе мечтали, добился ли Андрей того, к чему стремился, остался ли он верен самому себе и своим идеалам.

Несмотря на то, что Юра – это лишь «обитатель темных глубин мозга» [2, с. 181], Андрей видит его совершенно реально. «А Юра, подлец, уже сидел на моем месте, за моим столом, курил мои сигареты и стряхивал пепел в мою пепельницу. Развалясь в своей обычной, излишне вольготной, почти хамской позе. Казалось, еще секунда – и положит ноги на стол» [2, с. 181]. При этом Рубанов-герой сознательно создал образ лучшего друга в своем воображении, кроме того, покойный Юра постоянно присутствовал в сознании героя с момента своей гибели: «Все эти пятнадцать лет ты всегда находился рядом со мной. Я советовался с тобой почти каждый день. Для меня ты не погиб. Мертвые спасаются в нашем подсознании, словно в ските, в дальнем монастыре. В нужный момент они приходят на помощь. Влияют и советуют...» [2, с. 183]. Во второй части

романа для Андрея вновь возникает такой момент, кризис, когда ему снова требуется помощь Юры.

Рубановский герой постоянно беседует со своим покойным другом о жизни и в ходе этих разговоров пытается понять, что изменилось вокруг (в России наступила другая эпоха?) и внутри него, куда делись былые идеалы, остался ли он тем Юрой Кладовым, которым был пятнадцать лет назад, сумел ли осуществить свои мечты? Андрей даже сознательно пытается вести себя так, как в той или иной ситуации поступил бы его покойный друг. В романе это выглядит следующим образом: будто Юра вселяется в тело героя и начинает управлять им изнутри: «Тут в мое лицо ударили лучи выскочившего из-за туч солнца, я на секунду зажмурился, а когда открыл глаза – Юра уже сидел на моем месте. Момента подмены я не заметил.

С гениальной стремительностью он разобрался с многочисленными кнопками и рукоятками панели управления. Через секунду оба передних окна моей машины оказались открыты, а из динамиков загремели, мощно сотрясая воздух в радиусе не менее ста метров, тугие гитарные басы и фальцетные взвизги какого-то американского певца (или певицы – по их нынешней жизни и не разберешь).

Мотор загудел, словно шмель-убийца» [2, с. 208].

Таким образом, Рубановский герой сам, сознательно, испытывает себя на прочность, пытается разобраться в себе, разглядеть свой внутренний мир буквально под микроскопом, и для этого он создает в своем воображении образ Юры Кладова: «Не забывай, что тебя нет. Я говорю сам с собой. Сам себя обвиняю. Сам себя называю сволочью» [2, с. 271].

В итоге многочисленных бесед с призраком в своем сознании и перевоплощений в своего старого друга Рубанову-герою удастся разобраться в себе. Он находит ответы на вопросы, которые задает сам себе, делает необходимые выводы.

Во-первых, Андрей понимает, что никакой эпохи просто нет. Есть время, которое идет вперед, заставляет человека взрослеть и меняться, есть жизнь, которая учит людей мудрости: «Эпоха не виновата. Эпоха

всегда одна и та же. Разгадка внутри тебя» [2, с. 287], «Главное – моральные мучения. Возраст есть статус» [2, с. 265].

Во-вторых, герой добился того, о чем мечтал: «Дожив до рубежа, я обнаружил, что многократно перевыполнил планы. Одних только профессий сменил не менее пяти. И все очень любил. Друзей – имею обильный сонм. Правда, надежных всего несколько. К тому же испытывать их надежность нет никакого желания. Деньги? Есть и они. Немного, но есть. Вон, лежат по карманам, притихли. И черт с ними» [2, с. 271].

В-третьих, главное, чего он достиг – это житейская мудрость, умение жить. Он научился не грезить о чем-то, а довольствоваться малым, на это умение герой и потратил последние пятнадцать лет.

В-четвертых, за прошедшие пятнадцать лет Андрей повзрослел, приобрел житейскую мудрость, социальный статус и должен ему соответствовать: «Еще пара лет – и окружающие, да и сам я, начнут думать обо мне, как о сорокалетнем. Прости, но я обязан соответствовать! Возраст – он и есть статус! Люди со статусом не вступают в драки со случайными болванами. Люди со статусом занимаются, главным образом, всесторонним обеспечением упомянутого статуса. Они не ищут себе забав и развлечений, они хладнокровно двигаются к цели...» [2, с. 196].

В-пятых, и это самое главное, Андрей понимает, что жизнь Юры – это не его жизнь. Рубанов-герой «готовил себя к другой» (жизни) [2, с. 262], но Юра проложил ему рельсы, и он до сих пор по ним едет. «Я – это ты. Я – продолжение тебя» [2, с. 328], «Ты ведь создал всю мою жизнь,» [2, с. 362] – обращается Андрей к своему другу.

Изначально, будучи еще юношей, Рубанов-герой готовил себя к тому, что он станет писателем, а не бизнесменом, и Андрей реализует свою потребность в творчестве. Он начинает писать романы: «<...>, есть скелет в шкафу. Имеется стыдная страстишка. Мараю бумагу по ночам. Сочиняю романы. Не знаю, почему. То ли хобби, то ли проклятие.

Много лет я пытался не писать. В юности – да, сочинял запоем. Мечтал о литературной карьере, с этой же мечтой и поступил в университет. Но впоследствии все похерил, презрел и забросил. Стал деньги делать. Были паузы по два или два с половиной года, когда я не родил ни строчки.

Затем – уже после тюрьмы, на четвертом десятке – пришлось с грустью себе признаться, что не писать я не могу. Желание писать меня изнутри жжет и мучает, толкает и насилует. Вне всякого сомнения, я хронический графоман...» [2, с. 202].

Таким образом, несмотря на идеалы, которые в молодости привил герою Юра Кладов, идеалы денежной прибыли и богатства, Андрей остается верным своему творческому началу, реализует себя как писатель.

Теперь герой повзрослел и научился жить, жить самостоятельно, ни от кого не завися, жить так, как хочется именно ему: «Торопиться мне некуда. Я сам себе хозяин, сам на себя работаю. Такова моя привилегия, отвоёванная годами упорного труда. Теперь я совладелец собственной фирмы. Хочу – иду и занимаюсь делами. Не хочу – сижу дома и кино смотрю» [2, с. 202].

Рубанов-герой понимает, что молодость прошла, а вместе с ней остались в прошлом все мечты и юношеский максимализм. Теперь Андрей руководствуется в жизни лишь рассудком и здравым смыслом, а не идеалами того или иного времени: «Я добыл из укромного места полштоф, наполнил рюмку и опрокинул – тщетно. Друг детства не вышел на связь. Ну и пусть, сказал я себе. Нет никакого Юры. Он давно погиб и оплакан. Давно погибла и оплакана молодость. Погибли и оплаканы мечты, жаркие импульсы юных сознаний, яркие грезы незрелых интеллектов» [2, с. 197].

Таким образом, роман Андрея Рубанова «Великая мечта» повествует не о столкновении двух эпох, как это могло бы показаться на первый взгляд, а о становлении личности главного героя. Автор сознательно доводит своего персонажа до апогея его развития, заставляет разобрать свою душу на молекулы, чтобы познать главное – познать самого себя. Для этого Рубанов-писатель использует есенинский прием «черного человека», подсекая во внутренний мир героя его покойного друга-призрака. Прозаику «нравится копать в себе, провоцировать себя новым материалом, подначивать, взвинчивать, накручивать – и поэтому неудивительно, что ради такой беседы он специально придумал особую конструкцию – мнимую шизофрению, раздвоение личности, призрака»

[<http://www.afisha.ru/book/1072/review/155437/>], ведь через своего одноименного героя он исследует, в первую очередь, самого себя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данилкин Л. Рецензия на книгу Андрея Рубанова «Великая мечта». [Электронный ресурс] // www.afisha.ru: развлекательный портал. URL: <http://www.afisha.ru/book/1072/review/155437/> (дата обращения: 20.12.2014).
2. Рубанов А. Великая мечта: Роман. – СПб.: Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2008. – 376 с.

Н.Б. Усачева, А.А. Герасимова
Курган

ПРЕДМЕТНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В ПОЭЗИИ О. МЕДВЕДЕВА

Фразеологические единицы в поэтических текстах известного барда Олега Всеволодовича Медведева являются важным компонентом идиостиля, позволяют передать представления о предметах, процессах, качествах точно и выразительно. Мастер слова О. Медведев использует в своих текстах как узуальные, общеязыковые, так и создаваемые им поэтические фразеологизмы. Методом сплошной выборки нами была составлена оригинальная авторская картотека фразеологизмов, присутствующих в текстах Медведева, мы проанализировали сборники «Таблетки от счастья», «Алые крылья», «Кайнозой», «Чужие сны», «Письма из тундры» и выявили в них более 200 раздельнооформленных предметных единиц, передающих целостное значение.

Создание поэтических фразеологизмов происходит в результате переосмысления автором связей и отношений между отдельными предметами, свойствами, признаками, процессами реальной действительности, что позволяет с большой точностью выразить индивидуальное мироощущение, собственное восприятие элементов реальной действительности. В основе поэтических фразеологизмов лежат ассоциативные связи между предметами и явлениями, которые позволяют сблизить отдаленные поня-

тия и отразить субъективное авторское восприятие действительности, что свойственно художественному мышлению.

Поэтическая функция обуславливает специфику художественной речи, которая, по словам В.В. Виноградова, определяется «...общей направленностью на словесное эмоционально-образное выражение и воспроизведение «действительности» в свете тех или иных эстетических задач и требований» [1]. Фразеологизмы в поэтической речи характеризуются образностью и повышенной степенью эмотивности, что позволяет им быть не только средством номинации, но и выполнять другие функции. Им свойственна художественно-эстетическая направленность, они создают круг эмоционально-окрашенных характеристик предметов, признаков и процессов, формируют эмоциональный фон художественного мира поэта, позволяя ему передавать свои мысли и чувства в образной форме.

В художественных текстах О. Медведева поэтические фразеологизмы используются с целью повысить воздействие речи на читателя, дать ему ярче представить изображаемый предмет или ситуацию; благодаря новизне, неожиданности и выразительности сравнения, они разрушают определенный стереотип в сознании человека; номинируя объект речи, поэтические ФЕ передают и его экспрессивно-эмоциональную оценку говорящим.

Поэтические фразеологизмы, уникальные в содержательном плане, в то же время строятся по существующим в языке моделям, подчиняются общим валентностным и грамматическим нормам. Как верно отмечает Н.В. Гончарова, «специфичность структурно-грамматической характеристики связана с творческим использованием языковых средств, с уникальным образованием именно такого сочетания различных элементов для передачи личного, субъективного видения человека и окружающей действительности» [2].

Категоризация действительности человеком универсальна, поэтому разделение значимых, самостоятельных языковых единиц по типу категориального значения является верным и для поэтической фразеологии О. Медведева. В ходе анализа фразеологизмов в творчестве О. Медведева мы отмечаем, что он использует единицы разных семантико-грамматических

классов, самыми продуктивными, по данным нашей картотеки, являются предметные, процессуальные и качественно-обстоятельственные фразеологизмы.

Целью данного исследования является характеристика предметных поэтических фразеологизмов в стихотворениях О. Медведева. Предметные фразеологизмы имеют самое общее, категориальное значение предметности, которое может быть конкретизировано. Предметный фразеологический мир Олега Медведева разнообразен: номинации человека, наименования конкретных бытовых реалий и обобщенные понятия, чувства, эмоции.

Чрезвычайно важны в поэтической картине мира поэта самоназвания, номинации лирического героя. Например, в стихотворении «Марш небесных связистов» О. Медведев использует такие фразеологизмы:

Первые звуки, пробные строки,
Сладкие муки тонкой настройки.
Кокон в пространстве - **сам себе волк, товарищ и князь,**
Каменный пес, персона «нон грата»,
Вечный дежурный у аппарата
Ждет, когда небо вспомнит о нем и выйдет на связь...

Лирический герой Медведева отождествляет себя с защитником, помощником, человеком, умеющим ждать.

В стихотворении «Ирокез» автор создает фразеологизм «ирокез на тропе любви» на основе переосмысления единицы «встать на тропу войны», имеющей значение «объявить войну»:

А ты подбрось его, ему ж тоже хочется вдаль...
Ну что за счета промеж друзей?
Но взгляд твой мимо, ты молча жмешь на педаль.
В движении к ней, в стремлении к ней - туда,
Где ее замок плющом увит,
Взгляд прозрачен и светел.
А ты — **ирокез на тропе любви**
Ты за нее в ответе.

В результате компонентной трансформации происходит и изменение значения фразеологизма. Грамматически главный глагольный компонент «встать» утрачивается, вместо него в структуру единицы включается компонент «ирокез» со значением «символ войны, воинственный человек», фразеологизм приобретает предметное категориальное значение. Компонент «война» (состояние вражды) в составе фразеологизма заменяется компонентом «любовь», в результате образуется поэтический фразеологизм со значением «воин на пути к любви».

Трансформации компонентного состава, приводящие к семантическим преобразованиям, наблюдаются и в наименованиях других лиц, присутствующих в поэтических текстах О. Медведева. Например, в стихотворении «Исказилась наша планета» автор создает фразеологизм **вервольф в законе** на основе единицы **оборотень в погонах**, имеющей значение «сотрудник правоохранительных органов, под прикрытием своих званий и должностей совершающий преступления или участвующий в коррупции». Грамматически главный компонент «вервольф» является синонимом компонента «оборотень» и имеет значение «*перен.*: человек, скрывающий свою истинную (обычно дурную, преступную) сущность, втайне занимающийся преступной деятельностью». Атрибутивный компонент «в законе» в составе фразеологизма частично утрачивает свое индивидуальное лексическое значение и приобретает новое лексическое значение, синонимичное значению «в погонах»:

В поле ждут их бледные кони,
Сгрудившись в табуны –
Ведь скоро в дальний путь **вервольфам в законе**,
Детям полной луны.

Так О. Медведев создает поэтический фразеологизм с конкретным наименованием лица, служащего в правоохранительных органах и злоупотребляющего своим положением.

Фразеологические единицы, называющие конкретные предметы действительности, являются наименованием мира вещей, окружающих О. Медведева. Поэтический фразеологизм «**деревянный бог**» обозначает икону:

Сто грамм с прицепом **деревянному богу**

Через левое плечо,

Чтобы он вспомнил про меня ненароком. «Религия»

В стихотворении «Браво, парень!» О. Медведев употребляет фразеологизм «летающее серебро», который имеет значение «пуля»:

И снова двенадцать унций в лицо **летающего серебра**,

Но надо опять вернуться, забыть на время, кем был вчера.

Фразеологизм **телеграфные струны**, употребленный в стихотворении «Несмеянин День», имеет значение «провода». Главный компонент «струна» (тугая нить, обычно предназначенная для натягивания) частично утрачивает свое индивидуальное лексическое значение, актуализирует сему «натянутый» и сравнивается с натянутыми телеграфными проводами:

И стоять невмочь, и дойти — слабо,

Завершая неравную игру,

Натянула ночь на колки столбов

Чахлый строй **телеграфных струн**.

Важными в плане осмысления и творческой переработки О. Медведевым действительности являются поэтические предметные фразеологизмы с абстрактным значением. Отметим своеобразие единиц, которые создаются поэтом для характеристики окружающего пространства. Созданный с помощью предметных фразеологизмов пейзаж подчеркивает экспрессию и эмоциональность поэзии О. Медведева, поэт охватывает небесное и земное пространство: звезды, утро, рассвет, снег, молния.

Например, на основе метафорического уподобления алькова (шатер) и млечного пути (звезды) создается поэтическая зарисовка - звездный шатер:

В тот час, когда полночная звезда

Взойдет на полог **млечного алькова**,

Налей себе чего-нибудь такого,

Чтоб не остановиться никогда. (Маленький принц).

Главный компонент – «альков» (шатер) в составе поэтического фразеологизма утрачивает свое индивидуальное лексическое значение (шатер

– «высокая пирамидальная многогранная крыша»), из которого актуализируется сема «крыша» и формируется предметное значение единицы.

Фразеологизм **«подножие рассвета»** основан на метафорическом сравнении подножия с моментом появления первого луча солнца и рассвета (первый луч света):

Из центра заколдованных трясин,
Где мутная вода под подбородок,
Летучий dream болотного народа
К подножию рассвета донеси. (Маленький принц).

В качестве наименования явлений природы (молнии, грозы, снега) используются компоненты «звезды» или «звездный». Таким образом автор показывает близость, неразрывную связь земного и космического миров. Например, фразеологизм **«звездное серебро»** основан на метафорическом уподоблении серебра со снегом. Здесь главный компонент «звездное» указывает на «выпавшие осадки»:

Мчится, мчится бешеный заяц,
Как ручей — небо вброд...
Такой дубак, что враз к ногам примерзает
Звездное серебро. (Исказилась наша планета).

Так рождается «поэтическая фразеология, неустанно создаваемая пульсирующей, творимой в процессе свободного художественного отображения реальной и вымышленной действительности мыслью поэта» (Лебединская, 2007).

Таким образом, предметные фразеологические единицы, называющие лиц, конкретные предметы и абстрактные понятия, позволяют О. Медведеву номинировать и оценивать опредмеченные сущности уникального представления действительности. Предметные фразеологизмы в поэзии О. Медведева вербализуют мир в его авторской интерпретации и являются значимыми составляющими индивидуальной картины мира поэта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В.В. *О теории художественной речи.* М.: Высшая школа, 1971.
2. Гончарова Н.В. *Структурно-грамматическая и семантическая*

характеристика поэтических фразеологизмов со значением лица в стихотворениях О. Мандельштама. Дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2011.

3. Лебединская В.А. Предметный мир в поэзии К. Бальмонта // Лебединская В.А. Избранное. – Курган: изд-во Курганского гос. ун-та, 2007.

К.Л. Фёдорова

Курган

РУССКИЕ И АНГЛИЙСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТАМИ-МЕТЕОНИМАМИ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В настоящее время исследование языковой картины мира этносов и разгадка культурного кода нации приобретают всё большую актуальность. Вопросы лингвокультурологии стали центральными для учёных-филологов Ф. Боппа, В. фон Гумбольта, В. Н. Телии, В. А. Масловой, В. В. Воробьёва, С. А. Аскольдова, Е. И. Зиновьевой, Е. Е. Юркова, О. А. Корнилова, Ю. Д. Апресяна, А. П. Бабушкина, О. Н. Кондратьевой, Ю. С. Степанова, З. Д. Поповой, И. А. Стернина, Н. Н. Бочеговой и др. Сопоставительный анализ фразеологических составов нескольких языков является центральной проблемой сопоставительной фразеологии - особого раздела фразеологической теории. В данной статье рассматриваются русские и английские фразеологизмы с компонентами-метеонимами в лингвокультурологическом аспекте. Материалом для анализа и сопоставления послужила составленная нами картотека, насчитывающая 243 русских и 403 английских фразеологизма с компонентами-метеонимами.

Вслед за представителями Челябинской фразеологической школы мы полагаем, что компоненты – это лексемы, относящиеся к любой части речи и претерпевшие качественные и количественные семантические и грамматические изменения. В. фон Гумбольдт утверждал: «Всякий язык в любом из своих состояний образует целое некоего мировидения, содержа в себе выражение всех представлений, которые нация составляет себе о мире, и для всех ощущений, которые мир вызывает в ней» [2; 64]. Таким образом, язык выражает взгляд на мир, присущий тому или иному народу. И в этом

качестве он обладает когнитивной силой, являясь мостом между миром объективной реальности и языковой личностью, «язык есть мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [2; 393]. В языке запечатлены общие представления народа о жизни, её смыслах, идеалы, ценности и нормы морали, поэтому языковая картина мира является своего рода философией этнического коллектива.

Исторически Великобритания является островным государством. Поскольку в составе Британской империи - сильной морской державы – находилось множество колоний, лексический состав языка существенно обогатился. Американский вариант английского языка также насыщен фразеологизмами с компонентами-метеонимами, имеющими различное происхождение: британское, новозеландское, австралийское и т.д. Это является результатом переселения представителей различных государств в Северную Америку ещё во времена её освоения. Так, например, русский фразеологизм «*выйти сухим из воды*» имеет следующие варианты перевода в английском языке: *to get out of the rain* (брит.), *to keep out of the rain* (австрал.), *to go in when it rains* (амер.) – избежать неприятностей. Во всех трёх случаях в состав процессуальных фразеологических единиц входят компоненты-метеонимы: “rain” (дождь) и “rains” (идёт дождь). Вхождение именно этого компонента в состав фразеологизмов неудивительно: климат Соединённого Королевства дождливый, и жители этой страны шутят, что у них существует три варианта погоды: «*When it rains in the morning, when it rains in the afternoon or when it rains all day long*» (когда дождливо утром, после обеда или в течение всего дня).

По мнению В. Н. Телии, фразеологический состав языка служит зеркалом, в котором та или иная лингвокультурная общность идентифицирует своё национальное самосознание. Действительно, во внутренней форме фразеологизмов можно угадать национальный колорит. Так, по данным статистики, британцы признаны самой пьющей нацией в мире, культура питейных заведений – пабов – в этой стране формировалась веками. В связи с этим в британском варианте английского языка имеется множество фразеологизмов, в том числе с компонентами-метеонимами, на эту тему: *to have been in the sun* (разг.) – «нажраться», быть сильно пьяным, *to have been*

in the sunshine (разг.) - быть пьяным, «надраться», *to have the sun in one's eyes* (разг.) – «нажраться», быть сильно пьяным, *to take one's drops* – напиться, *to have a drop in one's eye* - быть навеселе, выпить и др. В американском и новозеландском вариантах английского языка также имеются фразеологизмы с компонентами-метеонимами: фразеологизм категории состояния “*to be under the weather*” (амер.) – быть выпивши; быть нездоровым, больным; процессуальная фразеологическая единица “*to get a spark up*” (разг., новозел.) – поднимать настроение, употребляя алкогольные напитки.

Общественно-политические события в США (введение «сухого закона» - запрета на производство, транспортировку и продажу алкогольных напитков с 1919 по 1933 гг.) отразились во фразеологизме “*a wet state*” (амер.) – «мокрый» штат (штат, где на законодательном уровне разрешена продажа спиртных напитков, или штат, руководство которого лояльно к отмене ограничений).

В русском языке фразеологизмы с компонентами-метеонимами также являются выразителями национальной картины мира, отражают быт и уклад народа. Так, фразеологизмы с компонентом «ветер» широко распространены, составленная нами картотека включает 32 единицы. Однако семантика таких фразеологизмов связана не с погодой, а характеристикой человека, положения дел, отношением к жизни и абстрактным категориям. В языческие времена славяне наделяли силы природы магической властью и отождествляли их с божествами. Под них подстраивал человек свой быт, укрощая стихию (*держат нос по ветру; попутного ветра; жить, куда ветер дует* и др.). Большая часть фразеологизмов с этими компонентами приобретает метафорический смысл, когда два предмета извлекаются из разных логических классов, отождествляясь на основе общих признаков и свойств (*с ветра; ветер свистит в кармане* и проч.), обозначая нестабильность, легкомысленность, безрассудство, приспособленчество, грозную стихию. Это универсалии, объясняемые общностью человеческого мировосприятия. С погодными изменениями сравнивал обыватель окружающие его явления материального мира, умонастроения современников (*ветер в голове ходит; жить, куда ветер дует; бороться с ветряными мельница-*

ми; с ветерком). Во внутренней форме фразеологизма «ищи-свищи ветра в поле» (исчез, испарился) содержится национальная традиция: в старину славянские семьи были многодетными, и люди держали десятки коров, лошадей, овец, коз. Рано утром пастухи выгоняли в степь табуны. Чтобы к вечеру собрать большой табун, пастуху приходилось свистеть. Его свист подхватывал ветер и разносил далеко по степи. Эта бытовая ситуация легла в основу процессуального фразеологизма «ищи-свищи ветра в поле».

Таким образом, фразеологический состав языка является выразителем национальной картины мира той или иной лингвокультурной общности. В данной статье мы проанализировали русские и английские фразеологизмы с компонентами-метеонимами в лингвокультурологическом аспекте, выявили их особенности и связь с культурным кодом нации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бирих, А. К. *Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник* / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – СПб.: Фолио-Пресс, 2001. – 78-79 с.
2. Гумбольдт, В. *Избранные труды по языкознанию* / В. Гумбольдт. – М., 1984. – С. 393.
3. Лебединская, В. А. *Семантика процессуальных фразеологизмов в русском языке* / В. А. Лебединская, Н. Б. Усачёва. – Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 1999. – 186 с.
4. Мокиенко, В. М. *Славянская фразеология* / В. М. Мокиенко. – М.: Высш. шк., 1989. – С. 53.
5. Радченко, О. А. *Язык как мирозидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. Ч. 1* / О. А. Радченко. – М., 1997. – С. 64.
6. Чепасова, А. М. *Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов: учеб. пособие* / А. М. Чепасова. - Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2006. – 144 с.
7. Siefring, Judith. *Oxford Dictionary of Idioms* / Judith Siefring. – Oxford University Press, 2004. – 340 p.

ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ

Литературное краеведение является составной частью филологического образования школьников. В Курганской области существует традиция – изучение литературы Зауралья в образовательных учреждениях. Постигание литературного краеведения не является самоцелью, оно изучается во взаимосвязи с русским языком и литературой.

В 2014 году институтом развития образования и социальных технологий Курганской области было разработано содержание литературного краеведения (регионального компонента литературного образования) на переходный период внедрения Федерального государственного образовательного стандарта.

Новый региональный компонент литературного образования представлен УМК, который состоит из 22 пособий, среди них:

- программа «Фольклор и литература Зауралья» (5-11 классы);
- 7 пособий «Литература Зауралья». Тексты для чтения и изучения. (Хрестоматии). С 5 по 11 классы;
- 7 пособий «Литература Курганской области. Информационно-методические материалы». (Учебники). С 5 по 11 классы;
- 5 пособий «Сборники вопросов и заданий» (Рабочие тетради). С 5 по 9 класс.
- «Уроки по литературе Зауралья» Методические разработки учителей.
- Методические рекомендации по организации изучения литературного краеведения в 5-9 классах в условиях реализации ФГОС.

Представляемый курс является составной частью литературного образования в средней школе. Программа «Фольклор и литература Зауралья» основывается на следующих принципах:

- связи искусства и литературы с жизнью;

- единства формы и содержания;
- историзма;
- взаимосвязи традиций и новаторства в литературе и искусстве и др.

Программа «Фольклор и литература Зауралья» направлена на развитие устной и письменной речи школьников. Итогом освоения программы является развитие у обучающихся компетентностей:

- читательской,
- коммуникативной,
- исследовательской,
- информационной,
- социокультурной,
- проектировочной,
- рефлексивной.

Главной идеей предлагаемой программы является изучение литературы Зауралья в развитии от фольклора до наших дней.

Объект изучения курса «Фольклор и литература Зауралья» – тексты зауральских авторов. В системе литературного образования особая роль принадлежит чтению художественных произведений, поэтому занятия курса ориентировано на этот процесс.

В 5-6 классах ученики входят в мир литературы, достигают определенного уровня начитанности, позволяющего делать первые обобщения о характерах, особенностях изображения действующих лиц и окружающей их обстановки, проводить необходимые наблюдения над языком произведений, выполнять устные и письменные работы. Это положение стало ведущим для включения в программу произведений фольклора (сказок, исторических, лирических песен, частушек Зауралья).

В пятом классе ученики знакомятся с народными сказками из сборника В.П.Федоровой «Сто сказок Южного Зауралья» и из сборника В.Н.Бекетовой «Сказки Шадринского уезда». Литературная сказка в программе представлена именами Л.Куликова, Т.Лепихиной, В.Калгановой.

Пятиклассникам предлагается знакомство с жизнью и творчеством собирателей фольклора: В.Н.Бекетовой, В.П.Федоровой.

В 6 классе углубляется представление школьников о людях, посвятивших свою жизнь изучению устного народного творчества. В программе это обозначено так: «Собиратели фольклора Зауралья: А. Н. Зырянов, Янко М. Д., В. П. Бирюков, В.П.Федорова, Д. А. Белоусов. Подвиг В.П.Бирюкова. В. П. Бирюков как воплощение лучших качеств исследователя и собирателя фольклора. Советы В.П.Бирюкова собирателям»

В 7-8 классах усложняется содержание изучаемых произведений, обогащаются знания учащихся о писателях, об особенностях художественной литературы, поэтому изучают произведения эпических жанров.

В 9 классе произведения изучаются в историческом освещении. Предлагаются темы: «В.П.Бирюков, А.Н.Зырянов, МД. Янко как исследователи культуры и литературы Зауралья».

Более обстоятельно в контексте творчества писателя и литературной жизни эпохи произведения изучаются в 10-11 классах.

В УМК по литературному краеведению можно выделить «сквозные» темы: «Творчество В.Ф. Потанина», «Творчество В.И.Юровского», «Тема природы в произведениях поэтов Зауралья», «Тема Родины в произведениях писателей Зауралья» и др.

Первая среди них – Зауралье. Программа каждого класса (с 5 по 9) начинается со стихов о Зауралье.

5 класс - Стихи о Зауралье. Л.Верхнева «Зауралье».

6 класс - Поэты Зауралья о родном крае. Л.Куликов «Зауралье», Л.Блюмкин «Был городок уездный».

7класс - Зауралье в творчестве поэтов. А.Пляхин «Мое Зауралье».

8 класс - Стихи о Зауралье. А.Баева «В Зауралье»

9класс - Поэтический образ родного края в стихотворении Аркадия Соловьева «Зауралье».

Вторая «сквозная» тема - «Тема Великой Отечественной войны».

5 класс. Поэты Зауралья о Великой Отечественной войне. Н.Покидышев «Городу Ленинграду» - память о подвиге Жителей города, Н.Моторина «В глазах сегодня боль и радость» - посвящение людям, пережившим блокаду.

6 класс. Тема Великой Отечественной войны в литературе Зауралья. Творчество А.Пляхина.

7 класс. Тема Великой Отечественной войны в литературе Зауралья.

В.И.Филимонов. Стихи о войне. Г.Устюжанин «Первый из дважды Героев».

8 класс. Тема Великой Отечественной войны в литературе Зауралья. В Гилев, Л.Бендик. Память о войне в стихах поэтов.

9 класс. Тема Великой Отечественной войны в поэзии Зауралья: И.Яган «Сорок первый», А.Виноградов «Вокзал. Январь 43-го», Н.Покидышев «Первый бой» и др. Война как воспоминание детства.

Тема Великой Отечественной войны в прозе Зауралья: В. Веселов «Маленькая война штурмана Стогова», Н.Покидышев «Скрипка Чукакая».

10 класс. Тема Великой Отечественной войны в литературе Зауралья. Поэзия. Тема памяти в стихах современных поэтов. Н.Покидышев «В который раз победный май», Л.Андреева «Память», М.Танаева «Афанасий» и др. Проза. Патриотизм жителей Зауралья в прозаических произведениях.

Сметанин А.М. «Прерванный полет. Письма с фронта».

11 класс. Проза о Великой Отечественной войне. Героизм солдата в последнем сражении Г.П.Устюжанин «Герой штурма рейхстага». Война – стечение трагических обстоятельств. В.И. Еловских «Солдат и мальчик». В.Носков «Дорога Домой». Память о погибших как спасение в опасной ситуации.

Среди «сквозных» тем – произведения о природе, стихи А.Виноградова, Б.Черемисина, А.Баевой Л.Андреевой и др., лирические миниатюры А.Мехонцева, А.Мурзина и др.

УМК «Фольклор и литература Зауралья» создает основу для воспитания нравственности обучающихся и их самореализации.

По мнению педагогов, психологов, социологов, саморазвитие личности проходит через следующие этапы: самоосмысление, самопонимание, самопознание, самосовершенствование, самореализация, самоутверждение, самоактуализация и др.

Основой для содержания каждого этапа саморазвития может стать литературное краеведение. Биография, судьбы известных людей способствуют самосовершенствованию обучающихся. В Зауралье есть творческие люди (писатели, поэты) с судьбой преодолением: Л.Куликов, Л.Туманова, И.Анисимова, Н.Моторина, А.Баева и др. Жизнь этих людей – это образец нравственного самосовершенствования.

Леонид Куликов известен широкому читателю как детский поэт. Уже не одно поколение маленьких граждан воспитывается, соприкасаясь с прекрасным миром его сказок и стихов, полных занимательности и доброты.

Навечно прикованный к постели, с полным и ясным сознанием этого, Леонид Куликов вырывался из круга тем о собственной беде, появлялись стихи о Зауралье, воспоминания о Гатчине, о могуществе русского языка и судьбе России, проникновенные строки о матери.

Поэма Сергея Васильева «Достоинство» о том, что является итогом саморазвития: сильный, негиббаемый характер генерала Карбышева. С этим произведением перекликаются очерки В.Носкова «Любите нас, пока мы живы...», В. Устюжанина об Афганистане.

Литература Зауралья даст нашим воспитанникам траекторию движения к саморазвитию.

Произведения В.Потанина – надежная помощь на этом пути. Герои писателя – это русские интеллигенты. Где бы они ни жили: в деревне или в городе – остаются верны себе. Интеллигентность, по мнению писателя, это свойство души, характера, которое проявляется в особой чуткости, деликатности, такте. Этими качествами наделяет Виктор Федорович Потанин своих персонажей. Герои Потанина, как и герои русской литературы, размышляют, сомневаются, ищут место в жизни. Их рефлексия напоминает рефлексию персонажей Ф.М.Достоевского, постоянно оценивающих свои поступки и окружающих. Душа Виктора Федоровича Потанина живет в его героях. Каждый из них мог бы сказать словами писателя: «...все сложности, все наши страдания и мучения, все наши мечты и надежды, все наши молитвы и сокровенные сны замыкаются на Душе. Так давайте же бережем ее».

Произведения писателей Зауралья научат школьников видеть красоту, понимать ее. Стремление к гармонии проявляется в художественном мастерстве поэтов. Поэзию А. Еранцева отличает метафоризм. Совершенство его творчества вызывает мотивацию к самосовершенствованию школьников.

Да, няня старая жива,
Она с камина пыль стирает,
В старинном парке собирает
Его прощальные слова....

Приоритетным направлением современного образования является формирование деятельной личности. Этому способствует организация образовательного процесса (акцент на деятельность обучающихся), содержание образования по русскому языку и литературе, в частности реализация краеведческого компонента по предметам.

Концепция деятельности и деятельного человека представлена в статьях Т.С.Мальцева. Его публицистику можно назвать педагогической, написанная в иной социальной среде или при другом политическом строе, она остается актуальной и для молодежи, и для педагогов. Заповеди Т.С.Мальцева «Знать, уметь, желать и действовать» могут быть декларацией людей современной России: *«Надо знать.* Это условие важное, но, я думаю, самое легкое. У нас много знающих, как следует и как не следует поступать. «.. Нельзя, конечно, сказать, что у нас излишек знаний, учиться полезно всем и всегда, но знать — этого слишком мало... *Надо уметь.* Это потруднее. Тут предполагается приобщение к жизни, потому что умение дается только практикой. ...*Надо желать.* То есть быть глубоко заинтересованным. *Надо действовать.* Я не раз встречал людей, которые дальше хотения не шли. Им казалось, что их действие ничего не изменит. В то же время я не раз убеждался в том, что, действуя, рано или поздно своего добьешься».

Все герои литературы Зауралья действуют, ищут новое, интересное. Начиная с героев фольклора, вся литература Зауралья пронизана деятельностью.

Программа «Фольклор и литература Зауралья» направлена на фор-

мирование различных видов деятельности.

В 5-6 классах ученики входят в мир литературы, достигают определенного уровня начитанности, позволяющего делать первые обобщения о характерах, особенностях изображения действующих лиц и окружающей их обстановки, проводить необходимые наблюдения над языком произведений, выполнять устные и письменные работы. Народные сказки Южно-Зауралья, сказки Л.Куликова, Т.Лепихиной дают алгоритм поведения человека в любой ситуации.

В 7-8 классах усложняется содержание изучаемых произведений, обогащаются знания учащихся о писателях, об особенностях художественной литературы, поэтому изучают произведения эпических жанров, усложняются виды деятельности.

В 9 -11 классах акцентируется внимание на самостоятельной деятельности обучающихся, что способствует развитию инициативы обучающихся.

Литературное краеведение представляет виды деятельности, которыми занимаются жители Курганской области. Труд крестьянина (произведения В.Юровского, В.Потанина и др.). Труд ученого-филолога (исследовательская деятельность А. Югова). УМК для 9 класса позволяет представить деятельность А.К.Югова как филолога: дана возможность познакомиться с его переводами «Слова о полку Игореве» и комментариями к этому произведению, статьями о русском языке, среди них статья «Изобразительная сила русского слова». Проникновенные слова писателя убеждают в значимости родного языка: «Язык.

Слово человеческое!.. Какая другая сила в мире может сравниться с его безмерною силою? Всегда неразрывно-единое с мыслью, рожденное в общественном труде человека, извечно с этим трудом взаимодействующее, слово является творцом всей мировой культуры, собирателем и управителем всей деятельности и отдельного человека, и народа, и всего человечества». Статья А.К.Югова, предназначенные для изучения в 11 классе показывает уникальность русского языка: «...художественность присуща самому языку народа. А ведь каждый из нас... является прирожденным ...пайщиком этой неисчерпаемой сокровищницы народной речи».

К современному человеку жизнь предъявляет большие требования, одно из них – воспитание души. Об этом публицистика В.Ф.Потанина: «...все сложности, все наши страдания и мучения, все наши мечты и надежды, все наши молитвы и сокровенные сны замыкаются на Душе. Так давайте же сбережем ее». Произведения В.Ф. Потанина отражают современную жизнь, непростые проблемы, поэтому всегда близки читателю. Герои писателя – это русские интеллигенты. Где бы они ни жили: в деревне или в городе – остаются верны себе. Интеллигентность, по мнению писателя, это свойство души, характера, которое проявляется в особой чуткости, деликатности, такте. Этими качествами наделяет Виктор Федорович Потанин своих персонажей.

Литературное краеведение развивает личность обучающихся, способствует самовоспитанию школьников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Антология зауральских писателей / В.И.Филимонов.- Курган. 2011.*
2. *Бирюков, В.П. – ученый, писатель, краевед / В.П.Бирюков / Краеведческий сборник. Вып.7. – Курган, 1994.*
3. *У кота Баюна: детский фольклор Зауралья / Под ред В.П. Федоровой. – Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1992.*
4. *Янко, М.Д. Литературное Зауралье /М.Д.Янко. – Курган, 1960.*
5. *Янко, М.Д. Литературное краеведение в школе /М.Д.Янко. – М., 1965.*

Н.В. Шведова

Курган

КАЧЕСТВЕННО-ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ «ЧЕРТ»

Во фразеологической подсистеме с компонентом «черт» особо выделяются единицы, относящиеся к качественно-обстоятельному классу: *будто черт по коробке колотит, к черту, к черту в мешок, к черту на*

рога, к черту на кулички, ко всем чертям и др. Названные фразеологизмы имеют особенности и во внешней, и во внутренней своей форме.

Описываемые качественно-обстоятельственные фразеологизмы включают в свой состав от 2 до 5 компонентов: двухкомпонентные (*к черту, до черта, как черт (черти)*); трехкомпонентные (*к чертям собачьим, ко всем чертям, как от черта, как сто чертей*); четырехкомпонентные (*к черту в мешок, к черту на помойку, к черту в пекло, к черту в подкладку, к черту на кулички, к черту на рога, у черта на куличках, как черт из коробки (коробочки, табакерки)*); пятикомпонентные (*будто черт по коробке колотит, хоть к черту на рога*).

По структуре большинство качественно-обстоятельственных фразеологизмов с компонентом «черт» восходят к сочетанию слов (*до черта, к черту, к черту в мешок, к черту в пекло, к черту в подкладку, к черту на кулички, к черту на рога, к черту на помойку, у черта на куличках* и др.). Описываемые фразеологизмы, кроме фразеологизмов **к черту, до черта**, представляют собой два сочетания слов без грамматической связи между ними; эти сочетания слов в свободном употреблении являлись обстоятельствами. Исследуемые фразеологизмы вступают между собой в синонимические отношения; компоненты-существительные из второго сочетания слов фразеологизмов не являлись синонимами в дофразеологическом употреблении, тем не менее, они относятся к тематически однородной группе лексики, которая имеет свою фразеологическую специфику: *мешок, пекло, подкладка, кулички, помойка, рога* – «отдаленное, не видимое глазом, вызывающее беспокойство, опасение место». Итак, фразеологизации этих единиц способствует метафора на основе сходства производимого впечатления.

Его тетушка жила у черта на куличках. *Р. Сенчин. День без числа.* На край света, к черту на кулички, провалиться сквозь землю, но исчезнуть, раствориться... *А. Виноградов. Бутафория.* - Напрасно казнитесь, сказал. У вас не получилось ехать с ним к черту на рога. *Е. Козловский. Мы встретились в Раю...* Узлом бы вас всех завязал, в муку бы стер вас всех да к черту в подкладку! *Н.В. Гоголь. Ревизор.*

Во фразеологизации единиц с исследуемым компонентом принимают участие предлоги, которые в дофразеологическом употреблении имели обстоятельственное субкатегориальное значение места: предлог **к** – «обозначает направление в сторону кого-, чего-нибудь» [Ожегов, Шведова 2001: 257]; предлог **на** – «употр. при обозначении поверхности, на которой сверху располагается или куда направляется что-нибудь» [Ожегов, Шведова 2001: 373]; предлог **у** – «возле, совсем около» [Ожегов, Шведова 2001: 820]; предлог **в** – «употр. при обозначении места, направления куда-нибудь или нахождения где-нибудь» [Ожегов, Шведова 2001: 66]. Таким образом, предлоги влияют на формирование категориального, субкатегориального, группового и индивидуального значений качественно-обстоятельственных фразеологизмов с компонентом «черт».

Во-вторых, качественно-обстоятельственные фразеологизмы с компонентом «черт» восходят к структуре придаточного предложения. Наиболее представлены фразеологизмы с компонентом **как** и его синонимом **будто**, которые генетически восходят к придаточным сравнительным предложениям. Здесь выделяются модели неполного предложения: а) «союз *как* + предлог *от* + сущ. в род. пад.» (*как от черта*); б) «союз *как* + словосочетание» (*как сто чертей*); в) «союз *как* + сущ. в имен. пад. + предлог *из* + сущ. в род. пад.» (*как черт из коробочки*); г) «союз *как* + сущ. в имен. пад.» (*как черт*). Неполнота структуры создается путем вынесения сказуемого за пределы фразеологизма: *отмахиваться, как от черта; колотить, как сто чертей; выскочить, выпрыгнуть, как черт из коробочки (коробки, табакерки); действовать, как черт (черти)*. Например:

Алина переезжала как раз неширокую улочку, когда по ней, выскочив из-за угла, как черт из коробочки, понесся милицейский УАЗик с включенными сиреною и мигалками. *Е. Козловский. Повести.* Я выпрыгнул на сцену, как черт из коробочки. Есть такая детская игрушка на пружинке. *А. Житинский. Дитя эпохи.* - Чур! Чур! – каркнул посетитель, отмахиваясь от Владимира, как от черта. *А. Житинский. Повести.* Почтовый чиновник, побывавший в России, соорудил из палки и ремня кнут, которым стал действовать, как черт, ловко. Молодчина! *В. Набоков. Рассказы.*

Во фразеологизме **как черт из коробочки (коробки, табакерки)** наблюдается словообразовательное и лексическое варьирование, например:

В коридоре, как черт из коробочки, выскочив из боковой двери, расхристанный, запыхавшийся, счастливый, с безумным, горящим взором – судя по этому, Кутяев поделился с ним своею добычею. *Е. Козловский. Мы встретились в Раю...* Он тоже не знал, куда клонит автор этого, ибо прелесть сочинительства в том и состоит, что мысль рождается не загодя, а выскакивает, как черт из табакерки, с пылу, с жару. *А. Козловский. Потерянный дом, или Разговор с Милордом.*

Компоненты **коробка, коробочка, табакерка** в свободном употреблении объединены общим родовым понятием «вместилище»; во фразеологизме создают лексическое варьирование. Качественно-обстоятельные фразеологизмы являются морфологически неизменяемыми. Особенностью исследуемых фразеологизмов является то, что компонент «черт» во фразеологической единице **как черт (черти)** может быть употреблен и в единственном, и во множественном числе, например:

Лазают по ремонтным ямам грязные, как черти, слесари, электрики регулируют сигналы, перемонтируют фары пришедших из рейсов машин. *В. Кунин. Киноповести.* Страх скакал у него в глазах, как черт, руки дрожали, и сифилитик говорил, и губы у него прыгали, как у ребенка. *М. Булгаков. Белая гвардия.*

Употребление компонента «черт» то в единственном, то во множественном числе создает морфологическое варьирование.

Один фразеологизм имеет модель подчинительного сравнительного двусоставного предложения – **будто черт по коробке колотит**, например: Взяла на прицел Семена, у того зубы стучат, будто черт по коробке колотит. *Ю. Никитин. Золотая шпага.* Сравнительный союз **будто** формирует категориальное значение фразеологизма, остальные компоненты создают индивидуальное значение единицы «очень сильно, громко».

Один фразеологизм с компонентом **хоть** (*хоть к черту на рога*) генетически восходит к придаточному уступительному, например: - А если зашлют в какую-нибудь Тьму-таракань? – Хоть к черту на рога. *Ю. Никитин. Золотая шпага.* В описываемом фразеологизме могут находиться два

синонимичных друг другу в свободном употреблении слова **черт** и **дьявол**, их столкновение в границах одного фразеологизма приводит к усилению экспрессивности единицы: А мы, вместо того, чтобы его тут же отправить назад – хоть в Россию, хоть к черту-дьяволу на рога – сейчас ему временный паспорт беженца выпишем. *М. Гигалашвили. Дезертиры.*

В-третьих, два фразеологизма имеют структуру подчинительного словосочетания, застывшего в форме дательного падежа: а) «предлог *к* + сущ. в дат. пад. + прил.» (*к чертям собачьим*); б) «предлог *ко* + мест. + сущ. в дат. пад.» (*ко всем чертям*). Все есть: деньги есть, головы на плечах есть, молодой – учись! Нет, он взял и всю мою мечту нарушил к чертям собачьим. *В. Шукшин. Любовины.* Нет, в тебе слишком много ярости, ее нельзя нести в монастырь. Иначе взорвешь его ко всем чертям. Поработай сперва в мире, сынок! *Ю. Никитин. Золотая шпага.* Эти фразеологизмы, синонимичные друг другу, имеют индивидуальное значение «совсем, полностью».

В формировании качественно-обстоятельственного категориального значения главная роль принадлежит подчинительным союзам **как**, **будто**, а также предлогам, которые, помимо категориального значения, формируют субкатегориальное, групповое и индивидуальное значение. Остальные компоненты (существительные, глагол, прилагательное, местоимение, числительное) создают индивидуальное значение исследуемых фразеологических единиц.

Компонент «черт» актуализирует семы только первого значения «вообще нечистая сила, враг рода человеческого, искуситель человеческих душ»; участвует в формировании индивидуального фразеологического значения: **к черту** – «далеко», **до черта** – «очень, до крайней степени», **будто черт по коробке колотит** – «очень громко», **как черт** – «ловко» и др.

Качественно-обстоятельный фразеологизм **к черту** является производящим по отношению к фразеологизмам **к черту в мешок**, **к черту на кулички**, **к черту в пекло**, **к черту на рога**, **к чертям собачьим**, **ко всем чертям**, **к черту в подкладку**, **хоть к черту на рога**; «когда само название немытика недостаточно точно указывает на его «адрес» [Мокиенко 1989: 48], тогда в компонентный состав качественно-

обстоятельственного фразеологизма включается второй именной компонент с предлогом со значением места. Это делает образ более конкретным.

Так образовался качественно-обстоятельный фразеологизм **к черту на кулички**: *кулички (или кулижки, кулиги)* – выжженные и расчищенные под пашню места в лесу (при подсечно-огневой системе земледелия); вырубленный лес сжигался, и два-три года на этом месте пахали и сеяли. Довольно быстро такие пашни зарастали лесом, заболачивались и их забрасывали. По суеверным представлениям, именно на таких дальних и мелколесных «куличках» и водились черти.

Увеличение компонентного состава фразеологизма путем введения дополнительных компонентов – один из способов преобразования фразеологизмов писателями (*к черту в пекло, к черту в подкладку* – Н.В. Гоголь, *к черту на помойку* – А.Н. Житинский). Уточняющие компоненты – результат семантического «перенапряжения» фразеологизма, средство усиления экспрессии, особый способ актуализации внутренней формы. Усиление экспрессивности обычно происходит путем активизации значения второго именного компонента. Эта актуализация заключается в предельной конкретизации компонента, лексическое значение которого преобразовалось в целостной фразеологической семантике.

Таким образом, качественному семантическому, морфологическому и синтаксическому преобразованию подверглись все слова, ставшие компонентами новой языковой единицы с качественно-обстоятельной семантикой.

Качественно-обстоятельные фразеологизмы с компонентом «черт» обнаруживают разные субкатегориальные значения:

1) обстоятельное: *к черту, к черту на кулички, к черту в мешок, к черту в пекло, к черту на рога, к чертям собачьим, ко всем чертям, к черту в подкладку, у черта на куличках, хоть к черту на рога;*

2) степень проявления действия или признака): *как черт (черти), как сто чертей, как черт из коробки (коробочки, табакерки), будто черт по коробке колотит, до черта.*

Фразеологизмы с обстоятельным субкатегориальным значением указывают на место совершения действия. Например:

И вот повелел их сегодняшней великий кормчий, чтоб по три миллиона китайцев в год из страны убралось бы к чертям собачьим, восвояси. *М. Гигалашвили. Дезертиры.*

- Во-вторых, тоска по родине мне не грозит. Как где-нибудь в Аргентине, у черта на рогах. *А. Житинский. Дитя эпохи.*

- Куда едем? – хрипло и зло спросил он. – К черту на рога, - серьезно сказала она. Оттолкнула его руку, села нормально. *В. Шукшин. Любавины.*

- Куда вот собрался? К черту на кулички... То ли уж роду мне написано весь свой век мучится. Пошто жа, сынок, только про себя думаешь?.. *В. Шукшин. Рассказы.*

Из дневника Сабурова: «Правительство может выслать к черту на кулички, но оно не в силах сделать высылку бесчестьем». *А. Мелихов. Горбатые атланты, или новый Дон Кихот.*

Я ж и говорю – задачка. Торговый порт – это у черта на куличках. *В. Кунин. Кыся.*

Это у черта на куличках, наша машина еле-еле туда поднялась. *В. Поволяев. Иду на «вы».*

Качественно-обстоятельственные фразеологизмы **к черту**, **ко всем чертям**, **к чертям собачьим** проявляются сразу два слагаемых значения – указание на место действия, его направление, которое можно передать наречием «далеко», и указание на степень проявления действия, которое имеет значение «совсем, полностью, совершенно». Для актуализации одного из значений этих фразеологизмов необходим определенный контекст. Например:

- Мерзавец, а я, действительно, тряпка. Если уж не выгнал его, то, по крайней мере, нужно было молча уйти. Поезжай к чертям (*указание на место, направление действия, обычно употребляется при глаголах движения*). *В. Кунин. Повести.*

Петер, полуослепший и полуоглохший, забился между толстенными балками стапеля и продолжал снимать, несколько раз стапель содрагался так, что, казалось, вот-вот обрушится к чертям собачьим (*указание на степень проявления действия*), но не обрушилось – и бомбежка продолжалась. *А. Лазарчук. Опоздавшие к лету.*

К субкатегории со значением степени проявления признака или действия принадлежат 6 фразеологизмов: *как черт (черти), как от черта, как сто чертей, как черт из коробочки, до черта, будто черт по коробке колотит*. Например:

Душа горела узнать эту птицу, да рожа замазана сажею, как у черта, что кует гвозди для грешников. *Н.В. Гоголь. Вечера на хуторе близ Диканьки.*

Голые саперы выбегают из бани и катаются по снегу; черные, как черти, копаются в моторе трактора; собравшись в кружок, травят анекдоты. *А. Лазарчук. Опоздавшие к лету.*

У мадам Анжу печка раскалилась, как черт, в трубах звенело и несло, один из юнкеров стоял на часах у двери, не спуская глаз с мотоциклетки у подъезда, и пять юнкеров мертво спали в магазине, расстелив шинели. *М. Булгаков. Белая гвардия.*

Он шел на противоположной стороне улицы, и люди разбегались от него, как от черта. *А. Лазарчук. Опоздавшие к лету.*

Машина появилась неожиданно, выскочила из-за угла, как черт из табакерки, с визгом затормозила у подъезда. *М. Серегин. Последняя стрелка.*

Качественно-обстоятельственные фразеологизмы с компонентом «черт» со значением степени проявления признака или действия в свою структуру включают сему «очень». Союз **как** сосредоточивает внимание на той характеристике, которую хочет подчеркнуть носитель язык.

Таким образом, качественно-обстоятельственные фразеологизмы с компонентом «черт» имеют специфику во внутренней и внешней форме; характеризуются устойчивостью компонентного состава, но вместе с тем обнаруживают варьирование на словообразовательном, морфологическом, лексическом уровнях языка, которое служит постоянным источником обновления экспрессивности фразеологизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: 2001. – 928 с.

2. Мокиенко В.М. Славянская фразеология: [Учеб пособие для вузов по спец. Рус. яз. и лит.».]. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1989. – 286 с.

Л.П. Юздова
Челябинск

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Одна из самых сложных задач лингвистической семантики – реконструкция языковой картины мира. С одной стороны, необходимо произвести реконструкцию системы представлений, отраженной в определенном языке, причем без учета ее специфичности для языка, то есть исследовать универсальную систему представлений, а с другой стороны, необходимо исследовать и воссоздать неуниверсальный, специфичный, уникальный «мир» определенного языка, увидев в нем ключевые для данной культуры концепты. Благодаря исследованиям ученых, в том числе А. Вежбицкой, Ю.С. Степанова, А.Д. Шмелева [Вежбицкая, Степанов, Шмелев], обнаружены и описаны уникальные единицы русского языка (*тоска, авось, удаль и др.*). «Можно считать лексическую (и фразеологическую – Л.Ю.) единицу языка ключевой, если она может служить своего рода ключом к пониманию каких-то важных особенностей культуры народа, пользующегося данным языком» [Шмелев: 11]. Д.Н. Шмелев отмечает, что речь не идет о понимании культуры в целостности, анализ семантики дает возможность увидеть некоторые черты культуры, дает представление о мире, в котором живут определенные носители культуры.

Язык и образ мышления взаимосвязаны. Это утверждение стало аксиомой. Номинативные единицы языка, являющиеся метками культуры народа-носителя языка, отражают специфику мышления и, конечно, формируют определенное мышление у носителей языка.

Таким образом, ключевая единица языка характеризуется, во-первых, уникальностью, специфичностью языка, во-вторых, одновременно и средством отражения, и средством формирования ментальности у го-

ворящих на данном языке. Широко известна гипотеза лингвистической относительности: «Мы видим, слышим и вообще воспринимаем мир именно так, а не иначе, главным образом благодаря тому, что наш выбор при его интерпретации предопределяется языковыми привычками нашего общества» [Сепир]. «Мы расчленяем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе, в основном потому, что мы – участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию. Это соглашение имеет силу для определенного речевого коллектива и закреплено в системе моделей нашего языка» [Сепир : 175]. Формулировку гипотезы лингвистической относительности дал и Бенджамен Ли Уорф: «Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком» [Уорф : 174]. Язык, таким образом, с одной стороны, является результатом познания мира человеком, с другой стороны, влияет на познавательную деятельность человека. Языковая картина мира представляют собою своего рода «систему анализа окружающего мира» [Уорф : 1905], язык предоставляет человеку готовую схему анализа окружающей действительности, готовые инструменты для этого процесса, по крайней мере, в основной части. Языковая картина мира – совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности, исторически сложившиеся в обыденном сознании языкового коллектива и отраженные в языке. Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации мира, то есть его концептуализации. Значения, которые выражает язык, представляют собой в совокупности единое образование, своего рода систему взглядов, которая «навязывается» как нормированная носителям языка, предлагается как единственно возможная для носителей определенного языка. Например, носитель русского языка не может использовать как нормированную, принятую в данном языковом сообществе **фразеологическую единицу (ФЕ)** *крюком или серпом (крючком или посохом)*, в русском языке есть ФЕ *всеми правдами и неправдами, так или иначе, во что бы то ни стало, не мытьём, так катаньем*, то есть «не одним, так другим способом, любыми средствами, не стесняясь в выборе средств, ничем не брезгуя». В английском языке ФЕ *by hook or by crook* – *крюком или серпом (крючком или посохом)* существует,

она зафиксирована словарем А.В. Кунина [Кунин : 394]. Конечно, мы можем использовать эту ФЕ в русском языке как окказионализм, однако она станет единицей языка только тогда, когда будет признана русским языковым сообществом. Создателем языковой картины мира и ее центральной фигурой является человек, в семантике и прагматике языка запечатлены результаты и особенности познания человеком окружающего мира и самого себя.

Существуют два взаимообусловленных понятия: концептуальная картина мира и языковая картина мира. Концептуальная картина мира существует в виде концептов, образующих концептосферу народа, языковая картина мира – в виде значений языковых знаков, образующих совокупное семантическое пространство языка. Язык – это своего рода инструмент для обработки мыслей, а также и для фиксации результатов мыслительной деятельности, однако язык – это еще и форма существования концептуальной картины мира. Языковая картина мира не может исчерпать всего содержания концептуальной картины мира. Концептуальная картина мира формируется не только при помощи языковых средств, но и при помощи невербальных средств. Языковая картина мира не равна концептуальной, языковая картина мира менее объемна по сравнению с концептуальной. Язык не может выразить все, что окружает человека. Если бы язык смог выразить все, что окружает человека, было бы невозможно дальнейшее развитие языка. Именно стремление языка выразить большее количество понятий делает язык живым, развивающимся.

Языковая картина мира представляет собой лингвистическое отображение части концептуального представления о реальности. Язык одновременно является компонентом самой концептуальной картины мира: при помощи языка, его средств осуществляется категоризация мира. Языковая картина мира определенного языка входит в языковую модель мира всех языков. Универсалии языков входят в языковую модель мира. Изучая языковые универсалии, можно выйти на создание языковой модели мира. Структурирующим элементом картины мира и модели мира является концепт, он представляет собой оперативную единицу сознания. Из современного понимания концепта следует, что он воспринимается как базовая ко-

гнитивная сущность. Концепт – это вербализованный культурный смысл.

Реконструкцию языковой картины мира можно осуществить при помощи концептуального анализа. Понятийные категория представлены концептами. «Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [Степанов : 43].

Категория квалитативности (мы рассматриваем только адвербиальные ФЕ со значением квалитативности) представлена рядом концептов, среди которых универсальные концепты («быстро», «медленно», «часто», «редко», «высоко», «низко» и т.д.), они репрезентируются ФЕ, носящими универсальный характер, с точки зрения семантики, план выражения может быть как одинаков, так и различен в разных языках. Эти концепты являются значимыми для человеческой культуры, встречающимися во всех естественных языках мира в силу универсальной ценности понятий. Однако каждый язык «рисует» свою картину, в которой действительность изображена иначе по сравнению с тем, как это делается в других языках. Исследованию отдельных, характерных для определенного языка, лингвоспецифичных, «ключевых» для данной культуры концептов посвящено значительное количество работ.

Изучая русские фразеологические единицы квалитативной семантики на фоне английских этой же семантики (пекьюлиаративный метод), мы выяснили, что часть фразеологических единиц имеет универсальный семантический характер. Этот факт подтверждает однотипность, общность подходов в номинации, возможно, в ряде случаев сказываются общие источники пополнения фразеологической системы языков, но, конечно, прежде всего, влияет общность антропоцентрического подхода к номинации. Сравним: рус. ФЕ *со всех ног (во все ноги)* имеет значение «очень быстро, стремительно», синонимичная англ. ФЕ *as fast as one's legs will carry one* – «так быстро, как ноги могут унести». Примеров идентичной или похожей номинации много: *как убитый (-ая, -ые)* (рус. ФЕ) – в значениях «очень крепко, беспробудно (спать); отрешенно, упорно (молчать); неподвижно (лежать)» // *as if killed* (англ. ФЕ) – в значении «как убитый» (молчать); *как (будто, словно, точно) лиса* (рус. ФЕ) – «подобно животному, которому люди приписывают чрезвычайную хитрость» // *as sly as a*

fox (англ. ФЕ) – «хитер, как лиса»; *из вторых (третьих) рук* (рус. ФЕ) – «через посредников» // *at second hand* (англ. ФЕ) – «из вторых рук»; *как (будто, словно, точно) на иголках* (рус. ФЕ) – «в состоянии крайнего волнения, нервного возбуждения, беспокойства (сидеть)» // (англ. ФЕ) – «быть на булавках и иголках, то есть в возбужденном состоянии»; *спустя рукава* (рус. ФЕ) – «кое-как, недобросовестно (работать)» // *up one's sleeves* (англ. ФЕ) «кое-как, спустя рукава»; *с легким сердцем* (рус. ФЕ) – «легко, без переживаний» // *with light heart* (англ. ФЕ) – «с легким сердцем»; *с тяжелым сердцем* (рус. ФЕ) – «с переживаниями» // *with heavy heart* (англ. ФЕ) – «с тяжелым сердцем» и т.д.

ФЕ качественной семантики характеризуются эмоциональностью и многочисленностью. Частотность употребления этих номинативных единиц, на наш взгляд, может быть объяснена русской ментальностью, которой присуща эмоциональность, частотность применения единиц с качественным значением зависит от ситуаций, предполагающих эмоциональную реакцию. Наша позиция подтверждается данными лингвистического эксперимента. Изучив сплошной поток речи при эмоциональных ситуациях восхищения, удивления, раздражения, негодования, мы обнаружили более 30% единиц со значением качественности (лексем – существительных, прилагательных, наречий, глаголов, а также ФЕ подобной категориальной отнесенности).

Процент наличия ФЕ в языке тесно связан с показателем развития культуры того или иного народа, поскольку ФЕ и их этимология являются выражением культуры. Традиции, обычаи народа считаются «негласными основоположниками» возникновения ФЕ в речи. ФЕ отражают многовековую историю народа, своеобразие его культуры, быта, традиций. Поэтому ФЕ являются высокоинформативными единицами языка. Русский язык с точки зрения наличия в его обширной системе ФЕ является, пожалуй, одним из самых богатых. ФЕ представляют достаточно объемный пласт русского языка. Фразеологическая система языка развивается, обогащается за счет новых явлений в окружающей действительности и в умах носителей языка.

ФЕ как в основном яркие, образно-эмоциональные, экспрессивные средства языка способствуют созданию эстетически значимой, языковой картины мира. Понятие фразеологическая картина мира подразумевает часть языковой картины мира, описанной средствами фразеологии, в которой каждая ФЕ является элементом строгой системы и выполняет определенные функции в описании реалий окружающей действительности. Из этого следует, что фразеологическая картина мира – один из универсальных способов классификации фразеологических единиц, основаниями которой выступают как их экстралингвистические, так и языковые особенности.

Фразеологическое значение – это динамическое явление, порождаемое особым взаимодействием формы и содержания фразеологической единицы, что приводит к возникновению обобщенного, абстрактного содержания. Специфичность фразеологического значения заключается не только в отвлеченном значении по сравнению с лексическим значением, но и в избирательности, нацеленности на экспрессивно-эмоциональные, антропоморфные сферы номинации действительности. В структуре фразеологического значения традиционно выделяют три компонента: денотативный (соотношение фразеологической единицы с предметами действительности), сигнификативный (выражение обобщенно-понятийного содержания), коннотативный (выражение экспрессии, оценки). В структуре ФЕ выделяется также этнокультурный компонент (выражение связанности с разнообразными сферами деятельности народа). Фразеологический фонд языка является носителем и источником культурно-национальной информации, именно во фразеологическом фонде национальная самобытность языка получает свое яркое и непосредственное проявление. Контрастивные исследования ФЕ в контексте культуры имеют дело с описанием «скрытых» в наивной картине мира следов взаимодействия языка и культуры, а этнолингвистическое и лингвокультурологическое направления стремятся раскрыть средства и способы проникновения «языка» культуры во фразеологические знаки естественного языка и формы презентации ими культурно значимой информации, представления языковой картины мира.

Мы пытались выявить универсальные и неуниверсальные семантические маркеры. Различия в восприятии мира особенно ярко видны на фразеологическом материале, и прежде всего, на материале адвербиальных фразеологических единиц со значением качественности, потому что именно они характеризуют действие, важнее которого нет ничего. Благодаря действию человек ощущает (и является таковым) себя живым, не пассивным, активным членом общества. Адвербиальные ФЕ «схватывают» особенности качественной характеристики *признака действия* и *признака признака* «предмета».

Различия между языковыми картинами обнаруживают себя, в первую очередь, в лингвоспецифичных номинантах, заключающих в себе *специфические* для данного языка концепты. Исследование лингвоспецифичных номинантов в их взаимосвязи и в межкультурной перспективе позволяет говорить о реконструкции фрагментов русской языковой картины мира.

Концепты, репрезентирующие категорию качественности, занимают одну из основных позиций в языковой картине мира и языковом сознании нации, так как благодаря этим концептам человек имеет возможность отражать окружающий его мир не пассивно, не созерцательно, а активно, определяя отношение к объектам этого мира, оценивая их. Качественность понимается нами как оценка свойств «предмета» человеком в соответствии с эталоном, принятым в обществе. Оценка является общечеловеческой, вненациональной категорией. Нет языка, в котором бы отсутствовали оценочные слова и выражения. Однако оценка – это акт мышления, а мышление имеет национальную специфику.

Изучаемые ФЕ достаточно полно репрезентируют категорию качественности. Требования репрезентативности – свойство выборочной совокупности, воспроизводимость характеристики генеральной совокупности. Адвербиальные ФЕ со значением качественности репрезентативны в отношении категории качественности в языке. Картина мира представлена опосредовано в языковой картине мира, причем в адвербиальных ФЕ качественной семантики ярче, чем где бы то ни было. Это самый тонкий слой при «археологических» изысканиях в языке. Если, например, в лек-

семе *парта* обычный носитель языка не сможет увидеть причин такой номинации, то в адвербиальных ФЕ типа *сломя голову, как снег на голову* мотивированность лежит практически на поверхности. В этом заключается специфика ФЕ. Считаем, что на фразеологическом материале можно изучать семантическую мотивированность. Номинации качеств действия и признака осуществляются посредством ассоциаций; ассоциации связаны с реалиями конкретного языка, например, в рус.яз. *напиться как свинья*, в англ. *be drunk as a skunk* (напиться как скунс), или в рус. *проще пареной репы*, в англ. *as easy as pie* (просто как пирог), или по-русски чувствовать себя *как (будто, словно, точно) у X(x)риста за пазухой*, по-английски *as safe as in God's pocket* (как у бога в кармане). Адвербиальные ФЕ со значением качественности являются одним из основных средств отражения языковой картины мира.

Расшифровка смыслов связана с культурными установками носителя определенного языка, с его *менталитетом*. Например, особенности сравнений, наименований качеств действий, признаков непосредственно зависят от мышления человека, его менталитета. Менталитет – совокупность образов и представлений, которыми руководствуется человек или группа людей. Смыслы выявляются в сравнении. Свою культуру человек способен осмыслить лишь в том случае, если познакомится с другой культурой. Если менталитет нами осознаётся не всегда, то картина мира (проявление менталитета) осознаваема. Это своеобразная «мозаика», состоящая из концептов. Сравнение – это одновременно и ключ к познанию культурных аспектов развития ментальности, и способ создания языковой картины мира. Познавая мир, человек использует такие акты мышления, как анализ и синтез, которые возможны благодаря выявлению свойств, признаков, качеств и т.д. и их сравнения.

Расшифровка смыслов связана с культурными установками носителя определенного языка, с его ментальностью. Например, особенности сравнений, наименований качеств действий, признаков непосредственно зависят от мышления человека, его менталитета. Для сравн.: в англ.яз. *bite the bullet* (*кусать пулю* – мужественно примириться с суровой необходимостью; выражение восходит к тому времени, когда оперировали без наркоза

и раненому давали пулю, чтобы, сжимая ее зубами, он не кричал) и в рус.яз. синонимичная ФЕ *стиснув зубы* (подавляя, преодолевая свои желания, сдерживая свои чувства (делать что-либо)). Или: англ. ФЕ *before you can say Jack Robinson* (прежде, чем вы сможете сказать «Джек Робинсон», то есть так быстро, что не успеете и слова вымолвить) и рус. ФЕ *в момент* – (очень быстро, моментально). Форма подачи одинакового содержания в разных языках часто различна, и это связано с менталитетом народа. Ментальность – это способ выражения и восприятия окружающего мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А.Д. Шмелёва [Текст] / А. Вежбицкая. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
2. Сепир, Э Избранные труды по языкознанию и культурологии [Текст] / Э. Сепир. – М. : Издательская группа «Прогресс», 1993. – 656 с.
3. Степанов, Ю.С. Константы: словарь русской культуры [Текст] / Ю.С. Степанов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Академич. проект. – 2001. – 990 с.
4. Уорф, Б. Отношение норм поведения и мышления к языку. Наука и языкознание. Лингвистика и логика [Текст] // Новое в лингвистике. – М., 1960. – С.135 – 198
5. Шмелев, А.Д. Русская языковая модель мира [Текст] / А.Д. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры. – 2002. – 224 с.

Е.Е. Яковлева, Н.А. Катайцева
Москва, Курган

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ВЗАИМОСВЯЗЬ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖУРНАЛИСТИКИ НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА ДМИТРИЯ БЫКОВА

Современный литературный ландшафт свидетельствует о том, что массовая литература стала универсальным социокультурным пространством для ассимиляции и распространения разнообразных идей, она по-своему комментирует все аспекты современной жизни, формируя определенный контекст ценностей. Если учесть, что большинство заметных имен

появились в литературе из журналистики (Е. Трегубова, М. Идов, З. Прилепин и др.), то можно заметить некую тенденцию смещения – смещения – жанров и перехода одного вида творчества в другое. Социокультурная ситуация кардинальным образом влияет на литературные формулы, реализующиеся в популярных текстах. Последние несут в себе все социальные, культурные и политические коды и, в свою очередь, предлагают их потребителям. Изучение литературных текстов известных журналистов в высшей степени репрезентативно для понимания ценностного содержания массовой культуры вообще. Поэтому представляется симптоматичным выявление определенных ярких представителей российской литературы и журналистики последнего времени, анализ взаимосвязей, взаимовлияния и взаимопроникновения их журналистской и литературной деятельности. Так, изучение симбиоза публицистики и литературных произведений столь неоднозначной фигуры, как Дмитрий Быков, позволяет проследить отдельные тенденции в современном историко-литературном процессе.

Новое поэтическое имя, появившееся в конце 80-х годов прошлого века, привлекало к себе внимание уже тем, что носитель его принадлежал не к поколению авторов, сформировавшихся давно, но сумевших опубликоваться лишь сейчас, а к «младому и незнакомому племени» стихотворцев наступающей эпохи гласности. К Дмитрию Быкову присматривались, с ним связывали надежды и ожидания, в перспективе его видели одной из ключевых фигур поколения уже по-настоящему неподцензурной литературы. Ожидания частично оправдались. Сейчас Быков входит в число наиболее известных современных литераторов и даже принадлежит к тем немногим творческим личностям, которых рядовая аудитория узнает в лицо. Быков молниеносно реагирует на события нашей культурной, политической и бытовой жизни в журналистских статьях, в прозе, стихах, телепередачах, устно и письменно, печатно и непечатно. Он смог стать неким литературно-журналистским «трендом», т.е. личностью, к которой прислушиваются, за которой идут и словам которой верят. Этот автор получает, как правило, в свой адрес либо безусловно хвалебные (И. Сурат, Д.Бак, Н.Елисеев, О.В.Ладохина), либо резко негативные оценки читающей публики и критиков (А.Соломатин, Ю.Павлов, С.Хазагерова и др.).

Как показал Владимир Новиков на страницах «Нового мира», Быков рано начал писать «по-взрослому», с прицелом на историческую перспективу, с установкой на «исповедь сына века». Уже в 1989 году он сложил лиро-эпическую стихотворную повесть «Ночные электрички» с редким для «поэзии молодых» вниманием к чужой жизни [1, 43-44].

В 1989-1992 гг. Дмитрий Быков стал одним из основоположников поэтического течения, провозгласившего в конце 80-х годов «торжествующий гедонизм в изоощреннейших образцах словесности» [2] и выбравшее для себя несколько претенциозное, но при этом достаточно презентабельное наименование – Куртуазный Маньеризм. В 1994 году вышел сборник «Послание к юноше», который позволил критикам объявить автора в первую очередь лириком: «(Д. Быков) именно лирик, один из немногих в сегодняшней поэзии. “Новая искренность” Дмитрия Быкова, с которой он некогда входил в литературу, вовсе не сошла на нет, не растворилась в опыте и трезвости зрелого возраста и в упоении литературным успехом» [3,82].

Взлет литературной карьеры Д.Быкова приходится на начало XXI века. С 2001 года выходят романы «Оправдание» (2001), «Орфография» (2003), плутовской роман о Ленине «Правда» (совместно с Максимом Чертановым), «Эвакуатор» (2005), «ЖД» (2006), «Списанные» (2008), «Остромов, или Ученик чародея» (2011), «Икс» (2012), «Квартал» (2013) и др., рассказы, сказки. Быков также создает документальные произведения в цикле ЖЗЛ «Борис Пастернак» (2005), «Был ли Горький?» (2008), «Булат Окуджава» (2009); продолжает издавать стихотворные сборники и книжки статей и сказок. Получает за них престижные литературные премии: Международную литературную премию имени А. и Б. Стругацких, «Бронзовая улитка», «Национальный бестселлер», «Большая книга», «Портал».

Журналистское творчество Дмитрия Быкова развивалось параллельно с литературным, причем «синтез жанров», который он сам постоянно декларирует, стал определяющей чертой обоих направлений деятельности.

Журналистская карьера Дмитрия Быкова началась в 1985 году в газете «Собеседник» в должности корреспондента. С 1990 года, помимо «Собеседника» (креативный редактор «Собеседника», авторская рубрика «Герой недели»), Быков печатается в «Огоньке» (авторская рубрика «Письма счастья»), в журнале «Русская жизнь» (обозреватель), сотрудничает практически со всеми московскими еженедельниками и несколькими ежедневными газетами на регулярной основе – «Вечерний клуб», «Столица», «Общая газета», «Семь дней» (ведущий обозреватель), «Новая газета» (колумнист и «штатный поэт»), «Фас», «Профиль» и др. Кроме печатных СМИ и Интернета, проявил себя на радио и телевидении: в 1992 году дебютировал на телевидении в программе Киры Прошутинской. Участвовал в телевизионном проекте Сергея Лисовского в качестве ведущего и автора программ. На телеканале «Авторское телевидение» вел собственную программу «Хорошо Быков», был соведущим программы «Времечко» в жанре ток-шоу. В 2009 году участвовал в программе «Рождённые в СССР» (телеканал «Ностальгия»). С 2009 года вел программу «Сити шоу с Дмитрием Быковым» на радио Сити-FM. С 2010 г. по январь 2011 г. вел телевизионное ток-шоу «Картина маслом» на Пятом канале.

Про свою журналистскую деятельность Дмитрий Быков говорит так: *«Мне всегда нравилось, когда меня называли “журналюга”. Журналюга – это тот, кого ненавидят, а настоящий журналист должен вызывать ненависть и раздражение. Если после публикаций или передач остается благостное впечатление, это плохой журналист - он «не цепляет» аудиторию».* Острые, злободневные тексты, которые Дмитрий Быков пишет в качестве колумниста для различных изданий, отличаются особенным, одному ему свойственным стилем. Выбирая наиболее острую актуальную тему момента (дня, недели) или какое-то событие, свой материал он строит как литературное произведение, чаще всего зарифмованное, но не в виде стиха (сегментация отсутствует), а написанное как прозаический текст, легко разделяемый на рифмующиеся строфы, содержащий определенную ритмику и авторскую интонацию. Например:

Насчет троянского конвоя острит соседняя страна. Меж тем еще ни у кого я не встретил правды. Вот она: благодаря экспресс-конвою гу-

манитарных наших сил понятно сделалось про Троию, чего и Шлиман не отрыл. Гомер был слеп. В картине ясной он разобрался не вполне. Войны там не было троянской. Речь о гражданской шла войне. Парис, конфликта не желая, хоть был Венерой разогрет, не крал жены у Менелая — все это вымысел и бред: конечно, взбрыкивают бабы, но вряд ли, честно говоря, она пошла за пастуха бы от полноценного царя. Опять же десять лет осады в азиатскую жару из-за сомнительной награды — вернуть неверную жену?! Один пиар, уразумейте, и стопроцентное вранье. Воюют только из-за нефти, а в Трое не было ее. И кто поверил бы, что греки, культуры истинной отцы, такие, блин, сверхчеловеки, жрецы, бойцы и мудрецы, демократическому строю патриотически верны, могли пойти на эту Троию из-за какой-нибудь жены?! [4].

Отчасти благодаря такой манере письма Д. Быков снискал славу «современного баснописца». Публицистические, литературоведческие и полемические статьи Дмитрия Быкова публикуются как в толстых ежемесячниках, так и в эпатажных таблоидах. Главное в журналистике для него — неангажированность издания, отсутствие крайностей позиции, готовность публиковать талантливый текст независимо от его направленности, интерес к человеку — и в работе, и в выборе тем.

Большинство авторских колонок написано Быковым в жанре памфлета. Произведение сатирического характера, в котором сарказм, патетика и гневная экспрессивность составляют сатирическое начало, а злободневность, оперативность, документальность и крупномасштабный объект разоблачения (социальное явление, государственные или общественные деятели) — публицистическое. В последние несколько лет памфлет является излюбленным журналистским жанром Дмитрия Быкова наряду с пародией и фельетоном.

Критики отмечают в творчестве Быкова как литератора острый лиризм, который ощущается и в его публицистических текстах. В «Новой газете», с которой автор сотрудничает уже много лет, публикации носят больше стихотворный характер неслучайно — главная мысль и главный месседж текста легче доносятся до читателя, когда внутри текста присут-

ствуется особая – стихотворная – ритмика, часто наличествует рифма. Например:

И кстати, главная-то жесть, как любит говорить Парфенов, — что из болота выход есть, но есть ли выход из поклонов? Еще надежда есть пока уйти из топи, став хоть чем-то, — надежда есть для хомяка, но где надежда для Шевченко? [5].

Дмитрий Бак отмечает, что главная черта стилистики Д.Быкова – склонность к афористической ясности, к афоризму как таковому – проявляется не только в художественной прозе, но и в публицистике. Вернее будет сказать – к метафорическому афоризму, если подразумевать, что афоризм и метафора – вещи совместные далеко не всегда. Афоризм у Быкова не самоценен, не замкнут в себе, вставлен в обширную рамку расширяющегося смысла [3, 2].

Некоторые исследователи творчества Дмитрия Быкова отмечают, что отличительной особенностью его литературного стиля является инструментальное отношение к слову, что связано с его профессиональной журналистской деятельностью. Сугубо публицистическим является и взгляд Быкова на русскую литературу: он измеряет ее содержащимися в ней идеями и сюжетами. Из этого же строит он и свои произведения. Поле литературы для Быкова-журналиста – это поле свободы: *«Журналист, в силу его специфики, в силу его работы в основном выполняет задание. Он зависит от газетного начальства, он может написать только то, что влезает в формат его газеты или в формат его статьи... В журналистской статье я не могу написать, что все катится в бездну, потому что у меня спросят: «А где факты?» А на факты, как известно, всегда можно найти двадцать контрфактов и доказать, что все, наоборот, безумно укрепляется и растет. А в прозе, и тем более в стихах, можешь выразить каким-то образом то, что носится в воздухе... Потому что журналистика со своим буквализмом на каждом шагу врет, а проза со своими фантазиями на каждом шагу попадает в точку. Так было всегда в русской литературе» [6].*

Но позиция не только писателя, но и журналиста, и гражданина проявляется в его оценке современного творчества: в настоящее время любой

автор и любое его произведение должны занимать определенную гражданскую или общественную позицию, помимо несомненной художественной составляющей, сюжета и таланта. Т.о., стремление к актуальности в текстах самого Быкова соединяется с особым вниманием к публицистическому вектору повествования. Подтверждением этому служат романы Д. Быкова, ставшие одним из заметных событий современной русской литературы. Первым премиальным стал роман «Орфография». Почти во всех рецензиях отмечалось, что роман, в отличие от статей и стихотворений Быкова, принципиально лишен «монологизма», но только М. Эдельштейн отметил, что для описания романа не подходит и термин «полифония», который, казалось бы, напрашивается сам собой: «по той простой причине, что никаких героев-идеологов в “Орфографии” нет». Герои романа «персонифицируют не идеи, а скорее различные типы поведения интеллигента в предложенных историей экстремальных обстоятельствах. При этом каждый из героев то сближается с автором, то отдаляется от него» [7].

Текст романа и редакторская (или всё же авторская?) аннотация провоцируют читателя на то, чтобы читать «Орфографию» как текст по преимуществу аллюзивный: «[...] действие происходит то в Петрограде, то в Крыму сразу после революции или... сейчас?». При желании действительно можно усмотреть в уничтожении Елагинской коммуны отклик на разгром НТВ, прототипом главного героя сам Быков называл Виктора Шендеровича и т.д. Однако и здесь писатель ведет скорее жанровую, чем политическую игру. Создавая «Орфографию» как очередной «roman à clef», Быков не скрывает современных персонажей под именами реальных исторических деятелей, но отсылает читателя к двум рядам одновременно, причем современный ряд едва просвечивает.

У «Орфографии» была некая основа – небольшой сборник публицистических и критических статей автора под названием «Блуд труда» (2001). Многие из этих статей стали основой «оперы в трех действиях», т.к. в них раскрывались характеры будущих персонажей книги и проводились историко-временные параллели событий.

Как однажды признался автор в личной беседе, роман «Орфография» он строил по законам публицистического произведения: долго и кропот-

ливо собирал и изучал материал (журналистское расследование) в архивах, запасниках музеев и у немногочисленных антикваров, собирающих пожелтевшие старые газеты и книги. Натолкнула его на это одна простая мысль: реформа орфографии – своеобразная лингвистическая революция – и время – реальной революции, – с которой она совпала и просто не могла не быть взаимосвязанной. В начале нулевых стало понятно, что и сейчас, на сломе эпох, в социо-культурной среде России происходит нечто подобное. Как литературовед и журналист по образованию и роду деятельности, Дмитрий Быков не мог не уловить аналогичных тенденций. Чтобы найти подтверждение этому, он опросил немало коллег, среди которых кто-то соглашался с ним, кто-то, наоборот, отрицал всё или просто предпочитал не задумываться над такими очевидными вопросами, как взаимосвязь языковых реформ и революционных настроений общества. В результате сам себя отправил в добровольное заточение среди архивной пыли, старых дневниковых записей и собственных наблюдений за современной действительностью. Чем не журналистский прием? Правда, в современной журналистике он все больше становится архаикой: сейчас, к сожалению, время быстрых новостей, а не вдумчивых публицистических очерков.

Современность и публицистичность темы наглядна и в романе «Эвакуатор» – фантазия на темы современной России, в которой террористическая волна ставит под вопрос существование страны и мира в целом. Роман Быков написал за два месяца. В радиоинтервью по результатам премии «Национальный бестселлер» он ясно очертил поле своей деятельности: *«В идеале бестселлером должна становиться книга, которая наиболее четко выражает момент. Именно поэтому она становится всенародно любима... Бестселлер – это книга, которая нужна миллионам... „Букер“ оценивает результат, оценивает качество, „Нацбест“ оценивает актуальность, попадание в нерв».*

Если крупные произведения Дмитрия Быкова («ЖД», «Эвакуатор») полностью литературные, в работе над которыми он использовал некоторые журналистские приемы, то биография Пастернака (как и биография Булата Окуджавы) написаны Быковым в жанре ток-шоу и несут на себе все особенности этого жанра, который сформировался как исключительно уст-

ный. В переводе с английского, ток-шоу – это разговорное зрелище, разговорное представление. Ток-шоу, сочетая сущностные признаки интервью, дискуссии, игры, концентрируются вокруг личности ведущего, который обладает такими несомненными качествами как ум, находчивость, обаяние, юмор и прочее. Существенны также и внешние обстоятельства: определенное место и строго соблюдаемая цикличность. Непременными «компонентами» ток-шоу, кроме ведущего, выступают гости («герои») – люди, чем-то прославившиеся или просто интересные своими поступками, мыслями, образом жизни. Обязательно присутствие в студии нескольких десятков «простых зрителей», возможно и наличие компетентных экспертов. Зрители не всегда вовлекаются в разговор, иногда их участие ограничивается аплодисментами, смехом, возгласами удивления – это создает особую атмосферу публичности, дает «эмоциональную подсказку» телезрителям [8].

В биографической книге «Борис Пастернак» Дмитрий Быков предстал не просто как биограф поэта, но ясно обозначил свою авторскую позицию: я хорошо поработал с документами (как профессиональный литературовед), переосмыслил многие факты и сделал свои выводы, поэтому (как ведущий ток-шоу) приглашаю вас к дискуссии. Вы будете задаваться вопросами во время прочтения этой книги и уж точно не останетесь в стороне давно произошедших событий, особенно когда будете читать «мнения компетентных экспертов» или видеть вполне реальные зарисовки (сюжеты) из жизни моего героя.

«На протяжении всей книги у меня было стойкое ощущение, что я слышу разговор из серии “Кто на лавочке сидел, / Кто на улицу глядел...”, настолько причудливыми были изгибы авторской мысли, неожиданными переходы и умозаключения, что это можно было бы назвать по образцу порицаемого Д. Быковым “нового историзма” – “новым биографизмом”, здесь наличествовал совершенно новый подход к биографическому жанру: перед нами не биография, а как бы стенограмма ток-шоу по ее поводу», – отмечает Евгения Иванова [9].

Текст Быков строит не как научный, а как беллетристический. Именно Евгения Иванова предложила сравнить генезис этой книги с ток-шоу: от ток-шоу идет манера повествования, “наполнение” текста, но его смыс-

ловая конструкция, мировоззренческие основы напоминают о других жанрах – дамском романе и, возможно, “народной” эпосе (Анатолий Иванов, Петр Проскурин и т.п.).

Место рациональных связей в книге Быкова занимают связи иррациональные, события зависят от такой инстанции, как “судьба”: на похоронах Пастернака *“люди чувствовали, что участвуют в последнем акте мистерии, в которую превратилась жизнь поэта”*, *“поражаешься количеству странных сближений в его судьбе”*: речь в данном случае идет о каторжниках под окнами Пастернака в Марбурге и в Чистополе; *“судьба так устраивала”*; *“...трудно не признать ее [книгу “Сестра моя – жизнь”] чудом”*; *“С окончанием романа мистически совпало еще одно событие [смерть О. Фрейденберг]”*; *“...в сферах, с которыми он всю жизнь был в теснейшем, хоть и прерывавшемся по времени общении, готовились мистериальные перемены <...>”*. Дмитрию Быкову важно отметить, например, что Пастернак родился в годовщину смерти Пушкина; он повествует о “мистическом факте, что крупнейший русский поэт тридцатых годов избежал гибели”. По поводу вопроса, почему Пастернак не был репрессирован, Быков пишет: *«На этот вопрос есть множество рациональных ответов и один иррациональный, но, кажется, единственно верный»* [10]. Постоянно апеллируя к мистическому и судьбе, в финале книги Дмитрий Быков открыто поясняет, что он имеет в виду: *«...главное достоинство его [Пастернака] поэзии и прозы, драм и писем, манер и голоса – в том, что все они с равной убедительностью свидетельствуют о возможности другого мира с его небесными красками; о чуде преображения, о живом присутствии Творца <...>»* [10].

Взаимосвязь литературы и журналистики также наглядно проявилась в проекте «Гражданин Поэт» и «Гражданин поэт. Наши – все!» (выходил на телеканале «Дождь», в журнале «Коммерсантъ-Власть», на сайте «Эхо Москвы» и интернет-портале журнала «F5»). Проект совместил в себе также традиции эстрады «шестидесятников» и рифмованной юморески. При этом текст Быкова приобрел звучание острой (не аллюзивной) публицистики (первой полосы оппозиционной газеты) и фактически возродил традиции устного народного (неподцензурного) творчества.

Любой юмористический текст рассчитан на мгновенную рецепцию. И не случайно в текстах Дмитрия Быкова затрагиваются наиболее актуальные аспекты современной жизни. Поэт говорит о том, что интересно обывателю, по сути, выполняя функцию журналиста [11]. Так, например, стихотворение, посвященное разным оценкам событий в Ливии в связи с военной операцией западных стран против режима Муаммара Каддафи президента Дмитрия Медведева и премьер-министра Владимира Путина, представляет собой парафраз известного стихотворения Евгения Евтушенко «Со мною вот что происходит» (1957) и построено в форме монолога премьер-министра.

Об особенностях отечественной политики в проекте «Гражданин Поэт» рассуждали Александр Пушкин, Владимир Маяковский, Уильям Шекспир, Редьярд Киплинг и многие другие. Актуальность тематики вызвала неизменный резонанс. Сам автор сатирических памфлетов – именно так литературные критики определили жанр – в одном из интервью говорит о проекте: *«Для меня «Гражданин Поэт» - счастливая возможность поработать не только с моими давними кумирами и друзьями, Васильевым и Ефремовым, но еще и с Пушкиным, Лермонтовым, Блоком – мы ведь не только стилизуемся под великих, но и учимся у них прямоте и независимости. Кроме того, это замечательный шанс достучаться не только до тех, кто понимает современную поэзию, но и до тех, чьи вкусы остановились на классике».*

Для Быкова литературная традиция – это широкое многополосное шоссе. Он осуществляет масштабный эклектический синтез, слагаемые которого таковы: установка на некрасовскую сюжетную социальность; опыт эстрадной поэзии шестидесятников с разумной примесью «бродской» иронии плюс контактность авторской песни. Быковское слово востребовано, его злободневные памфлеты цитируют наизусть в политических спорах, да и его лирические пассажи можно услышать из читательских уст [1. 44].

Журналистское начало в сатирических памфлетах и миниатюрах Дмитрия Быкова видится и в использовании фактов истории, завуалированных при помощи изобразительно-выразительных средств: *«а в ком-*

байне – тот, который...//А в соседнем - тот, второй...»; «Мы ни разу в кукурузе не играли в бадминтон...», «или в танке на журфак...».

Сам Быков не раз подчеркивал в интервью, что любит экспериментировать с жанрами, в то же время современным сатириком себя не считает, так как жизнь смешнее, чем он может ее изобразить: *«Отсутствие сатиры в современной России может иметь еще одну, вполне прозаическую мотивацию: все и так смешно. Какой сатирик доведет до абсурда академика Рамзана Кадырова или переищутит «Дом-2»? В середине 80-х говорили: жить стало интереснее, чем читать. Сегодня жить смешнее, чем смотреть или слушать»* [12].

Отношение современных критиков и «братьев по перу» к творчеству Дмитрия Быкова неоднозначное: критические оценки колеблются от полюса признания его поэтического таланта и неординарности мышления к полюсу полного отрицания литературных талантов, видения в Быкове исключительно журналиста и имитатора, с чутьем коммерсанта, позволяющего ему на протяжении многих лет находиться в центре внимания. И тем не менее, богатое публицистическое наследие Дмитрия Быкова проявилось в стилистических особенностях литературного письма, главное из которых – способность увлечь читателя своей оценкой фактов действительности и сильное авторское начало, будь то попытка оценить события давно минувших дней или, наоборот, недалекого будущего («ЖД», «Орфография», «Эвакуатор»). А особенности литературного стиля Быкова делают его публицистику эксцентричной, аллюзивной, метафоричной (авторская колонка в «Новой газете» или миниатюры проекта «Гражданин поэт») с четко выраженной авторской позицией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Новиков В. Будетлянка и архаист. Две поэзии двадцать первого века // *Новый мир*. - 2011. - № 11. - С.43-44.

2. Манифест Куртуазного Маньеризма // *Красная книга маркизы. Венок на могилу всемирной литературы*. – М.: Изд. дом «Александр Севастьянов», 1995. – С. 287-294.

3. Бак Д. Дмитрий Быков, или “Непостоянства общего заложник...” // *Октябрь*. - 2010. - №3. - С.82.

4. Быков Д. Гомерическое. Глава из будущего единого учебника истории// Новая газета. – 2014. - №94 от 25.08. [Электронный ресурс]:<http://www.novayagazeta.ru/columns/>
5. Быков Д. Митинговое // Новая газета. – 2012. - №12 от 06.02. [Электронный ресурс]:<http://www.novayagazeta.ru/columns/>
6. Интервью Дмитрия Быкова Григорию Заславскому на радио «Маяк» [Электронный ресурс]: <http://www.radiomayak.ru/schedules/69/22723-audio.html>, или Рогинская О. Дмитрий Быков. Эвакуатор //Критическая масса. – 2005. - №2.
7. Эдельштейн М. Назову себя Клингенмайер//Новый мир. – 2003. – № 12.
8. Телевизионная журналистика / Г. В. Кузнецова, В. Л. Цвик, А.Я. Юровского [Электронный ресурс]: // http://kgu-journalist.ucoz.ru/publ/zhanry_zhurnalistiki/6
9. Иванова Е. "Зимний взят и загажен", или Новый биографизм в стиле ток-шоу // НЛО.- 2008. - №90. – С.82.
10. Быков Д.Пастернак. – М.: ЖЗЛ, 2007 [Электронный ресурс]: <http://lib.rus.ec/b/96585>
11. Степанов Е. Orlusha. «Стихи и ригнгтоны» // Зинзивер. – 2011.- №9 (29).
12. Быков Д. Расстаться, смеясь // Огонек. – 2007. -№ 25.

СОДЕРЖАНИЕ

Андреева Е. Б. (Курган)

Концепция диалога культур в жанре кавказской повести
XIX – начала XX века 3

Андрюшина О.Н., Бочегова Н.Н.(Курган)

Универсальное и культурно-специфичное в содержании концепта
street/улица (на материале русского и английского языка) 10

Батраева О.М. (Владивосток)

Научное общение на уроках РКИ..... 17

Важенина Н.Г. (Курган)

Об особенностях УМК по русскому языку XXI века..... 23

Воинкова Ю.С. (Курган)

Парадигма личных форм процессуальных фразеологизмов
субкатегории деятельности 28

Гаева Е.В. (Курган)

О подаче информации в словарных комментариях..... 31

Гатауллина Н.А., Киселева С.В. (Санкт-Петербург)

Анализ слова *consideration* с использованием когнитивно-сементического
подхода и нейрологических уровней Бейтсона-Дилтса..... 38

Ермакова Е.Н. (Тобольск)

Отфразеологическая деривация как инновационный процесс в
современном русском языке 51

Ермакова Е.Н., Божко Н.А. (Тобольск)

Контаминация в художественном тексте: прагматический аспект 58

Зольникова Н.Н. (Тобольск)

Способы образования отглагольных существительных в русском
и немецком языках 66

Кабыш В.И. (Курган)

Процессуальные фразеологизмы в произведениях В. Маканина 70

Казачук И.Г. (Челябинск)

Синтаксические связи деепричастных форм процессуальных
фразеологизмов..... 78

Казенас О.А. (Курган) О статусе <i>compte</i> во французском языке.....	82
Киселева С.В., Миронова М.Ю. (Санкт-Петербург) Антонимия в образовании банковских терминов английского языка (на примере однокомпонентных и двухкомпонентных терминов)	86
Козлова М.С. (Тобольск) Способы образования отфразеологических лексем на базе предметных фразеологизмов, построенных по модели «имя прилагательное + имя существительное».....	95
Коробова Е.В. (Курган) Тема детства в произведениях К.Д. Воробьева.....	101
Нежданова Н.К. (Курган) Интертекст как прием самоидентификации нового поколения в русской рок-поэзии XXI века.....	105
Позднякова Е.Г. (Курган) Своеобразие сатирического журнала «Новый крокодил»	114
Прокопова М.В. (Тобольск) Трансформация фразеологических единиц путём замены компонента как способ построения кроссвордной статьи	120
Ратушная Е.Р., Ратушная Е.И. (Курган, Екатеринбург) Лексикографическое описание лексики <i>власть</i> в русском языке	125
Сагандыкова Д.Ф. (Снежинск) Микрокомпонентный состав фразеологической коннотации	129
Самойлова Г.М. (Курган) Особенности бытования восточного «семантического конденсата» в русском романе XIX века	134
Семенова Е.В., Киселева С.В. (Санкт-Петербург) Проблемы когнитивного анализа терминов психологической сферы	143
Соболь Д.А. (Курган) Языковая характеристика автора-путешественника в романе Натальи Ключаревой «Россия: общий вагон».....	151

Сысуева Р.П. (Курган)	
Ревизская сказка 1816 года о священниках и церковнослужителях и их семействах Петропавловской церкви села Черемуховского Курганского уезда как лингвистический источник.....	156
Тимофеева Т.П. (Курган)	
Семантика антропонимов, обозначающих человека по профессиональной принадлежности, в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»	160
Туркин О. М. (Курган)	
Цитация в аспекте прецедентности	170
Тюленева Ю.О. (Курган)	
Особенности воплощения главного героя в романе Андрея Рубанова «Великая мечта»	178
Усачева Н.Б., Герасимова А.А. (Курган)	
Предметные фразеологические единицы в поэзии О. Медведева	186
Фёдорова К. Л. (Курган)	
Русские и английские фразеологизмы с компонентами-метеонимами в лингвокультурологическом аспекте.....	192
Шаврина О.Г. (Курган)	
Литературное краеведение в контексте филологического образования школьников	196
Шведова Н.В. (Курган)	
Качественно-обстоятельные фразеологизмы с компонентом «черт»	203
Юздова Л.П. (Челябинск)	
Фразеологизмы как ключ к пониманию национальной языковой картины мира	211
Яковлева Е.Е., Катайцева Н.А. (Москва, Курган)	
Актуальные проблемы и взаимосвязь современной литературы и журналистики на примере творчества Дмитрия Быкова	219

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ

*Сборник материалов
Всероссийской научной конференции*

Авторская редакция

Подписано в печать 30.03.15	Формат 60*84 1/16	Бумага 65 г/м ²
Печать цифровая	Усл. печ. л. 14,69	Уч.-изд. л. 14,69
Заказ № 84	Тираж 100	

Редакционно-издательский центр КГУ.
640000, г. Курган, ул. Советская, 63/4.
Курганский государственный университет.